

ГАЙ ГЭВРИЕЛ
КЕЙ

ЛЬВЫ
АЛЬ-РАССАНА

*Когда солнце и звезды
сойдутся в бою*

Мир Джада

Гай Гэвриел Кей
Львы Аль-Рассана

«ЭКСМО»

1995

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Кей Г.

Львы Аль-Рассана / Г. Кей — «Эксмо», 1995 — (Мир Джада)

ISBN 978-5-04-167820-3

Родриго Бельмонте из Вальедо. Капитан армии джадитов в землях Аль-Рассана. Аммар ибн Хайран из Альджейса. Поэт, дипломат и убийца. И Джеана бет Исхак, лекарь из Фезаны. Женщина, которую они оба любили. Женщина, любившая их – мужчин, что поклоняются разным богам, но одинаково ценят честь и доблесть. Непревзойденных воинов, что еще при жизни стали легендами. Врагов, сделавшихся сперва соратниками поневоле, а позже – друзьями. Но государям нет дела до чувств тех, кто служит им. И настанет день, когда Родриго с Аммаром окажутся во главе враждующих армий, на поле боя, где решится, кто будет править этой жестокой и прекрасной землей... Роман автора «Тиганы», признанного мастера жанра, лауреата Всемирной премии фэнтези, неоднократно номинировавшегося на «Локус» и «Хьюго». Произведения Гая Гэвриэла Кея регулярно входят в списки лучших книг года по версии журнала «Мир Фантастики». Хвалебные отзывы Брэндона Сандерсона, Энн Маккефри и других мастеров жанра.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-167820-3

© Кей Г., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

Благодарности	8
Пролог	10
Часть первая	12
Глава I	12
Глава II	24
Глава III	34
Глава IV	51
Часть вторая	70
Глава V	70
Глава VI	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Гай Кей

Львы Аль-Рассана

Guy Gavriel Kay
The Lions of Al-Rassan

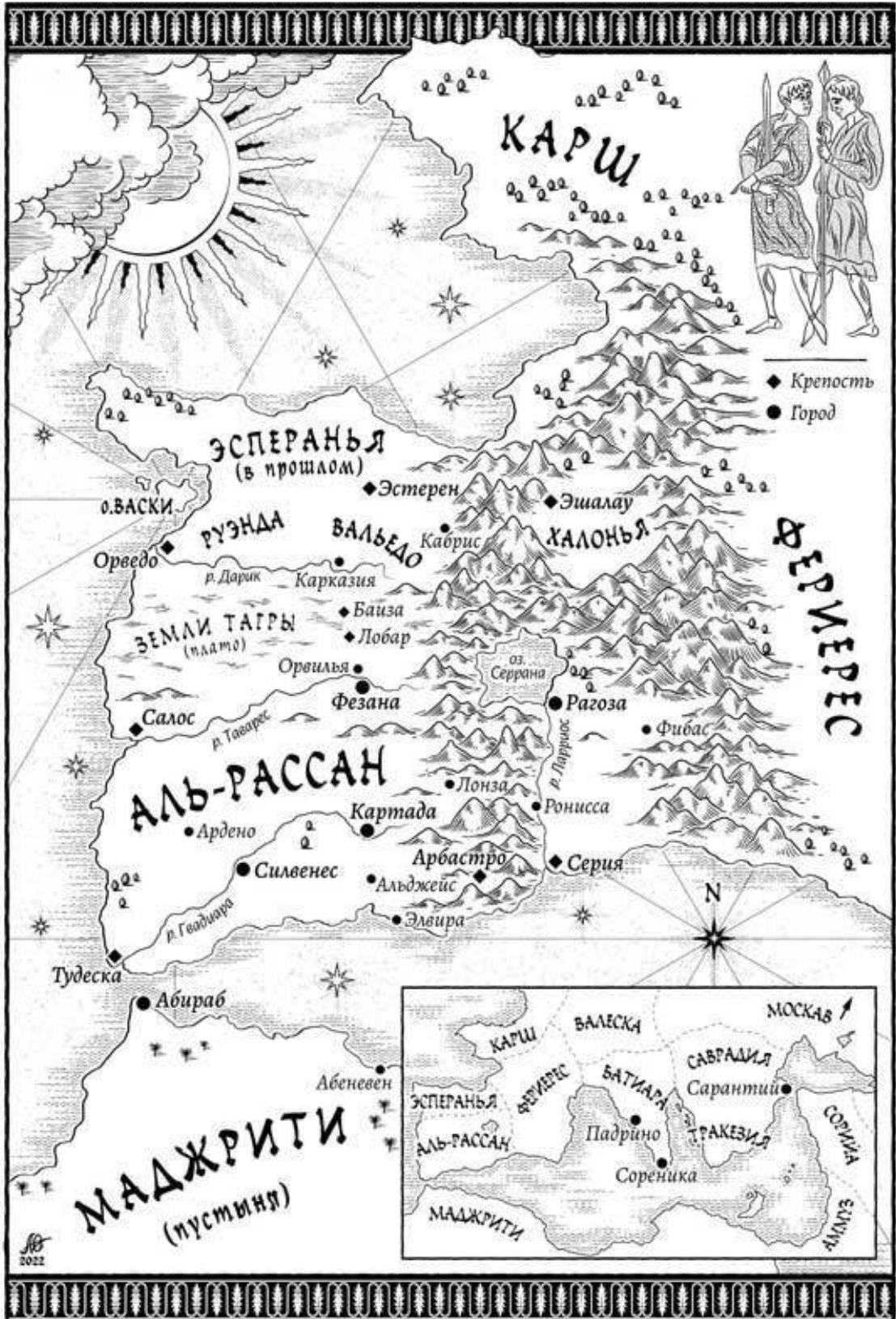
© Guy Gavriel Kay, 1995

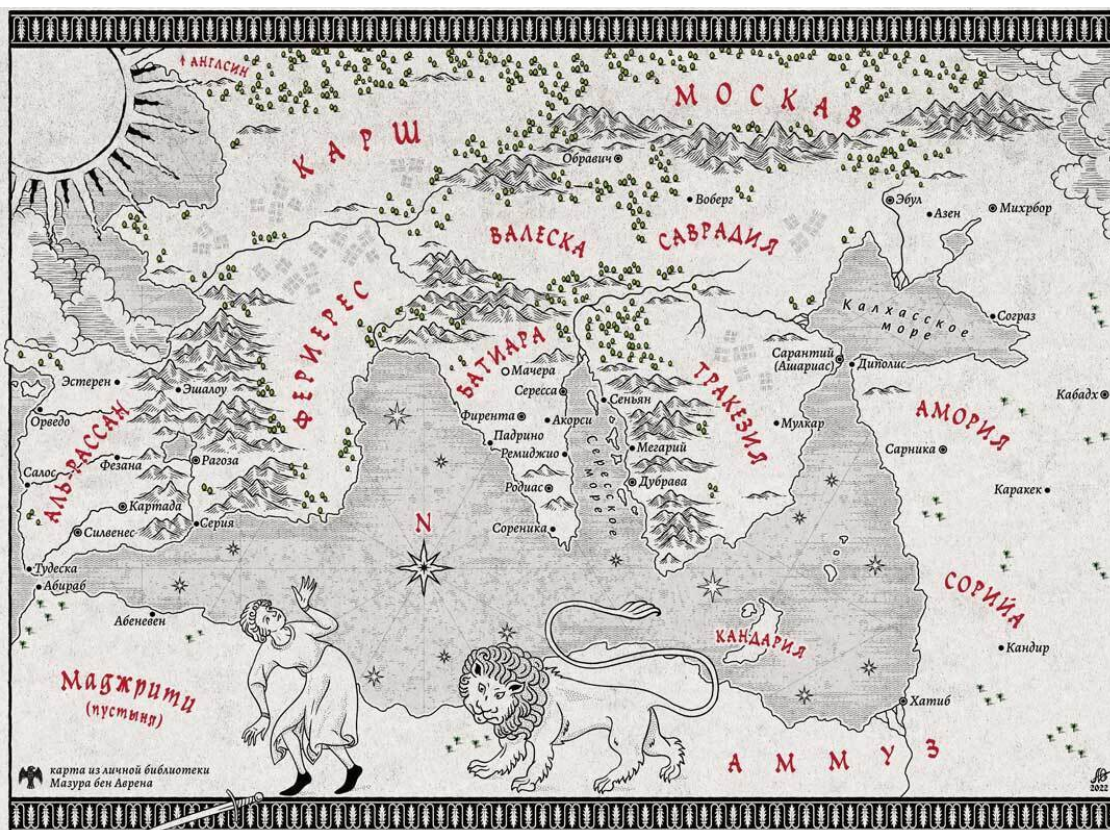
© Н. Х. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Гарри Карлински и Мейеру Хофферу, спустя тридцать пять лет

Благодарности

Те из нас, кому хватает дерзости ходить по грани – или прочерчивать грань – между историей и фантазией, пребывают в глубоком долгу у историков, чьи исследования обрывочных свидетельств нашего прошлого требуют тем больше сил и нестандартных решений, чем глубже они погружаются.

Создавая свой вымышленный Аль-Рассан, я обращался за научной основой и вдохновением к трудам множества людей. Среди них я хотел бы особенно отметить работы Ричарда Флетчера, Дэвида Вассерштейна, Т. Ф. Глика, Нэнси Дж. Сираиси и Манфреда Ульманна (в области медицины), Ш. Д. Гойтейна, Бернарда Райли, Пьера Рише, а также захватывающие, страстные книги Рейнхарта Дози.

В стихах и песнях, встречающихся на страницах книги, знатоки периода, которым я вдохновлялся, уловят мотивы, позаимствованные у самых ярких голосов полуострова. Приличия требуют, чтобы я, помимо прочих, воздал должное творчеству аль-Мутамида, ар-Рунди, ибн Аммара и ибн Бассара.

Со сложностью и могуществом Пиренейского полуострова меня впервые познакомили двое людей, которые на протяжении почти всей моей жизни воплощали для меня идею культурного образа жизни: Глэдис и Дэвид Брасер. И я с огромным удовольствием приношу им здесь свою благодарность.

Я остаюсь благополучателем таланта и опыта самых разных людей. Доктор Рекс Кей, всегда готовый подставить плечо, оказал еще большее содействие, чем обычно, помогая со сбором медицинской информации для романа, а также тщательно вычитывая рукопись в процессе ее создания. Сю Рейнольдс нарисовала еще одну ясную и необходимую карту. Во Франции подмогой мне были дружба и поощрение Стэна Родбелла и Синтии Фостер, а также Мэри и Бруно Гравиц. В Торонто продолжает одаривать меня сокровищами своего неисчерпаемого ума и столь же неистощимой поддержки мой старый друг Энди Паттон. И, наконец, как дома, так и за границей, опорой мне являются три любимых человека: моя мать, мой сын и моя жена.

Гай Гэвриел Кей

Во мне навеки этот вечер.
Ростки восхода северной луны,
Маня его неясным отраженьем,
О нем напоминают вновь и вновь.
Он навсегда во мне – мое второе «я»,
Мой путь к себе. Я сам —
Восход луны на юге.

Пол Кли. «Тунисские дневники»

Основные персонажи

В Аль-Рассане:

(Все перечисленные ниже – ашариты, поклоняющиеся звездам Ашара, кроме отдельно отмеченных лиц)

Верховный правитель *Альмалик Картадский* (Лев Картады).
Альмалик, его старший сын и наследник.

Хазем, его второй сын.

Забира, его любимая наложница.

Аммар ибн Хайран из Альджейса, его главный советник, воспитатель наследника правителя.

Эмир Бадир Рагозский.

Мазур бен Аврен, его визирь, из киндатов.

Тариф ибн Хассан, разбойник.

Идар, Абир, его сыновья.

Хусари ибн Муса из Фезаны, торговец шелком.

Джеана бет Исхак, лекарь из Фезаны, из киндатов.

Исхак бен Йонаннон, ее отец.

Элиана бет Данил, ее мать.

Велас, их слуга.

В трех королевствах Эспераньи:

(Все перечисленные ниже – джадиты, поклоняющиеся богу-солнцу Джаду)

Король Эспераньи Санчо Толстый, ныне покойный.

Король Вальедо Раймундо, старший сын Санчо, ныне покойный.

В королевстве Вальедо (столица Эстерен):

Король Рамиро, сын Санчо Толстого.

Королева Инес, дочь короля Ферриереса.

Граф Гонзалес де Рада, министр Вальедо.

Гарсия де Рада, его брат.

Родриго Бельмонте (Капитан), воин и владелец ранчо, бывший министр Вальедо.

Миранда Бельмонте д'Альведа, его жена.

Фернан, Диего, его сыновья.

Иберо, клирик, учитель сыновей Родриго Бельмонте.

Лайн Нунес, Мартин, Лудус, Альвар де Пеллино – солдаты отряда сэра Родриго.

В королевстве Халонья:

Король Бермудо, брат Санчо Толстого.

Королева Фруэла, его жена.

Граф Нино ди Каррера, фаворит короля (и королевы).

В королевстве Руэнда:

Король Санчес, младший сын Санчо Толстого, брат Рамиро Вальедского.

Королева Беарте, его жена.

В пустыне Маджрити:

(За южным проливом; место обитания племен маджритийцев)

Язир ибн Кариш из племени зухритов, вождь маджритийцев.

Галиб, его брат, главнокомандующий племен.

В странах Востока:

Жиро де Шерваль, верховный клирик Джада в Ферриересе.

Реццони бен Корли, киндат, лекарь и учитель из города Сореника в Батиаре.

Пролог

День только что перевалил за середину, и скоро должен был прозвучать третий призыв на молитву, когда Аммар ибн Хайран миновал Врата Колоколов и вошел во дворец Аль-Фонтина в городе Силвенес, чтобы убить последнего из халифов Аль-Рассана.

Он прошел во Двор Львов и остановился перед теми из двойных дверей, которые вели в сады. Двери охраняли евнухи. Он знал их по именам. С ними все было улажено. Один из них слегка кивнул ему, другой отвел глаза. Он предпочитал второго. Они открыли тяжелые створки, и он вошел. Услышал, как двери за ним захлопнулись.

В это жаркое время дня в садах было пусто. Все те, кто еще оставался в увядающем великолепии Аль-Фонтины, прятались в прохладе внутренних помещений. Они потягивали освежающие сладкие вина или изящными, длинными зирианскими ложками вкушали шербеты, охлаждаемые в глубоких подвалах на снегу, доставленному с гор. Роскошь иной эпохи, предназначенная совсем не тем мужчинам и женщинам, которые обитали здесь сейчас.

Погруженный в эти мысли, ибн Хайран бесшумно шагнул через Апельсиновый сад, потом миновал подковообразную арку, прошел в Миндальный сад и, оставив позади следующую арку, оказался в Кипарисовом саду, где стояло лишь одно высокое, прекрасное дерево, отражающееся в трех прудах. Каждый сад был меньше предыдущего, каждый ранил сердце своей красотой. Как сказал некогда поэт, дворец Аль-Фонтина был построен для того, чтобы ранить сердца.

В конце своего долгого пути ибн Хайран подошел к саду Желания, самому маленькому из всех и прекрасному, как драгоценный камень. И там, на парапете фонтана, в тихом одиночестве сидел в белых одеждах Музафар, как было заранее договорено.

Ибн Хайран поклонился еще под аркой, по глубоко укоренившейся привычке. Слепой старик не мог видеть его поклона. Через мгновение он двинулся вперед, медленно ступая по тропинке, ведущей к фонтану.

– Аммар? – спросил Музафар, услышав его шаги. – Мне сказали, что ты придешь сюда. Это ты? Ты пришел, чтобы увести меня отсюда? Это ты, Аммар?

Так много можно было на это ответить.

– Это я, – сказал ибн Хайран, приближаясь. Он вынул из ножен кинжал. Голова старика внезапно дернулась вверх, словно он узнал этот звук. – Действительно, я пришел, чтобы освободить тебя из этого царства призраков и эха.

С этими словами он плавным движением всадил клинок по рукоять в сердце старика. Музафар не издал ни звука. Все было сделано быстро и уверенно. Ибн Хайран сможет сказать ваджи в их храмах, если до этого когда-нибудь дойдет, что подарил старику легкую смерть.

Он опустил тело на парапет фонтана, расположив руки и ноги под белыми одеждами таким образом, чтобы придать мертвому как можно больше достоинства. Сполоснул клинок в фонтане, и хрустальные струи на несколько секунд стали красными. Согласно учению его народа, уходящему на многие сотни лет в глубину восточных пустынь, где зародилась вера ашаритов, убийство помазанника божьего – халифа – было преступлением, которое невозможно искупить. Он посмотрел на лежащего Музафара, на округлое, морщинистое лицо, нерешительное даже после смерти.

«Он не был истинным помазанником, – сказал Альмалик тогда, в Картаде. – Это все знают».

Только в этом году было четыре марионеточных халифа: один здесь, в Силвенесе, до Музафара, один в Тудеске и еще тот несчастный ребенок в Салосе. Такому состоянию дел следовало положить конец. Те трое уже были мертвы. Музафар стал последним.

Всего лишь последним. Некогда в Аль-Рассане водились львы, львы стояли на пьедесталах в этом дворце, построенном для того, чтобы заставлять людей падать на колени на мрамор и алебастр перед ослепительным доказательством славы, которую невозможно осознать.

Музафар действительно никогда не был помазан должным образом, как и сказал Альмалик Картадский. Но пока двадцатилетний Аммар ибн Хайран стоял в саду Желания у дворца Аль-Фонтина в Силвенесе и смывал со своего клинка алую кровь, ему в голову пришла мысль: что бы он ни совершил в жизни за те дни и ночи, которые Ашар и бог соблаговолит отмерить ему под круговращением их священных звезд, отныне он навсегда станет человеком, который убил последнего халифа Аль-Рассана.

– Тебе лучше будет с богом, среди звезд. Теперь наступает время волков, – сказал он мертвому старику у фонтана, вытер и вложил в ножны свой кинжал и пошел обратно через идеально прекрасные пустые сады к дверям, где ждали подкупленные евнухи, чтобы выпустить его. По дороге он слышал, как одна глупая птица пела в белом, обжигающем полуденном свете, а потом услышал, как зазвонили колокола, призывая всех добрых людей на святую молитву.

Часть первая

Глава I

Всегда помни, что они пришли из пустыни.

Еще до того как Джеана начала практиковать сама, когда отец еще мог разговаривать с ней и учить ее, он не раз повторял ей эти слова. Он говорил о правящих ашаритах, среди которых они жили в смирении и трудились не покладая рук – как все племена киндатов, разбросанные по земле, – в надежде создать для себя уголок относительной безопасности и покоя.

– Но ведь в нашей истории тоже была пустыня, не так ли? – однажды спросила она, и ее ответный вопрос прозвучал вызовом. Ее всегда было нелегко учить и ему, и любому другому.

– Мы прошли через нее, – ответил тогда Исхак своим красивым переливчатым голосом. – Мы лишь на время остановились там по дороге. И никогда не были народом дюн. А они – народ дюн. Даже здесь, в Аль-Рассане, среди садов, воды и деревьев, звезднорожденные вечно не уверены в постоянстве подобных вещей. В душе они остаются такими же, какими были тогда, когда впервые приняли учение Ашара среди песков. Когда сомневаешься в том, как понять одного из них, вспомни об этом, и, возможно, тебе станет ясен твой путь.

В те дни, несмотря на всю строптивость Джеаны, слова отца были для нее подобны Священному Писанию. Однажды, когда она в третий раз за утро начала жаловаться во время утомительного занятия по приготовлению порошков и растворов, Исхак мягко предупредил ее, что жизнь врача часто бывает скучной, но не всегда, и могут настать времена, когда она будет с грустью вспоминать о тихой, рутинной работе.

Ей пришлось вызвать в своей памяти оба этих наставления перед тем, как погрузиться в сон в конце того дня, который еще долго будут вспоминать в Фезане – с проклятиями, при свете черных поминальных свечей, – как День Крепостного Рва.

То был день, который лекарю Джеане бет Исхак запомнится на всю жизнь по иным причинам, нежели ее согражданам из этого гордого города, известного своей непокорностью: в тот день она потеряла свой флакон для мочи и еще – навсегда потеряла свое сердце.

Флакон не был пустяком, ибо являлся частью семейной истории.

Тот день начался на еженедельном базаре у Картадских ворот. Сразу после восхода солнца Джеана заняла свое место в палатке у фонтана, которая прежде принадлежала ее отцу, и успела увидеть, как последние крестьяне из сел входили в город со своими мулами, нагруженными продуктами. В белых полотняных одеждах под бело-зеленым навесом лекаря она сидела, скрестив ноги, на подушке, готовая все утро принимать пациентов. Велас, как всегда, находился в глубине палатки и готовился отмерять и раздавать назначаемые ею лекарства, а также оберегать ее от любых трудностей, с которыми может столкнуться молодая женщина в сутолоке базара. Хотя неприятности ей вряд ли грозили: Джеану уже хорошо здесь знали.

Ее утро у Картадских ворот проходило в основном за приемом крестьян из загорода, но попадались и городские слуги, ремесленники, женщины, пришедшие на базар за покупками, и нередко некоторые знатные люди, слишком экономные, чтобы заплатить за вызов лекаря на дом, или слишком гордые, чтобы их лечил дома лекарь-киндат. Такие пациенты никогда не являлись лично. Они посылали служанку с порцией мочи для определения диагноза и иногда со свитком, надиктованным писарю, где перечислялись симптомы и жалобы.

Собственный флакон Джеаны для мочи, который принадлежал прежде ее отцу, стоял на видном месте, на столе под навесом. Это был фирменный знак, вывеска семьи. Великолепный образец стеклодувного искусства, с выгравированными изображениями двух лун, которым поклонялись киндаты.

В каком-то смысле этот предмет был слишком красивым для повседневного использования, учитывая ту приземленную функцию, которую он выполнял. Флакон изготовил ремесленник в Лонзе шесть лет назад по заказу короля Альмалика Картадского после того, как благодаря указаниям Исхака, которые он давал из-за ширмы, отгораживающей роженицу, тяжелые роды закончились благополучным появлением на свет третьего сына Альмалика.

Когда подошел срок рождения четвертого сына, роды оказались еще более тяжелыми, но они также в конце концов завершились благополучно, и прославленный лекарь-киндат Исхак из Фезаны получил другой, сомнительный дар от властителя Картады. Дар в своем роде более щедрый, но сознание этого не могло заглушить горечь Джеаны даже сейчас, четыре года спустя. Эта горечь останется навсегда – в этом она была уверена.

Она назначила лекарство от бессонницы и еще одно, от боли в желудке. Некоторые заглянули к ней, чтобы купить созданное ее отцом средство от головной боли. У него был несложный состав, но секрет его тщательно охранялся, как, впрочем, и секреты всех микстур, придуманных лекарями: гвоздика, мирра и алоэ. Мать Джеаны целую неделю проводила за изготовлением этого снадобья в комнатах для приема больных в передней части их дома.

Утро закончилось. Велас бесшумно и непрерывно наполнял глиняные горшочки и кувшинчики в задней части палатки, а Джеана делала назначения. Флакон мочи, прозрачной на дне, но жидкой и бледной сверху, свидетельствовал о воспалении в груди. Джеана прописала фенхель и велела женщине прийти на следующей неделе с еще одной порцией на анализ.

Сэр Реццони из Сореники, насмешливый человек, учил, что суть успеха практикующего врача заключается в умении заставить пациентов прийти еще раз. Умершие возвращаются редко, отмечал он. Джеана вспомнила, что рассмеялась тогда; она часто смеялась в те дни, когда училась в далекой Батиаре, до рождения четвертого сына правителя Картады.

Велас принимал плату, чаще всего в мелкой монете, иногда в другом виде. Одна женщина из ближней деревни, страдающая целым набором хронических недугов, каждую неделю приносила дюжину коричневых яиц.

На базаре было необычайно многолюдно. Поднимая ненадолго взгляд и расправляя ноющие плечи, Джеана с удовлетворением видела перед собой внушительную очередь. В первые месяцы после того, как она сменила отца на еженедельном приеме в этой палатке и в лекарских комнатах их дома, пациенты не спешили с визитами. Теперь дела у нее шли не хуже, чем прежде у Исхака.

Шум в это утро стоял необычайно сильный. Должно быть, существовала какая-то причина для такой возбужденной суеты, но Джеана не могла понять, какая именно. И только увидев троих светловолосых бородатых наемников, бесцеремонно прокладывающих себе путь сквозь базарную толпу, она вспомнила. Сегодня ваджи освящают новое крыло замка, и молодой принц Картады, старший сын Альмалика, носящий его имя, находится здесь и устраивает прием для самых знатных людей покоренной Фезаны. Даже в городе, печально известном своими мятежами, социальный статус имел значение; те, кто получил заветное приглашение на церемонию, уже многие недели чистили перышки.

Джеана почти никогда не обращала внимания на подобные вещи, как и на все другие нюансы дипломатии и войны. У ее народа была пословица: «Куда бы ни дул ветер, дождь прольется на киндатов». И пословица эта довольно точно отражала ее чувства.

После сокрушительного, эхом отозвавшегося по всему миру падения Халифата в Силвенесе пятнадцать лет назад Аль-Рассан постоянно менял союзников, порою несколько раз в год, так как мелкие правители возносились на свои престолы и падали с них с ошеломляющей регулярностью. Столь же неясным было положение на севере, за ничейной землей, где джадиты, правители Вальедо, Руэнды и Халоньи – двое уцелевших сыновей и брат Санчо Толстого, – плели интриги и воевали друг с другом. Джеана давно уже решила, что будет пустой

тратой времени пытаться уследить за тем, кто из бывших рабов сел на трон или какой правитель отравил своего брата.

На базарной площади становилось все жарче, по мере того как солнце ползло вверх по голубому небу. Не стоило удивляться: середина лета в Фезане всегда была жаркой. Джеана промокнула лоб платком из муслина и заставила себя сосредоточиться на работе. Медицине ее обучали, медицину она любила, медицина была ее убежищем среди хаоса, связующим звеном между ней и отцом, отныне и до конца жизни.

Первым в очереди робко стоял кожевник, которого она не знала. Вместо флакона он держал в руках шербатый глиняный кувшин. Он положил рядом с ней на стойку грязную монету и виновато сморщил лицо, протягивая ей кувшин.

– Извините, – прошептал он едва слышным в шуме голосом. – Больше у нас ничего подходящего нет. Это моча моего сына. Ему восемь лет. Он нездоров.

Велас из-за ее спины незаметно взял монету; сэр Реццони учил, что для лекаря считается дурным тоном прикасаться к вознаграждению. «Для этого существуют слуги», – ядовито добавлял он. Он был не только ее первым учителем, но и ее первым любовником, когда она жила и училась вдали от дома, в Батиаре. Он переспал почти со всеми своими ученицами, а также, по слухам, с некоторыми из учеников. У него были жена и три юные дочери, которые его обожали. Сложный, блестящий, сердитый мужчина, сэр Реццони. Но к ней он был по-своему добр из уважения к Исхаку.

Джеана ободряюще улыбнулась кожевнику.

– Не имеет значения, в каком сосуде ты принес мочу. Не извиняйся.

Судя по цвету его кожи, он был джадитом с севера, который жил здесь потому, что в Аль-Рассане имелось больше работы для искусных ремесленников. Вполне возможно, он был новообращенным. Ашариты не требовали перехода в их веру, но бремя налогов для киндатов и джадитов служило большим стимулом, чтобы уверовать в видения Ашара Мудрого в пустыне.

Она перелила образец мочи из шербатого кувшина в роскошный флакон отца, дар благодарного владыки, чей наследник сегодня прибыл сюда, чтобы отпраздновать событие, которое еще больше утверждало власть Картады над гордой Фезаной. В то загруженное работой утро у Джеаны оставалось мало времени для размышлений об иронии событий, но эти мысли всплывали сами собой: так был устроен ее мозг.

Когда жидкость оказалась во флаконе, она увидела, что моча сына кожевника имеет явственный розовый оттенок. Она покачала флакон на свету: цвет был слишком близок к красному и внушал опасения. У ребенка жар, а что еще – судить трудно.

– Велас, – тихо сказала Джеана, – смешай полынную водку с четвертью мяты. И каплю сладкой настойки для вкуса. – Она услышала, как слуга отошел в глубину палатки, чтобы приготовить лекарство.

У кожевника она спросила:

– Твой сын горячий на ощупь?

Тот закивал с тревогой.

– И сухой. Он очень сухой, доктор. Ему трудно глотать пищу.

– Это неудивительно. Дай ему лекарство, которое мы приготовим. Половину – когда придешь домой, а половину – на закате. Тебе понятно? – отрывисто проговорила она. Мужчина кивнул. Этот вопрос был необходим: некоторые пациенты, особенно джадиты из сельской местности на севере, не имели представления о долях. Для таких Велас готовил два отдельных пузырька.

– Сегодня давай ему только горячий суп, понемногу зараз, и сок яблок, если сможешь. Заставь его выпить все это, даже если ему не хочется. Возможно, позже его стошнит: пусть это тебя не пугает, если только в рвоте не появится кровь. Если кровь появится, немедленно пошли за мной. Если нет, продолжай давать ему суп и сок до наступления ночи. Если твой сын

сухой и горячий, они ему необходимы, понятно? – Мужчина снова закивал, сосредоточенно хмурия лоб. – Перед тем как уйдешь, расскажи Веласу, как добраться до твоего дома. Завтра утром я приду посмотреть на больного.

Облегчение кожевника было очевидным, но вскоре он снова заколебался:

– Доктор, простите меня. У нас нет денег на оплату вашего посещения.

Джеана поморщилась. Возможно, он не был новообращенным и влачил бремя налогов, не отказавшись от своего поклонения богу-солнцу, Джаду. Но кто она такая, чтобы рассуждать о свободе совести? Почти треть ее собственных заработков уходила на уплату налога киндатов, а она не причисляла себя к религиозным людям. Немногие лекари были религиозными. Другое дело – гордость. Киндаты были странниками – так они называли себя в честь двух лун, блуждающих по ночному небу среди звезд, и, с точки зрения Джеаны, они не для того забрались так далеко за столько тысячелетий, чтобы закончить свою долгую историю здесь, в Аль-Рассане. Если этот джадит испытывал те же чувства к своему богу, она могла его понять.

– Вопрос с оплатой мы уладим, когда подойдет время. Сейчас же вопрос в том, нужно ли сделать ребенку кровопускание, а отсюда, с базарной площади, мне это понять трудно.

Она услышала смех из очереди у палатки. Но проигнорировала его и заговорила помягче. Лекари-киндаты имели репутацию самых дорогих на полуострове. «И вполне заслуженно, – подумала Джеана. – Мы единственные, кто хоть что-то знает. Но с моей стороны нехорошо упрекать людей за тревогу об оплате».

– Не бойся, – улыбнулась она кожевнику. – Я не оберу тебя и твоего мальчика до нитки.

На этот раз рассмеялись все. Ее отец всегда говорил, что половина успеха лекаря в том, чтобы заставить пациента в него поверить. Джеана обнаружила, что смех определенного рода помогает в этом. Он внушает чувство уверенности.

– Узнай положение обеих лун и Высших Звезд в час его рождения. Если я буду пускать ему кровь, то мне нужно высчитать подходящее время.

– Моя жена знает, – прошептал мужчина. – Спасибо. Спасибо, доктор.

– До завтра, – быстро сказала она.

Велас появился из глубины палатки с лекарством в руках, вручил его кожевнику и забрал ее флакон, чтобы опустошить его в ведро рядом со стойкой. Кожевник остановился возле него, нервным шепотом объясняя, как их завтра найти.

– Кто следующий? – спросила Джеана, снова поднимая взгляд.

Теперь на базаре было очень много наемников правителя Альмалика. Русые гиганты с севера, из далекого Карша или Валески, или еще более грозные воины племен мувардийцев, доставленные через пролив с песков Маджрити, с закрытой нижней половиной лица и непроницаемыми черными глазами, в которых ясно читалось лишь презрение.

Почти наверняка это была намеренная демонстрация силы Картады. Вероятно, по всему городу ходили воины, получившие приказ оставаться на виду. Она запоздало вспомнила, что слышала, будто принц приехал два дня назад в сопровождении пятисот солдат. Слишком много для официального визита. С пятьюстами хорошими воинами можно захватить небольшой город или совершить крупный набег через тагру – ничейную землю.

Солдаты здесь были необходимы. Нынешний правитель Фезаны, опирающийся на постоянную армию, был марионеткой Альмалика. Войска наемников находились в городе под предлогом защиты от вторжений со стороны государств джадитов или разбойничьих банд, бесчинствующих в селах. На деле же их присутствие было единственным фактором, удерживающим город от нового мятежа. А теперь, после пристройки нового крыла к замку, этих вояк станет еще больше.

После падения Халифата, и еще семь лет назад, Фезана была вольным городом. Но свобода стала воспоминанием, а гнев – реальностью: до них докатилась вторая волна экспансии Картады. Осада продолжалась полгода, потом однажды ночью, перед наступлением зимы, кто-

то открыл Салосские ворота и впустил армию в город, что и положило конец осаде. Горожане так и не узнали, кем был этот предатель. Джеана помнила, как пряталась вместе с матерью в самой дальней из внутренних комнат дома в квартале киндатов, прислушиваясь к воплям и крикам битвы и потрескиванию огня. Ее отец находился по другую сторону стен, его за год до этого наняли картадцы в качестве лекаря армии Альмалика. Такова жизнь врача. Снова ирония.

Трупы людей, облепленные мухами, висели на стенах над этими воротами и над пятью другими много недель после взятия города, их запах заглушал аромат фруктов и овощей на прилавках, словно запах чумы.

Фезана стала частью быстро растущего государства Картада. Как до нее стали Лонза, Альджейс и даже Силвенес, с его печальными руинами разграбленного дворца Аль-Фонтина. А потом и Серия, и Арденьо. Теперь даже гордой Рагозе на берегах озера Серрана грозила опасность, как и Элвире и Тудеске, находящимся на юге и юго-западе. В раздробленном Аль-Рассане, где правили мелкие властители, придворные поэты называли Альмалика Картадского Львом.

Из всех покоренных городов именно Фезана бунтовала наиболее яростно: трижды за семь лет. Каждый раз наемники Альмалика возвращались: и русые, и те, что с закрытыми лицами, и каждый раз мухи и стервятники пиروвали на трупах, распятых на городских стенах.

Но в последнее время проявилась и другая ирония, более тонкая. Свирепый Лев Картады был вынужден признать соседство не менее опасных зверей. Пускай джадиты с севера были малочисленны и разобщены, но они прекрасно видели открывшиеся возможности. Уже два года Фезана платила дань королю Рамиро Вальедскому. Альмалик вынужден был согласиться с этим, так как хотел избежать риска войны с самым могучим из королей-джадитов, пока сам он наводит порядок в городах своего раздробленного царства и сражается с бандами разбойников, совершающими набеги на южные холмы, и с эмиром Бадиром Рагозским, достаточно состоятельным, чтобы самому обзавестись наемниками.

Пусть Рамиро Вальедский правит обществом неотесанных пастухов и примитивных крестьян, но это также общество, организованное для войны, и всадников Джада опасно недооценивать. Только военной мощи халифов Аль-Рассана, правивших в Силвенесе триста лет подряд, хватало на то, чтобы покорить большую часть полуострова и удерживать джадитов на севере, – а для этого необходимо было совершать один рейд за другим через высокие плато тагры, и не каждый рейд заканчивался успешно.

«Если бы три короля джадитов перестали враждовать друг с другом, брат против брата и оба против дяди, – думала Джеана, – Лев-завоеватель из Картады, а заодно и все мелкие правители Аль-Рассана быстро оказались бы в намордниках и оскопленными».

Что совсем не обязательно принесло бы пользу.

Снова ирония, с привкусом горечи. Кажется, ей следует надеяться на то, что самый ненавидимый ей человек уцелеет. Пусть все ветры несут дождь на головы киндатов, но здесь, среди ашаритов Аль-Рассана, они нашли покой и пристанище. После многих веков странствий по земле, подобных странствиям их лун по небу, это имело очень большое значение. Они платят огромные налоги, связаны бесчисленными ограничениями, тем не менее могут жить свободно, сколачивать состояния, поклоняться кому хотят: и самому богу, и его сестрам. А некоторые киндаты поднялись очень высоко при дворах мелких правителей.

Но ни один киндат не занимал высокой должности среди детей Джада на этом полуострове. Ее соплеменников вообще почти не осталось на севере. История – а у них была долгая история – учила киндатов, что джадиты могут терпеть их и даже приглашать к себе во времена мира и процветания, но, когда небеса темнеют, когда поднимается грозовой ветер, киндаты снова становятся странниками. Их высылают, или насильно обращают в свою веру, или они погибают в тех землях, где властвует бог-солнце.

Дважды в год отряды всадников с севера приезжали за данью «париас». Фезана дорого платила за то, что находится слишком близко к землям тагры.

Теперь поэты называют триста лет существования Халифата Золотым веком. Джеана слышала эти песни и стихи. В те исчезнувшие дни, как бы ни раздражали людей абсолютная власть или роскошное великолепие двора в Силвенесе и как бы ваджи в своих храмах ни оплакивали разврат и отход от веры, во время сезона набегов по древним дорогам шли на север огромные армии Аль-Рассана, а потом возвращались с награбленной добычей и рабами.

Сейчас объединенные армии больше не идут на север, в ничейную землю, и если в этих пустынных степях и появятся вскоре многочисленные войска, то более вероятно, что они будут состоять из всадников Джада, бога-солнца. Джеана почти убедила себя в том, что даже те последние, бессильные халифы в годы ее детства были символами золотых времен.

Она покачала головой и отвела взгляд от наемников. Следующим в очереди стоял рабочий из каменоломни. Она догадалась о его профессии по слою белой, как мел, пыли на руках и одежде мужчины. И еще она неожиданно распознала подагру по его впалым щекам и неуклюжей, скособоченной фигуре еще до того, как взглянула на густую, молочного цвета мочу, которую он ей протягивал. Странно, что у него подагра. В каменоломнях обычно страдают от болезней горла и легких. С искренним любопытством она перевела взгляд с флакона на пациента.

Джеана никогда прежде не лечила этого рабочего. Как, собственно говоря, и сына кожевника.

Объемистый кошелек упал перед ней на стол.

– Простите за вторжение, доктор, – произнес чей-то голос. – Могу ли я просить уделить мне часть вашего драгоценного времени? – Легкомысленные интонации и речь придворного странно звучали на базарной площади. Джеана подняла глаза и осознала, что несколько минут назад слышала смех именно этого человека.

За его спиной восходило солнце, поэтому впервые она увидела его в ореоле света и не смогла разглядеть как следует: гладко выбритое, по современной придворной моде, лицо, каштановые волосы. Цвет его глаз ей различить не удалось. От мужчины пахло духами, при нем был меч. Это означало, что он из Картады. Жителям Фезаны запрещено было носить мечи даже в стенах собственного города.

С другой стороны, она – свободная женщина, занимается своим законным делом в принадлежащем ей месте, и благодаря дарам Альмалика ее отцу ей нет нужды хватать кошелек, даже такой толстый, как этот.

В раздражении она нарушила правила приличия: взяла кошелек и бросила обратно незнакомцу.

– Если вам нужна помощь лекаря, то я здесь именно для этого. Но, как вы, вероятно, заметили, перед вами стоят другие люди. Когда подойдет ваша очередь, я буду рада вам помочь, если смогу. – Если бы Джеана была менее раздражена, ее могла бы позабавить официальность собственных выражений. Она все еще не могла разглядеть мужчину как следует. Рабочий из каменоломни испуганно отступил в сторону.

– Я сильно опасаюсь, что на это у меня нет времени, – тихо ответил картадец. – Мне придется увести вас от здешних пациентов, и поэтому я предлагаю вам кошелек в качестве компенсации.

– Увести меня? – возмутилась Джеана и вскочила на ноги. Раздражение уступило место гневу. Она заметила, что несколько мувардийцев направляются к ее палатке. Джеана чувствовала, что Велас стоит прямо у нее за спиной. Ей надо быть осторожной: ради нее он может схватиться с кем угодно.

Придворный примирительно улыбнулся и быстро поднял руку в перчатке.

– Мне следовало сказать «проводить вас». Умоляю о прощении. Я чуть не забыл, что нахожусь в Фезане, где подобные любезности имеют большое значение. – Происходящее, казалось, забавляло его, и это еще больше ее рассердило.

Теперь, когда Джеана встала, она ясно видела его. У него были синие, как у нее самой, глаза, столь же необычные среди ашаритов, как и среди киндатов, и густые, выщипанные на жаре волосы. Он был очень дорого одет, на нескольких пальцах его затянутых в перчатки рук сверкали кольца, а единственная серьга с жемчужиной, несомненно, стоила больше, чем земное имущество всех стоящих перед палаткой в очереди. Его пояс и рукоять меча также украшали драгоценные камни; несколько было шито даже в кожу его туфель. «Щеголь, – подумала Джеана. – Жеманный придворный щеголь из Картады».

Однако меч был настоящим, не символическим, а взгляд глаз, в которые она сейчас смотрела, – пугающе откровенным.

И мать, и отец учили Джеану проявлять уважение, когда оно было оправданным и заслуженным, и только в этом случае.

– Подобные «любезности», как вы предпочитаете называть простую учтивость, должны иметь в Картаде не меньшее значение, чем здесь, – ровным голосом ответила Джеана. Она убрала с глаз прядь волос тыльной стороной ладони. – Я принимаю на базаре до звона полуденных колоколов. Если вы действительно нуждаетесь в визите врача на дом, я сверюсь с назначенными на вторую половину дня посещениями и посмотрю, когда я свободна.

Он вежливо покачал головой. Двое воинов-мувардийцев подошли к ним.

– Как я уже, должно быть, упоминал, у нас нет на это времени. – Казалось, его по-прежнему что-то забавляет. – Возможно, мне следует добавить, что я нахожусь здесь не по причине собственной болезни, как ни приятно было бы любому мужчине отдать себя вашим заботам. – В очереди раздался тихий смех.

Джеане не было смешно. С подобными вещами она справляться умела и уже собиралась ответить, но картадец продолжил без паузы:

– Я только что из дома вашего пациента. Хусари ибн Муса болен. Он умоляет вас прийти к нему сегодня утром, до начала церемонии освящения в замке, чтобы ему не пришлось упускать возможность быть представленным принцу.

– О, – произнесла Джеана.

Ибн Муса регулярно страдал от камней в почках. Он был пациентом ее отца и одним из первых признал ее преемницей Исаака. Он был богат, мягок, как шелк, которым торговал, и питал слишком большое пристрастие к вкусной еде в ущерб своему здоровью. Еще он был добрым, на удивление простым в общении, умным, и его покровительство в начале ее практики сыграло огромную роль. Джеана любила его и беспокоилась о нем.

Учитывая его богатство, торговец шелками наверняка попал в список горожан, получивших почетное приглашение на встречу с принцем Картады. Положение отчасти прояснилось. Но не целиком.

– Почему он послал вас? Я знаю большинство его слуг.

– Но он не посылал меня, – с непринужденным изяществом возразил мужчина. – Я сам вызвался пойти. Он предупредил меня о вашем еженедельном приеме на базаре. Вы бы покинули эту палатку по просьбе слуги? Даже слуги, который вам знаком?

Джеана вынуждена была покачать головой.

– Только если бы речь шла о родах или о несчастном случае.

Картадец улыбнулся, сверкнув белыми зубами на фоне загорелого лица.

– Ибн Муса не собирается в данный момент рожать, хвала Ашару и священным звездам. С ним также не случилось никакого несчастья. Подобные его болезни вы лечили и прежде, насколько я понимаю. Он клянется, что больше никто в Фезане не знает, как облегчить его страдания. А сегодня, разумеется, день... исключительный. Может быть, вы согласитесь нару-

шить в этот единственный раз свой распорядок и позволите мне иметь честь проводить вас к нему?

Если бы он снова предложил ей кошелек, она бы отказалась. Если бы он не выглядел спокойным и очень серьезным, ожидая ответа, она бы отказалась. Если бы любой другой, а не Хусари ибн Муса просил ее прийти...

Позднее, оглядываясь назад, Джеана остро осознавала, что самый пустяковый жест в тот момент мог бы все изменить. Она могла бы запросто ответить этому вежливому, лощеному картадцу, что зайдет к ибн Мусе позднее, во второй половине дня. В таком случае – эта мысль все время возвращалась к ней – ее жизнь сложилась бы совсем иначе.

Лучше или хуже? Ни один мужчина, ни одна женщина не могли бы ответить на это. Да, ветры дуют и приносят дождь, но иногда также уносят прочь низкие, мрачные облака и позволяют увидеть с возвышенности великолепие восхода или заката или создают те светлые, холодные, ясные ночи, когда голубая и белая луны плывут, словно царицы, по небу, усыпанному сверкающими звездами.

Джеана велела Веласу закрыть и запереть палатку и следовать за ней. Она попросила всех, кто стоял в очереди, назвать свои имена Веласу и обещала принять их бесплатно у себя дома или на следующей неделе на базаре. Потом взяла свой флакон для мочи и позволила незнакомцу увести себя к дому ибн Мусы.

Незнакомцу.

Этим незнакомцем был Аммар ибн Хайран из Альджейса. Поэт, дипломат, воин. Человек, который убил последнего халифа Аль-Рассана. Она узнала его имя, когда они пришли в дом ее пациента. Это стало первым большим потрясением того дня. Но не последним. Она потом никак не могла решить: пошла бы она с ним, если бы знала?

Если бы не пошла, ее жизнь была бы другой. Меньше ветров, меньше дождей. Возможно, она лишилась бы того прозрения, которое даруется людям, стоящим на продуваемых ветрами горных вершинах мира.

Управляющий ибн Мусы поспешно впустил ее, а затем елеиным голосом приветствовал ее провожатого, назвав его по имени. Он чуть не касался лбом пола, склоняясь в поклоне, и рассыпал благодарственные фразы, словно лепестки роз. Картадец ухитрился тихим голосом вставить в этот поток свои извинения за то, что не представился ей, а после отвесил Джеане придворный поклон. Не в обычаях картадцев было кланяться неверным киндатам. И ваджи даже утверждали, что ашаритам это запрещено под страхом публичного бичевания.

Маловероятно, что усыпанный драгоценностями мужчина, кланяющийся ей, в ближайшее время рисковал быть подвергнутым бичеванию. Джеана поняла, кто он такой, как только услышала его имя. В зависимости от точки зрения, Аммар ибн Хайран был одним из самых прославленных или самых печально известных людей на полуострове.

Говорили, и пели в песнях, будто он, едва достигнув возраста мужчины, в одиночку взобрался по стенам Аль-Фонтины в Силвенесе, справился с десятком стражей, с боем проложил себе дорогу в сад Кипарисов, убил халифа, потом снова в одиночку с боем выбрался из дворца, устилая свой путь мертвыми телами. В благодарность за эту услугу вновь провозглашенный правитель Картады немедленно наградил ибн Хайрана богатыми дарами и в течение последующих лет одаривал все большей властью, в том числе недавно сделал его официальным воспитателем и советником принца.

Этот статус давал совсем другую власть. Слишком много власти, как шепотом говорили некоторые. Ходили слухи, что Альмалик Картадский – импульсивный, хитрый и ревнивый человек и что, по правде говоря, он не особенно любит своего старшего сына. Принц тоже не питал горячей привязанности к отцу. Это создавало неустойчивое положение. В последний год

слухи, ходившие о легкомысленном, блестящем Амаре ибн Хайране – а о нем всегда ходили слухи, – несколько изменились.

Только ни один из этих слухов не мог даже приблизительно объяснить, почему такой человек вызвался лично привести лекаря к торговцу шелком из Фезаны, чтобы этот торговец смог присутствовать на придворном приеме. На сей счет Джеана получила нечто вроде тонкого намека в виде насмешливого выражения на лице ибн Хайрана, но этот намек был не слишком понятным.

В любом случае, она выбросила из головы подобные мысли, в том числе мысли о смущающем присутствии стоящего рядом мужчины, когда вошла в спальню и увидела своего давнишнего пациента. Ей хватило одного взгляда на него.

Хусари ибн Муса лежал в постели, откинувшись на множество подушечек. Раб энергично махал над ним опахалом, стараясь создать в комнате прохладу и облегчить страдания больного. Ибн Мусу нельзя было назвать мужественным человеком. Он был бледен, на его щеках блестели слезы, он всхлипывал от боли и от предчувствия боли еще худшей.

Отец учил ее, что не только храбрые и решительные заслуживают сочувствия врача. Страдание приходит и становится реальным, как бы конституция и природа человека на него ни реагировали. Один взгляд на страдающего пациента заставил Джеану быстро сосредоточиться и погасил ее собственное возбуждение.

Быстро подойдя к постели, Джеана заговорила самым решительным тоном:

– Хусари ибн Муса, вы сегодня никуда не поедете. Вы уже знаете эти симптомы не хуже, чем я. Вы что думали? Что вскочите с постели, сядете верхом на мула и отправитесь на прием?

Тучный мужчина на кровати жалобно застонал при одной мысли о таком напряжении сил и потянулся к ее руке. Они знали друг друга давно; она позволила ему сделать это.

– Но, Джеана, я должен поехать! Это событие года в Фезане. Как я могу не присутствовать? Что я могу поделать?

– Вы можете послать свои самые искренние сожаления и сообщить, что ваш лекарь приказал вам оставаться в постели. Если хотите по каким-то странным причинам сообщить подробности, пусть ваш управляющий объяснит, что сегодня днем или к вечеру у вас выйдет камень, и это связано с нестерпимой болью, которую может облегчить лишь лечение, лишаящее вас возможности стоять прямо и разговаривать членораздельно. Если в преддверии подобного состояния вы все же намерены отправиться во дворец, я могу лишь предположить, что ваш рассудок уже поврежден страданиями. Если хотите стать первым человеком, который рухнет и умрет в новом крыле замка, то вы поедете туда, вопреки моим указаниям.

Она часто прибегала к такому тону, когда лечила его. По правде говоря, она разговаривала так и со многими другими пациентами. Мужчины, даже самые сильные, хотели слышать голос своей матери в голосе лекаря-женщины, отдающей им распоряжения. Исхак добивался послушания больных серьезным поведением и воздействием своего звучного, красивого голоса. Джеана – женщина, к тому же еще молодая – вынуждена была выработать собственные методы.

Ибн Муса обратил отчаянный взгляд к картадскому придворному.

– Вы видите? – жалобно произнес он. – Что мне делать с таким лекарем?

Ей снова показалось, что Аммар ибн Хайран забавляется. Джеана обнаружила, что раздражение помогает ей справиться с возникшим ранее ощущением робости перед ним. Она по-прежнему понятия не имела, что смешного он находит во всем происходящем, разве что подобное поведение было просто его привычной позой и манерой циничного придворного. Возможно, ему наскучила обычная придворная рутина: божественные сестры-свидетели, самой Джеане она бы наскучила.

– Полагаю, вы могли бы проконсультироваться с другим лекарем, – проронил ибн Хайран, задумчиво поглаживая подбородок. – Но я догадываюсь, основываясь на слишком корот-

ком собственном опыте, что эта восхитительная молодая женщина точно знает, что делает. – Он одарил ее еще одной сверкающей улыбкой. – Вы должны рассказать мне, где вы учились, когда у нас будет больше свободного времени.

Джеане не нравилось, если к ней относились как к женщине, когда она выступала в роли врача.

– Рассказывать почти нечего, – коротко ответила она. – Два года за границей, в университете Сореники, в Батиаре, у сэра Реццони. А потом у моего отца, здесь.

– У вашего отца? – вежливо переспросил он.

– У Исхака бен Йонаннона, – сказала Джеана и была очень довольна при виде впечатления, которое он не смог скрыть. От придворного Альмалика Картадского следовало ожидать реакции на имя Исхака. То, что случилось, не было тайной.

– А! – тихо произнес Аммар ибн Хайран, поднимая брови. Он несколько мгновений смотрел на нее. – Теперь я вижу сходство. У вас глаза и рот отца. Мне следовало догадаться раньше. Вы должны были получить здесь еще лучший курс обучения, чем в Соренике.

– Рада, что соответствую вашим стандартам, – сухо ответила Джеана. Он снова улыбнулся, не смутившись, явно наслаждаясь ее попытками дать ему отпор. Джеана увидела, что у стоящего за его спиной управляющего рот открылся от ее наглости. Разумеется, они все трепетали перед этим картадцем. Наверное, Джеане тоже следовало трепетать перед ним. По правде говоря, он внашл ей трепет, и немалый. Но об этом никто не должен был догадаться.

– Господин ибн Хайран соблаговолил потратить на меня немало своего драгоценного времени, – слабо пробормотал Хусари с кровати. – Он явился сегодня утром по предварительной договоренности, чтобы посмотреть и купить шелка, и застал меня... сами видите, в каком состоянии. Когда он узнал о моих опасениях, что из-за приступа болезни я не смогу явиться сегодня на прием, он принялся настаивать на необходимости моего присутствия... – в голосе Хусари сквозь боль явственно слышалась гордость, – и предложил мне попытаться привести сюда моего упрямого лекаря.

– А теперь я здесь и упрямо требую, чтобы все, находящиеся в этой комнате, кроме раба и вашего управляющего, соблаговолили нас покинуть. – Джеана повернулась к картадцу. – Я уверена, что один из помощников ибн Мусы сумеет помочь вам в выборе шелка.

– Несомненно, – спокойно согласился тот. – Насколько я понимаю, вы считаете, что вашему пациенту не следует являться к принцу сегодня днем?

– Он может там умереть, – напрямик заявила Джеана. Это было маловероятно, но вполне возможно, а иногда необходимо напугать людей, чтобы они выполняли указания врача.

Картадец не был напуган. Казалось, его снова забавляли какие-то тайные мысли. Джеана услышала за дверью шум. Это явился Велас с ее лекарствами.

Аммар ибн Хайран тоже его услышал.

– Вам надо заняться делом. Я ухажу, повинуюсь приказу. Поскольку я не страдаю никаким заболеванием, которое позволило бы мне поручить себя вашим заботам на целый день, то боюсь, мне нужно присутствовать на этом приеме в замке. – Он повернулся к лежащему в постели больному.

– Нет нужды посылать гонца, ибн Муса. Я передам ваши сожаления лично вместе с докладом о вашем состоянии. Поверьте мне, никаких обид не будет. Никто, и менее всего принц Альмалик, не хотел бы, чтобы вы умерли от почечных камней во дворе нового крыла. – Он поклонился ибн Мусе, а потом второй раз – Джеане, к явному неудовольствию управляющего, и ушел.

Последовало недолгое молчание. На базаре или в храме, внезапно вспомнила Джеана, болтали, что высокородные женщины Картады – а также некоторые мужчины – по слухам, наносили друг другу серьезные увечья, соревнуясь за право находиться в обществе Аммара ибн Хайрана. Погибло два человека... или три?

Джеана прикусила губу. Потрясла головой, словно для того, чтобы развеять наваждение. Она сама себя удивляла. Что за досужая, бездарная сплетня, зачем она ее вспомнила, она никогда в жизни не обращала внимания на подобные слухи. Через минуту Велас поспешно вошел в комнату, и она с благодарностью принялась за работу, за свое дело. Успокаивать боль, продлевать жизнь, давать надежду на облегчение там, где ничего другого не оставалось.

Сто тридцать девять жителей Фезаны собрались после полудня в только что построенном крыле замка. Вскоре то, что последовало за этим, по всему Аль-Рассану стали называть Днем Крепостного Рва.

Планировка только что законченной части замка Фезаны была весьма необычной и оригинальной. Большая общая спальня для новых отрядов мувардийцев примыкала к столь же просторной трапезной, где они должны были питаться, и соседствовала с храмом для молитв. Печально известный Аммар ибн Хайран, который сопровождал гостей по этим помещениям, был слишком вежлив, чтобы упомянуть о причинах появления такого количества новых воинов в Фезане, но ни от кого из собравшихся знатных граждан не ускользнуло значение этих просторных помещений.

Ибн Хайран, который давал неоспоримо остроумные и безупречно учтивые пояснения, был также слишком воспитан, чтобы привлекать внимание, особенно во время праздника, к признакам продолжающихся в городе волнений и стычек. Тем не менее некоторые из гостей замка обменивались осторожными косыми взглядами. Показанное им было явно рассчитано на то, чтобы их запугать.

И даже на нечто большее.

Странные особенности планировки нового крыла стали совершенно очевидны, когда они, разодетая толпа состоятельных горожан, прошли в тот конец трапезной, где начинался длинный коридор. Узкий тоннель, как объяснил ибн Хайран, построенный в целях обороны, вел во двор замка, где ваджи должны были совершить освящение и где их ждал принц Альмалик, наследник славного государства Картада.

Аристократия и наиболее преуспевающие купцы Фезаны по одному уходили в сопровождении воина-мувардийца по темному коридору. В конце его каждый из них, по очереди, мог увидеть сияющий солнечный свет. Они останавливались на мгновение, щурясь, почти ослепленные, на пороге света, а герольд выкрикивал названные ими имена приятно звучным голосом.

Когда они выходили, моргая, на ослепительный солнечный свет и шли вперед, чтобы склониться перед смутно различимой фигурой человека в белых одеждах, сидящего на подушке посередине двора, каждого гостя молниеносным взмахом меча обезглавливал один из двух воинов-мувардийцев, стоявших по обе стороны от арки тоннеля.

Мувардийцы, которым не впервые случалось проделывать такое, получали удовольствие от своих трудов, возможно, большее, чем следовало. Разумеется, никакие ваджи не ждали во дворе; это крыло замка было удостоено иного освящения.

Один за другим в течение этого добела раскаленного, безоблачного летнего дня представители элиты фезанского общества прошли по этому темному, прохладному тоннелю, а потом, ослепленные солнечным светом, вышли на белоснежный двор после звонкого провозглашения герольдом своих имен и были убиты. Мувардийцев отобрали тщательно. Никаких промахов. Ни одного вскрика.

Падающие тела быстро подхватывали другие воины их племени и оттащивали в дальний конец двора, где стояла круглая башня на берегу нового крепостного рва, который вырыли, отведя в сторону русло протекающей поблизости реки Таварес. Тела мертвых скидывали в воду из нижнего окна башни. Отрубленные головы небрежно бросали в кровавую грудку неподалеку от того места, где сидел принц Картады, якобы ожидающий появления самых выдающихся

жителей самого строптивного из городов, которым он однажды будет править, если проживет достаточно долго.

По правде говоря, принц, отношения которого с отцом действительно не отличались теплотой, не был проинформирован об этом главном, давно спланированном пункте повестки дня. Своими действиями король Альмалик Картадский преследовал несколько целей. Принц даже поинтересовался, где же ваджи. Никто не смог ответить ему на этот вопрос. После того как первый гость появился и был убит, а его отрубленная голова откатилась довольно далеко от рухнувшего тела, принц перестал задавать вопросы.

Где-то посреди этого почти беззвучного, убийственного послеполуденного действа под ослепительным солнцем, когда стервятники начали во множестве слетаться ко рву и кружить над водой, некоторые воины, находившиеся в залитом кровью дворе замка, заметили, что у принца начал как-то странно, некрасиво дергаться левый глаз. Для мувардийцев это был достойный презрения признак слабости. Однако принц остался сидеть на подушке. И не шевельнулся, не заговорил, пока все не кончилось. Он смотрел, как погибают сто тридцать девять человек, склоняющихся перед ним в придворном поклоне.

Он так никогда и не избавился от нервного тика. От напряжения или восторга тик возвращался и стал надежным сигналом для тех, кто хорошо знал принца, что тот испытывает сильные чувства, как бы он ни старался скрыть этот факт. Тик также стал неизбежным напоминанием – потому что весь Аль-Рассан вскоре узнал о залитом кровью летнем полдне в Фезане.

Полуостров знал много жестоких деяний со времен нашествия ашаритов и до них, но это было особенным, незабываемым. День Крепостного Рва. Одно из наследий Альмалика Первого, Льва Картады. Часть наследства его сына.

Бойня еще не закончилась, когда пятый удар колоколов снова позвал верующих на молитву. К этому времени количество птиц над рекой и рвом подсказало жителям, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Несколько любопытных детей вышли за городские стены и прошли немного на север, чтобы посмотреть, что привлекло такое множество птиц. Они принесли известие в город. В воде плавают обезглавленные тела. Вскоре после этого в домах и на улицах Фезаны зазвучали вопли.

Такие отвлекающие звуки не проникали, конечно, за стены замка, а птиц не было видно из красивой, украшенной арками трапезной. После того как последний гость ушел из нее по тоннелю, Аммар ибн Хайран, человек, который убил последнего халифа Аль-Рассана, в одиночестве двинулся по коридору и ступил во двор. Солнце к этому моменту уже находилось на западе, и свет, к которому он шел по длинному, прохладному, темному коридору, стал добрым, приветливым, почти достойным того, чтобы его воспели в стихах.

Глава II

После того как в самом начале похода на юг Альвару удалось выбраться из почти катастрофического положения, он стал считать это путешествие самым веселым временем в своей жизни. И неудивительно: он много лет лелеял мечты о нем, а реальность не всегда разрушает юношеские мечты. По крайней мере не сразу.

Будь он по натуре менее рассудительным, он мог бы даже дать большой простор той фантазии, которая ненадолго посетила его, когда они свернули лагерь после рассветной молитвы на их пятое утро к югу от реки Дюрик: ему показалось, что он уже умер и попал, по милости Джада, в рай для воинов, и ему позволено скакать за капитаном Родриго Бельмонте по летним равнинам и степям вечно.

Река осталась далеко позади, так же как стены Карказии. Они миновали огороженные деревянным частоколом крепости Баизу и Лобар, маленькие, едва оперившиеся форпосты в пустоте. Отряд теперь ехал по диким высокогорным пустошам ничейной земли, пыль вздымалась позади, а солнце нещадно жгло их – пятьдесят всадников Джада, отправившихся к скалочным городам ашаритов по приказу короля Вальедо.

А юный Альвар де Пеллино был одним из этих пятидесяти, отобранный после неполного года службы в коннице Эстерена, чтобы сопровождать великого Родриго – самого Капитана – в походе за данью в Аль-Рассан. Воистину, бывают на свете чудеса, и даруются они без объяснений, если только это не ответ бога, скрывающегося за солнцем, на молитвы матери Альвара во время ее паломничества на остров Святой Васки.

Поскольку это было по крайней мере возможно, теперь каждое утро, на рассвете, Альвар обращал свое лицо на восток и благодарил Джада от всего сердца и снова клялся на стали меча, врученного ему отцом, оправдать доверие бога. И Капитана, разумеется.

В армии короля Рамиро было немало молодых всадников. Наездники со всего Вальедо, многие в роскошных латах и на великолепных конях; происхождение некоторых уходило корнями в прошлое, к Древним Людям, которые правили всем полуостровом и называли его Эспераньей. К Древним Людям, которые первыми познали истины бога-солнца и построили прямые дороги. И сейчас почти каждый из юных всадников охотно согласился бы выдержать недельный пост, отказаться от женщин и вина, даже совершить убийство ради возможности учиться у Капитана, находиться под пристальным наблюдением холодных серых глаз Родриго Бельмонте целых три недели. Стать членом его отряда, пусть даже только в этом единственном походе.

Видите ли, человек имеет право мечтать. Три недели могут стать лишь началом, а потом события будут развиваться, мир раскроется, словно очищенный и разделенный на дольки апельсин. Молодой всадник может лежать ночью на попоне и смотреть вверх на яркие звезды, которым поклоняются последователи Ашара. Может воображать, как прорубается сквозь ряды неверных, чтобы спасти самого Капитана от опасности и гибели, как в разгар сражения его замечает сам Родриго, а потом, после победы, он пьет неразбавленное вино рядом с Капитаном и его уважают и дружески приветствуют остальные воины отряда.

Юноша имеет право мечтать, не так ли?

Для Альвара проблема заключалась в том, что такие радостные картины постепенно, под влиянием почти полной ночной тишины или длинных, тяжелых дневных переездов под солнцем бога, уступали место ярким, мучительным воспоминаниям о том, что случилось в то утро, когда они выдвинулись из Эстерена. Особенно воспоминаниям о той минуте, когда юный Альвар де Пеллино, гордость и радость своих родителей и трех сестер, выбрал совершенно неудачное место, чтобы расстегнуть штаны и помочиться, перед тем как отряд сядет на коней.

Это ведь было абсолютно разумным поступком перед дорогой.

Они собрались на рассвете в недавно пристроенном к дворцу в Эстерене дворе. Альвар, у которого голова кружилась от волнения и одновременно от усилий его скрыть, пытался казаться как можно более равнодушным. Он не был по характеру застенчивым или робким юношей, но даже сейчас, в самый момент отъезда, в глубине души боялся, мучимый дурным предчувствием, что если его кто-нибудь заметит – например, Лайн Нунес, старый боевой товарищ Капитана, – то объявит присутствие здесь Альвара явной ошибкой, и его оставят в городе. Разумеется, у него не будет другого выхода, кроме как убить себя, если подобное произойдет.

В закрытом пространстве двора собрались пятьдесят человек со своими лошадьми и навьюченными мулами, поэтому не выделяться в этой сутолоке было нетрудно. Во дворе царил прохлад; это могло обмануть чужого на полуострове человека, например наемника из Ферьереса или Валески. Но Альвар знал, что позднее станет очень жарко. Летом всегда жарко. Было шумно, люди сновали туда-сюда с досками, инструментами, катили тачки с кирпичами: король Рамиро расширял свой дворец.

Альвар в двадцатый раз проверил седло и седельные сумки, он старательно избегал встречаться с кем-либо глазами. Он пытался казаться старше своих лет, создать впечатление, будто на него навеваает скуку столь заурядный поход, как этот. Но у него хватало ума усомниться, что он может кого-нибудь провести.

Неожиданно во дворе появился граф Гонзалес де Рада, облаченный в красно-черные одежды – даже на рассвете среди лошадей, – и Альвар почувствовал, как его лихорадочное возбуждение возрастает еще больше. Он никогда прежде не видел министра Вальедо так близко. В отряде Родриго внезапно на мгновение воцарилась тишина, а когда суета сборов возобновилась, ее качество слегка изменилось. Альвар ощутил, как в нем шевельнулось неизбежное любопытство, и попытался сурово его подавить.

Он видел, как переглянулись Капитан и Лайн Нунес, заметив появление графа. Родриго отошел немного в сторону от остальных и стал ждать человека, который сменил его на посту министра после коронации короля Рамиро. Адьютанты графа по его приказу остановились, и Гонзалес де Рада приблизился к Капитану один. Он широко улыбался. А Капитан, как заметил Альвар, нет. Стоявший за спиной Родриго Лайн Нунес вдруг отвернулся и демонстративно сплюнул в пыль двора.

Тут Альвар решил, что было бы неприлично наблюдать за ними и дальше, пусть даже краем глаза, как все остальные, делавшие вид, что занимаются своими конями и поклажей. Он твердо сказал себе, что всадника Джада не должны заботить слова и дела больших людей. Альвар благоразумно повернулся спиной к намечающемуся столкновению и пошел в угол двора, чтобы заняться собственным неотложным делом в укромном месте, за фургоном с сеном.

Почему граф Гонзалес де Рада и сэр Родриго Бельмонте предпочли через минуту отойти вместе в тень этого же самого фургона, для Альвара де Пеллино навсегда осталось самой таинственной загадкой в созданном Джадом мире.

Эти два человека, как было известно во всех трех королевствах джадитов Эспераньи, не питали любви друг к другу. Даже самые молодые воины, только что вступившие в армию короля, слышали кое-что из придворных сплетен. Историю о том, как Родриго Бельмонте на коронации короля Рамиро потребовал, чтобы новый король поклялся в непричастности к смерти своего брата, и только после этого согласился принести клятву верности, знал каждый из них. Она была частью легенды о Капитане.

Возможно, это даже правда, цинично шепнул Альвар своим собутыльникам в ту ночь в солдатской таверне. Он уже прославился подобными замечаниями. Хорошо, что он умел драться. Отец не раз предупреждал его еще дома, на ферме, что острый язык в армии Вальедо может стать скорее помехой, чем достоинством.

Какие бы остроумные замечания ни отпускали молодые солдаты, правда заключалась в том, что пусть Родриго Бельмонте и дал клятву верности и король Рамиро принял его в число

своих людей, но своим министром новый король назначил Гонзалеса де Раду, хотя Родриго занимал эту должность при покойном короле Раймундо. Следовательно, именно граф Гонзалес формально отвечал, среди прочего, за отбор молодых людей со всего Вальеда на службу в армию короля.

Почти все молодые всадники придерживались мнения, что если хочешь пройти настоящее обучение, то надо сделать все возможное, чтобы отправиться в поход с Капитаном. И если хочешь войти в число элитных солдат полуострова и всего мира, то отдашь деньги, землю, сестер, собственное юное тело любому, кто сможет пристроить тебя в отряд Родриго.

Вот только никто на самом деле не мог пристроить тебя туда, за какую угодно цену. Капитан сам делал свой выбор, часто весьма неожиданный, и его единственным советчиком был старый Лайн Нунес. Лайн явно не интересовался теми наслаждениями, которые могли подарить юные мальчики, а что касается Капитана... ну, сама подобная мысль была почти святотатством, и, кроме того, Миранда Бельмонте д'Альведа была самой прекрасной женщиной на свете. Так утверждали все молодые люди в Эстерене, хотя почти никто из них ее никогда не видел.

Альвар де Пеллино в то утро стоял и мочился на колесо фургона в боковом дворе у дворца в Эстерене и случайно услышал вещи, для его ушей не предназначенные. Он был одним из тех, кто никогда не был знаком с женой Капитана, да и вообще ни с кем не был знаком по настоящему. Прошло меньше года с того времени, как он покинул ферму на северо-западе. Он все еще не мог поверить, что его возьмут в поход в это утро.

Он услышал шаги и голоса, приближающиеся к дальнему от него краю фургона; это его не слишком встревожило. Возможно, кому-то обязательно нужно было остаться в одиночестве, чтобы опорожнить мочевой пузырь или кишечник; такие долго в армии не задерживались. Но только Альвар успел подумать об этом, как мышцы в его промежности сжал спазм, такой сильный, что совершенно перекрыл струйку жидкости. Он задохнулся, узнав недовольный голос Капитана, а потом понял, что голос второго человека, звучащий, словно медленно текущий мед, принадлежит графу Гонзалесу.

Решение следовало принимать быстро, и Альвар де Пеллино принял, как потом оказалось, неверное решение. Охваченный паникой и неразумным стремлением остаться незамеченным, Альвар чуть не навредил своему здоровью тем, что задержал остатки жидкости и затаился. Он страстно надеялся, что эти двое пришли сюда только для того, чтобы обменяться прощальными любезностями.

– Я мог бы устроить так, что твоих сыновей убьют, а ранчо сожгут, – сказал Гонзалес де Рада довольно приветливым тоном, – если ты доставишь мне хлопоты.

Альвар решил, что самым разумным будет на время перестать дышать.

– Попробуй, – резко ответил Капитан. – Мальчикам будет полезно потренироваться в отражении нападения, пусть и неумелого. Но, прежде чем ты уйдешь, объясни мне, почему хлопоты доставлю тебе я, а не твой мерзкий братец.

– Если де Рада хочет совершать набеги на Аль-Рассан, какое тебе до этого дело, Бельмонте?

– Вот как. Хорошо. Если дело обстоит так, то зачем просить меня закрыть глаза и притвориться, будто я его не вижу?

– Я только пытаюсь уберечь тебя от неловкого...

– Не надо считать всех остальных дураками, де Рада. Я собираю с Фезаны дань для короля. Единственное, чем обоснована законность ее уплаты, – это то, что Рамиро официально гарантировал городу и окружающим его селам защиту. Не только от разбойников, от своего брата в Руэнде или от других мелких правителей Аль-Рассана, но и от шутов из собственной страны. Если твоему брату хочется играть в налетчика ради собственного удовольствия, то лучше ему не заниматься этим у меня на глазах. Если я замечу его поблизости от Фезаны, то

расправлюсь с ним от имени короля. Ты сделаешь ему одолжение, если доведешь это до его сведения. – Теперь в голосе Капитана уже не было ни недовольства, ни иронии – ничего, кроме металла.

Воцарилось молчание. Альвар слышал, как Лайн Нунес отрывисто отдает приказы возле лошадей. Голос его звучал сердито. Это случалось часто. Несмотря на все усилия, Альвар чувствовал настоятельную необходимость вдохнуть. Он постарался проделать это как можно тише.

– Не испытываешь ли ты некоторой озабоченности, – произнес Гонзалес де Рада обманчиво серьезным, почти мягким тоном, – уезжая в земли неверных после того как столь грубо разговаривал с министром Вальедо и покидая свою бедную жену на ранчо одну, с детьми и слугами?

– Ответу одним словом – нет, – сказал Капитан. – Во-первых, ты слишком ценишь собственную жизнь, чтобы стать моим настоящим врагом. Я не буду говорить недомолвками: если я услышу, что кто-то из твоих подчиненных замечен в половине дня езды от моего ранчо, то я знаю, как действовать, и буду действовать. Надеюсь, ты меня понимаешь. Я хочу сказать, что убью тебя. Во-вторых, возможно, у меня есть свои соображения по поводу восшествия на трон нашего короля, но я считаю его человеком справедливым. Как ты думаешь, что сделает Рамиро, когда гонец в точности передаст ему этот наш разговор?

В голосе Гонзалеса де Рады зазвучала насмешка.

– Ты поставишь свое слово против моего перед королем?

– Думай, приятель, – нетерпеливо ответил Капитан. Альвар уже знал этот тон. – Ему и не надо мне верить. Но когда до него дойдут твои угрозы – и при свидетелях я тебе это обещаю, – как должен будет поступить король, если что-то случится с моей семьей?

Снова воцарилось молчание. Когда де Рада заговорил, из его голоса исчезла насмешка.

– Ты действительно расскажешь ему? Неразумно. Ты не оставляешь мне выхода, Бельмонте.

– А ты мне. Подумай об альтернативе, прошу тебя. Сыграй роль старшего, мудрого брата. Скажи этому забияке, мужчине-ребенку Гарсии, что нельзя позволять его играм компрометировать законы и дипломатию короля. Неужели это такая уж непосильная задача для министра Вальедо?

На этот раз молчание длилось дольше. Потом де Рада осторожно произнес:

– Сделаю все, что смогу, чтобы он не попался на твоём пути.

– А я сделаю все, что смогу, чтобы заставить его пожалеть, если он попадетсЯ. Если он не проявит уважения к словам своего старшего брата. – Голос Родриго не выражал ни торжества, ни снисхождения.

– Теперь ты не станешь докладывать королю о нашем разговоре?

– Мне надо это обдумать. К счастью, у меня действительно есть свидетель, на тот случай, если он мне понадобится. – И после этих слов Капитан произнес, слегка повысив голос: – Альвар, заканчивай свое дело, ради бога, ты так долго этим занимаешься, что мог уже затопить весь двор. Иди сюда и позволь мне представить тебя министру.

Альвар почувствовал, что его сердце внезапно оказалось значительно выше, чем ему положено быть, и обнаружил, что пересох, как пески пустыни. Он дрожащими пальцами застегнул пуговицы на штанах и растерянно вышел из-за фургона. Красный от смущения и страха, он увидел, что лицо графа Гонзалеса стало не менее красным, и прочел в его глубоко посаженных карих глазах ярость.

Голос Родриго звучал невозмутимо, словно он не замечал их чувств.

– Господин граф, примите поклон от члена моего отряда в этой поездке, сына Пеллино де Дамона. Альвар, поклонись министру.

Сбитый с толку, потрясенный до глубины души, Альвар повиновался приказу. В ответ на его поклон Гонзалес де Рада коротко кивнул. Выражение лица графа было холодным, как зима на севере, когда дуют ветра. Он сказал:

– Кажется, я знаком с твоим отцом. Он командовал крепостью на юго-западе при короле Санчо, не так ли?

– Караулом Мараньи, это правда, господин. Большая честь для меня, что вы были так добры и вспомнили его. – Альвар удивился тому, что голос слушается его достаточно, чтобы он мог произнести эти слова. Он не поднимал глаз.

– А где твой отец сейчас?

Невинный вопрос, вежливый вопрос, но Альвар, после услышанного с противоположной стороны фургона, уловил в нем слабый намек на опасность. Тем не менее у него не было выбора. Этот вопрос задал министр Вальедо.

– Ему позволили выйти в отставку, господин, после полученного во время набега ашаритов ранения. Теперь он держит ферму на севере.

Гонзалес де Рада долгое мгновение молчал. Наконец он прочистил горло и сказал:

– Если мне не изменяет память, твой отец славился своим благоразумием.

– И верностью своим командирам на службе, – быстро вставил Капитан, пока Альвар не успел ничего на это ответить. – Альвар, тебе лучше сесть на коня, не то Лайн сдерет с тебя шкуру за то, что ты нас задерживаешь.

Благодарный Альвар торопливо поклонился обоим мужчинам и поспешил в противоположный конец двора, где ждали кони и солдаты, живущие в гораздо более простом мире, чем тот, с которым он нечаянно соприкоснулся возле фургона.

Поздним утром того же дня сэр Родриго Бельмонте покинул свое место в голове колонны и кивком подозвал Альвара к себе.

Сердце Альвара сильно билось в предчувствии катастрофы, когда они с Капитаном отъехали немного в сторону от фланга отряда. Они двигались по Варгасским Холмам – одной из самых красивых местностей Вальедо.

– Лайн родился в деревне за той западной грядой, – непринужденным тоном заметил Капитан. – Так он по крайней мере, говорит. А я ему говорю, что это ложь. Он вылупился из яйца на болоте таким же лысым при рождении, как сегодня.

Альвар слишком нервничал, чтобы рассмеяться. Ему удалось лишь вымученно улыбнуться. Он впервые остался наедине с сэром Родриго. Ославленный Капитаном Лайн Нунес ехал впереди и снова хриплым голосом отдавал приказы. Скоро предстоял полуденный привал.

Капитан продолжал тем же мягким тоном:

– Я слышал, что некогда в Аль-Рассане жил один человек, который боялся покинуть пиршественный стол халифа, чтобы помочиться. Он так долго терпел, что у него лопнул пузырь и он умер еще до того, как подали десерт.

– Я могу в это поверить, – с жаром ответил Альвар.

– Что тебе следовало сделать там, за фургоном? – спросил Капитан. Его тон еле заметно изменился.

Альвар только об этом и думал, с тех пор как всадники оставили за спиной стены Эстерена. Он удрученно ответил:

– Мне следовало прочистить горло или кашлянуть.

Родриго Бельмонте кивнул:

– Свистнуть, запеть, плюнуть на колесо. Что угодно, чтобы дать нам знать о твоем присутствии. Почему ты этого не сделал?

Хорошего, умного ответа не подвернулось, поэтому Альвар сказал правду:

– Я боялся. Я все еще не мог поверить, что вы возьмете меня в этот поход. Мне не хотелось быть замеченным.

Капитан снова кивнул. Он смотрел мимо Альвара на уходящие вдаль холмы и густой сосновый лес на западе. Потом перевел пронизывающий взгляд ясных серых глаз на собеседника.

– Ладно. Урок первый. Я не допускаю ошибок, отбирая людей в свой отряд, даже на время короткого похода. Если тебя выбрали, значит, на то была причина. Я не терплю подобных сомнений среди своих бойцов. Понятно?

Альвар энергично кивнул. Набрал воздуха и выпустил его. Не успел он ничего ответить, как Капитан продолжил:

– Урок второй. Скажи, как ты думаешь, почему я заставил тебя выйти из-за фургона? Я ведь обеспечил тебе врага – второго по могуществу человека в Вальедо. Не слишком благородно с моей стороны. Зачем я это сделал?

Альвар отвел взгляд от Капитана и некоторое время ехал, усиленно соображая. Он не знал этого, но на его лице появилось то выражение, которое обычно вызывало тревогу у его близких. Собственные мысли иногда заводили его в неожиданные, опасные места. И на этот раз именно так и произошло. Он взглянул на сэра Родриго и снова отвел глаза, проявляя не свойственную ему осторожность.

– Говори! – резко приказал Капитан.

Альвару вдруг захотелось очутиться снова на ферме, сеять пшеницу вместе с отцом и его работниками, ждать, когда придет одна из сестер с пивом, сыром и хлебом и с домашними сплетнями. Он с трудом сглотнул. Возможно, он очень скоро снова окажется там. Но сына Пеллино де Дамона никогда еще не называли трусом, как, впрочем, и человеком, который слишком застенчив в своих высказываниях.

– Вы обо мне не думали, – произнес он самым твердым голосом, на который был способен. Нет никакого смысла говорить это, если твой голос дрожит, словно у испуганного ребенка. – Вы вытащили меня, чтобы поставить заслон между графом Гонзалесом и своей семьей. Сам я не много значу, но мой отец был известен, и теперь министр знает, что я – свидетель того, что произошло сегодня утром. Я – защита для ваших жены и сыновей.

Он закрыл глаза. А когда открыл их, то увидел, что Родриго Бельмонте улыбается ему. Каким-то чудом Капитан вовсе не выглядел сердитым.

– Как я уже сказал, была причина, по которой тебя отобрали для участия в этом походе. Я не имею ничего против умных людей, Альвар. В определенных пределах, имей в виду. Возможно, ты даже прав. Возможно, я действовал из чисто эгоистических побуждений. Когда дело доходит до угроз моей семье, я способен на это. Я действительно создал тебе возможного врага. Даже в какой-то степени рискнул твоей жизнью. Не очень благородно для командира поступать так с человеком, находящимся под его началом, правда?

Это было еще одно испытание, и Альвар это понимал. Отец не раз твердил, что лучше бы ему думать немного меньше, а говорить гораздо меньше. Но это же сам Родриго Бельмонте, Капитан, задает вопросы, которые требуют осмысленного ответа. Альвар полагал, что мог бы увильнуть. Возможно, от него ждали именно этого. Но вот они едут по направлению к Аль-Рассану через поросшие соснами холмы Варгаса, которых он никогда прежде не видел, и его взяли в этот поход по какой-то причине. Капитан только что так и сказал. Его не собираются отсылать назад. Казалось, с каждым мгновением к Альвару возвращается его прежний характер.

– Был ли это благородный поступок? – спросил Альвар де Пеллино. – Не очень, если хотите знать мое мнение, господин. Конечно, на войне капитан может делать со своими людьми что угодно, но если речь идет о личной вражде, не знаю, правильно ли это.

На секунду ему показалось, что он зашел слишком далеко. Затем сэр Родриго снова улыбнулся; в его серых глазах читалось искреннее веселье. Капитан погладил усы затянутой в перчатку рукой.

– Могу себе представить, что ты не раз огорчал отца своей откровенностью, мой мальчик.

Альвар ухмыльнулся в ответ:

– Он действительно иногда предостерегал меня.

– Предостерегал?

Альвар кивнул:

– Ну, откровенно говоря, я не знаю, что еще он...

Альвар не был мелким мужчиной, и жизнь на северной ферме была совсем не легкой, и еще меньше располагала к слабости служба в течение года в королевской армии в Эстерене. Он был сильным и быстрым, и хорошим наездником. И тем не менее он так и не заметил кулака, который, подобно молоту, ударил его в лицо, отчего он вылетел из седла и упал на траву, словно маленький ребенок.

Альвар быстро сел, выплевывая кровь. Дотронулся ослабевшей рукой до челюсти, и ему показалось, что она сломана. Это произошло: предостережение отца только что сбылось. Его идиотская привычка говорить все, что думает, только что заставила его упустить тот счастливый случай, ради которого любой молодой солдат отдал бы жизнь. Родриго Бельмонте открыл перед ним дверь, а Альвар, по собственной глупости, споткнулся на пороге и упал навзничь. Точнее сказать, на локоть и задницу.

Прижав к лицу ладонь, Альвар снизу вверх смотрел на Капитана. Отряд остановился неподалеку и во все глаза уставился на них.

– Мне приходилось поступать так же со своими сыновьями, раз или два, – произнес Родриго. Как ни странно, у него был по-прежнему веселый вид. – И несомненно, придется поступать так еще несколько лет. Теперь урок третий, Альвар де Пеллино. Иногда неправильно прятаться, как ты сделал у фургона. Иногда так же неправильно высказывать свои идеи раньше, чем они созреют. Подожди еще немного, чтобы обрести уверенность в себе. У тебя будет время, чтобы подумать, пока мы в пути. И когда станешь обдумывать все это, прикинь, не переводит ли самовольный набег на Аль-Рассан играющей в разбойников банды дружков Гарсии де Рады это дело из разряда личной вражды в нечто иное. Я – офицер на службе короля Вальеда, и пока ты состоишь в этом отряде, ты тоже находишься на службе короля. Министр пытался угрозами заставить меня забыть о моем долге перед королем. Разве это личное дело, мой юный философ?

– Во имя божественной задницы, Родриго! – раздался хорошо знакомый голос из головы колонны. – Чем это малыш Пеллино заслужил такое?

Сэр Родриго обернулся и посмотрел на Лайна Нунеса, рысью приближавшегося к ним.

– Он назвал меня эгоистичным и несправедливым по отношению к моим людям. Обвинил в том, что я использую их в личных интересах.

– Всего-то? – Лайн сплюнул на траву. – Его отец в наше время говорил мне кое-что похуже.

– Неужели? – Капитан казался удивленным. – Де Рада недавно заявлял, что папаша Пеллино славился своей сдержанностью.

– Чушь собачья, – смачно ответил Лайн. – Разве можно верить тому, что говорит де Рада? Пеллино де Дамон имел свое мнение обо всем и обо всех под солнцем господина. Чуть не свел меня с ума этот парень. Мне пришлось с этим мириться, пока я не выхлопотал ему повышение по службе и его не послали командовать крепостью на ничейной земле. Никогда не испытывал в жизни такого счастья, как тогда, когда увидел его зад в седле, удаляющийся прочь от меня.

Альвар таращился на них обоих. Его челюсть отвисла бы, если бы так сильно не болела. Он был слишком ошеломлен даже для того, чтобы подняться с земли. Его тихий, терпеливый отец столько раз мягко предостерегал его от излишней откровенности.

– Вижу, – сказал сэр Родриго, улыбаясь стоящему рядом с ним ветерану, – что ты несешь чушь не хуже любого де Рады.

– А это, скажу я тебе, уже смертельное оскорбление, – хрипло ответил Лайн Нунес, и на его покрытом шрамами, обветренном лице появилось выражение яростного возмущения.

Родриго громко расхохотался.

– Ты любил отца этого парня как брата. Ты мне долгие годы твердил об этом. Ты сам выбрал его сына в этот поход. Станешь отрицать?

– Я буду отрицать все, что понадобится, – упрямо ответил его заместитель. – Но если парень Пеллино уже довел тебя до этого удара, то я, возможно, совершил ужасную ошибку. – Они оба посмотрели вниз на Альвара, медленно качая головами.

– Возможно, ты и прав, – наконец произнес Капитан. Он не выглядел особенно озабоченным. – Очень скоро мы это проверим. Вставай, парень, – прибавил он. – Приложи что-нибудь холодное к этой стороне лица, иначе тебе на некоторое время станет трудно высказывать свое мнение о чем бы то ни было.

Лайн Нунес уже развернулся, чтобы ускакать. Теперь Капитан сделал то же самое. Альвар поднялся.

– Капитан, – позвал он с трудом.

Сэр Родриго оглянулся через плечо. Серые глаза смотрели теперь с любопытством. Альвар понимал, что снова рискует. Ну и пусть. Как ни поразительно, но, кажется, его отец тоже имел такое обыкновение. Ему понадобится какое-то время, чтобы справиться с этим. И, по видимому, все же не паломничество матери к Васке привело его в этот отряд.

– Обстоятельства не позволили мне закончить последнюю мысль. Я только хотел сказать, что был бы горд умереть, защищая ваших жену и сыновей.

Губы Капитана дрогнули. Он снова смеялся.

– Гораздо вероятнее, ты умрешь, защищая свою жизнь от них. Давай, Альвар, я не шутил насчет того, чтобы приложить что-нибудь холодное к челюсти. Если не снять эту опухоль, ты перепугаешь женщин в Фезане, и у тебя не будет никаких шансов. А пока не забудь подумать, прежде чем заговоришь в следующий раз.

– Но я уже подумал...

Капитан предостерегающе поднял руку. Альвар осекся. Родриго поскакал назад к отряду, и через несколько минут Альвар подвел своего коня за повод туда, где они остановились на привал. Как ни странно, несмотря на ноющую челюсть, боль в которой почти не облегчила смоченная в воде ткань, он вовсе не чувствовал себя плохо.

И он действительно уже подумал. Он ничего не мог с этим поделать. Он решил, что Капитан прав и возможность налета Гарсии де Рады переводит случившееся из разряда личной вражды в разряд проблем королевской службы. Альвар гордился тем, что всегда готов был признать трезвый довод противника в споре.

Все это произошло много дней назад. Распухшая, хоть и не сломанная челюсть помогала Альвару выполнять трудную задачу – оставлять при себе свои быстро мелькающие мысли.

Сбор парияс, дани, в Фезане два раза в год теперь стал чем-то вроде рутины, скорее дипломатическим предприятием, чем военным. Королю Рамиро было важнее отправить туда лидера ранга сэра Родриго, чем послать армию. Все знали, что Рамиро может послать армию. Дань будет выплачена, пусть и не так быстро. И еще следовало исполнить некое подобие танца перед тем, как отправиться обратно с золотом Аль-Рассана. Все это Альвар узнал во время дежурств, когда ехал впереди колонны вместе с Лудусом или Мартином, самыми опытными дозорными.

Они научили его и многому другому. Пусть это была обыкновенная экспедиция, но Капитан не терпел беспечности, и особенно на ничейной земле или в самом Аль-Рассане. Они ехали на юг не для того, чтобы дать сражение, но сам их образ должен был внушить всем, что никто не смеет вступать в битву с всадниками Вальедо, и особенно с теми, которыми командует Родриго Бельмонте.

Лудус научил Альвара, как по полету птиц угадывать местонахождение ручья или озера на продуваемом ветрами плато. Мартин объяснил, как по узору облаков предсказывать погоду: эти приметы сильно отличались здесь, на юге, от примет, которые Альвар знал на далеком севере, у моря. А сам Капитан посоветовал ему укоротить стремяна. Сэр Родриго тогда обратился прямо к Альвару, впервые после того сокрушительного удара в первое утро похода.

– Несколько дней ты будешь чувствовать себя неловко, – сказал он, – но не больше. Все мои солдаты учатся отправляться в бой с такими стремянами. Все здесь это умеют. Во время схватки может наступить момент, когда тебе понадобится встать в седле или спрыгнуть с коня. Тебе будет легче проделать это с высокими стремянами. Это может спасти тебе жизнь.

К тому времени они уже ехали по ничейной земле, приближаясь к двум небольшим крепостям, которые построил король Рамиро, когда начал предъявлять права на париас от Фезаны. Гарнизоны этих крепостей бурно обрадовались встрече с земляками, пусть даже они провели в каждой лишь одну ночь, чтобы оставить письма, сплетни и припасы.

Здесь, в Лобаре и Баэсе, жизнь протекала в тревожной изоляции, как понял Альвар. Равновесие на полуострове могло нарушиться с падением халифата в Аль-Рассане, но это был развивающийся процесс, несвершившаяся реальность, и в том, что вальедцы разместили свои гарнизоны, пусть даже небольшие, на землях тагры, заключался немалый элемент провокации. Горстка солдат жила среди бескрайней пустоты, в опасной близости от мечей и стрел ашаритов.

Король Рамиро пытался поначалу, два года назад, поощрять поселения вокруг крепостей. Он не мог принудить людей ехать туда, в такую даль, но гарантировал переселенцам обычную военную помощь и освобождение от налогов на десять лет – не пустяк, учитывая затраты на постоянно растущую армию. Этого не хватило. Всего пятнадцать-двадцать семей, оставив свои явно безнадежные дела на севере, оказались достаточно храбрыми, или безрассудными, или отчаянными, чтобы попытаться устроить свою жизнь здесь, на пороге Аль-Рассана.

Возможно, положение год от года менялось, но память об армиях ашаритов, громоздко несущихся на север по этим высокогорным равнинам, была еще свежа. И все, кто видел дальше собственного носа, понимали, что король слишком погряз во вражде со своими братом и дядей в Руэнде и Халонье, чтобы безрассудно содержать два сомнительных гарнизона в тагре и те семьи, которые сгрудились вокруг них.

Равновесие, возможно, и нарушалось, но все еще оставалось равновесием, и игнорировать его было губительно. Вспоминая по дороге на юг прищуренные глаза и опасливые лица мужчин и женщин, которых он видел на полях возле крепостей, Альвар решил, что этим фермерам приходится бороться с вещами похуже, чем скудная почва и ранние заморозки на севере, у границы с Руандой. Даже сами поля здесь выглядели жалкими и хрупкими, всего лишь царпинами на широких просторах пустошей.

Кажется, Капитан смотрел на это иначе. Сэр Родриго непременно спешил, чтобы поговорить с каждым фермером, которого они встречали. Альвар однажды оказался достаточно близко, чтобы услышать: они говорили об урожаях и сезонах дождей здесь, на землях тагры.

– Не мы истинные воины Вальедо, а эти люди, – сказал Капитан своим солдатам, вскакивая на коня после одной из таких бесед. – Любой из тех, кто выступил вместе со мной в этот поход, совершит ошибку, забыв об этом.

При этих словах его лицо было необычайно мрачным, словно он вызывал их на спор. Альвар вообще не склонен был что-либо отвечать. Он в задумчивости поскреб свой пострадавший подбородок, на котором пробивались первые ростки светлой бородки, и промолчал.

Плоский высокогорный ландшафт плато не изменился, на нем не было никаких пограничных знаков, но к вечеру следующего дня старый Лайн Нунес громко произнес, ни к кому в отдельности не обращаясь:

– Мы уже в Аль-Рассане.

Три дня спустя, ближе к закату, дозорные заметили вдали реку Таварес, а вскоре после этого Альвар впервые увидел башни и стены Фезаны, стоящие в северной излучине реки. В свете заходящего солнца они имели цвет меда.

Лудус первым заметил нечто странное. Поразительное количество стервятников кружилось и парило над рекой у северной стены города. Альвар никогда не видел ничего подобного. Их там были тысячи.

– Так бывает на поле боя, – тихо произнес Мартин. – Я имею в виду, когда битва закончилась.

Лайн Нунес прищурился, чтобы лучше видеть, и через мгновение повернулся и вопросительно посмотрел на Капитана. Сэр Родриго не слез с коня, поэтому никто из них не сделал этого. Он долго смотрел на далекую Фезану.

– В реке плавают мертвецы, – наконец произнес он. – Мы сегодня заночуем здесь. Я не хочу подходить ближе или вступать в город, пока мы не узнаем, что случилось.

– Хотите, я возьму двоих или троих солдат и попытаюсь выяснить? – спросил Мартин. Капитан покачал головой.

– Не думаю, что в этом есть необходимость. Сегодня ночью мы разведем хороший костер. Удвой число дозорных, Лайн, но я хочу, чтобы ашариты знали, что мы здесь.

Некоторое время спустя, после вечерней трапезы и закатной молитвы о благополучном путешествии бога в ночи, они собрались вокруг костра. Мартин играл на гитаре, а Лудус и Бараньо пели под сверкающими звездами.

Вскоре после того как на востоке возшла почти полная белая луна, три человека открыто въехали в их лагерь.

Они слезли со своих мулов, дозорные отвели их в круг света от костра, и тогда музыка и пение прекратились, а Родриго Бельмонте и его всадники узнали, что произошло в Фезане в тот день.

Глава III

В конце дня из спальни Хусари ибн Мусы они услышали вопли на улицах. Послали раба узнать, в чем дело. Тот вернулся с пепельно-серым лицом и принес страшную новость.

Ему не поверили. Лишь после того как друг ибн Мусы, тоже купец, но менее процветающий, что, по-видимому, спасло ему жизнь, прислал своего слугу с тем же известием, прятаться от реальности стало невозможно. Все, кто отправился в замок этим утром, погибли. Обезглавленные тела плыли по крепостному рву и вниз по течению реки, становясь добычей кружащих птиц. Очевидно, деятельный правитель Картады решил, что только таким способом можно полностью покончить с угрозой восстания в Фезане. За вторую половину дня практически все влиятельные фигуры, еще остававшиеся в городе, были устранены.

Пациент Джеаны, торговец шелком, любитель роскоши, который, как ни трудно в это поверить, должен был оказаться среди трупов во рву, лежал в постели, закрыв глаза рукой, дрожащий и обессиленный после выхода почечного камня. Стараясь, хоть и не слишком успешно, справиться с собственными бурлящими чувствами, Джеана пристально наблюдала за ним. Как всегда, ее убежищем стала профессия. Тихим голосом, радуясь тому, что он ей пока повинуется, она велела Веласу приготовить еще снотворного. Но ибн Муса ее удивил.

– Пожалуйста, больше не надо, Джеана. – Он опустил руку и открыл глаза. Голос его звучал слабо, но четко. – Я должен быть в состоянии ясно мыслить. За мной могут прийти. Тебе лучше покинуть этот дом.

Джеана об этом не подумала. Он был прав, разумеется. Не существовало причин, по которым кровожадные наемники Альмалика позволили бы случайной болезни уберечь от них голову Хусари. А что касается лекаря – женщины-киндата, которая так некстати не пустила его во дворец...

Джеана пожала плечами. «Куда бы ни дул ветер, дождь прольется на киндатов». Она встретила взглядом с Хусари. И увидела на его лице пугающее выражение, нарастающий ужас. Джеана подумала о том, как выглядит она сама, усталая и измученная после почти целого дня в этой жаркой и душной комнате, а теперь пытающаяся справиться с тем, о чем они узнали. С этой резней.

– Не имеет значения, останусь я или уйду, – ответила она, снова удивившись спокойствию собственного голоса. – Ибн Хайран знает, кто я, помните? Это он привел меня сюда.

Странно, но в глубине души ей все еще не хотелось верить, что именно Аммар ибн Хайран организовал и осуществил это массовое убийство невинных людей. Она не могла бы объяснить, почему это важно для нее: он – убийца, об этом знает весь Аль-Рассан. Имеет ли значение, что убийца обходителен и остроумен? Что он знает, кем был ее отец, и хорошо отозвался о нем?

У нее за спиной Велас тихо и деликатно кашлянул, что означало: ему надо сказать ей нечто срочное. Обычно так он выражал свое несогласие с ее мнением. Не оглядываясь на него, Джеана произнесла:

– Я знаю. Ты считаешь, что нам надо уйти.

Седой слуга, который до нее служил ее отцу, произнес своим как всегда приглушенным голосом:

– Я считаю, что почтенный ибн Муса дает мудрый совет, доктор. Мувардийцы могут узнать от ибн Хайрана, кто ты, но у них нет особых причин тебя преследовать. Но если они придут за господином ибн Мусой и найдут нас здесь, твое присутствие их спровоцирует. Господин ибн Муса скажет тебе то же самое, я уверен. Они из племен пустыни, госпожа. Они нецивилизованные люди.

Теперь Джеана резко обернулась, понимая, что срывает свой гнев и страх на самом верном друге, и не в первый раз.

– Так ты предлагаешь мне бросить пациента? – резко спросила она. – Это я должна сделать? Какой цивилизованный поступок с нашей стороны.

– Мне уже лучше, Джеана.

Она снова повернулась к Хусари. Тот с трудом сел на постели.

– Ты сделала все, чего можно требовать от лекаря. Ты спасла мне жизнь, хоть и не так, как мы ожидали. – Поразительно, он даже сумел иронически улыбнуться. Но эта улыбка не коснулась глаз.

Голос его теперь звучал тверже и более резко, чем когда-либо прежде. Джеана подумала, не пострадал ли рассудок торговца после навалившегося на него ужаса: возможно, такая перемена в поведении была реакцией на потрясение. Отец смог бы это определить и сказать ей.

«Отец, – подумала она, – больше никогда мне ничего не скажет».

Весьма вероятно, что мувардийцы придут за Хусари, что они действительно заберут и ее, если найдут здесь. Племена из Маджрита не знакомы с цивилизацией. Аммару ибн Хайрану хорошо известно, кто она такая. Альмалик Картадский отдал приказ устроить эту резню. И Альмалик Картадский сделал с ее отцом то, что сделал. Четыре года назад.

В жизни бывают такие моменты, когда все сдвигается, меняется, когда разветвляющиеся дороги ясно видны, когда человек делает выбор.

Джеана бет Исхак повернулась к своему пациенту.

– Я не оставлю вас здесь одного ждать их прихода.

Хусари снова улыбнулся.

– Что ты сможешь сделать, дорогая? Предложить воинам снотворное, когда они придут?

– У меня есть для них кое-что похуже, – загадочно ответила Джеана, но его слова заставили ее задуматься. – А чего хотите вы? – спросила она. – Я слишком спешу, простите. Может быть, они уже насытились. И никто не придет.

Он решительно покачал головой. Снова она отметила перемену в его поведении. Она знала ибн Мусу очень давно, но никогда не видела его таким.

– Полагаю, это возможно. Меня это мало волнует. Я не намерен ждать, чтобы выяснить. Если я хочу исполнить свой долг, мне в любом случае придется покинуть Фезану.

Джеана заморгала:

– И в чем состоит ваш долг?

– Уничтожить Картаду, – ответил пухлый, ленивый сибарит, торговец шелком Хусари ибн Муса.

Джеана во все глаза смотрела на него. И это тот самый человек, который любил хорошо прожаренное мясо, потому что не терпел вида крови во время еды. Его голос звучал так же спокойно и равнодушно, как тогда, когда он при ней обсуждал со своим торговым представителем страховку партии шелка перед отправкой его за море.

Джеана снова услышала робкое покашливание Веласа. Она обернулась.

– В таком случае, – сказал Велас так же тихо, как прежде, но теперь тревожно хмурясь, – мы ничем не можем помочь. Несомненно, будет лучше, если мы уйдем отсюда, чтобы господин ибн Муса мог начать готовиться к путешествию.

– Согласен, – сказал Хусари. – Я вызову провожатых и...

– А я не согласна, – резко возразила Джеана. – Во-первых, у вас может начаться лихорадка после того, как вышли камни, и мне необходимо проследить за этим. Во-вторых, вы не сможете покинуть город до наступления темноты и, уж конечно, не пройдете ни через какие ворота.

Хусари сплел свои пухлые пальцы. Теперь он смотрел прямо в глаза Джеаны.

– Что ты предлагаешь?

Джеане это казалось очевидным.

– Чтобы вы спрятались у нас, в квартале киндатов, до наступления темноты. Я пойду первой, договорюсь, чтобы вас пустили. И вернусь за вами на закате. Думаю, вам надо как-то замаскироваться. На ваше усмотрение. По темноте мы сможем уйти из Фезаны известным мне путем.

Велас, от изумления потерявший свою сдержанность, издал сдавленный звук.

– Мы? – осторожно переспросил ибн Муса.

– Если я собираюсь исполнить свой долг, – медленно произнесла Джеана, – мне тоже придется покинуть Фезану.

– А, – произнес мужчина на кровати. Несколько тревожных мгновений он смотрел на нее, как-то неожиданно перестав быть пациентом. Перестав быть тем человеком, которого она так давно знала. – Это из-за твоего отца?

Джеана кивнула. Нет смысла хитрить. Ибн Муса всегда отличался умом.

– Давно пора, – сказала она.

Предстояло очень многое сделать. Джеана поняла, быстро шагая по бурлящим улицам вместе с Веласом, что лишь упоминание об отце заставило Хусари принять ее план. И неудивительно, если посмотреть на этот вопрос под определенным углом. Если ашариты что-то и понимали – после многих веков взаимных убийств у себя дома, далеко на востоке, и здесь, в Аль-Рассане, – так это неистребимую силу кровной мести, как бы долго она ни откладывалась.

Каким бы абсурдом это ни казалось – женщина из народа киндатов, заявившая о своем намерении отомстить самому могущественному правителю из всех после падения Халифата, – она говорила на том языке, который понятен даже миролюбивому, безобидному купцу-ашариту.

И потом, этот купец уже не был таким миролюбивым.

Велас, пользуясь древним правом давнего слуги, без умолку высказывал ей возражения и предостережения. Как всегда, его голос звучал гораздо менее почтительно, чем в присутствии посторонних. Она помнила, что он так же вел себя с ее отцом, в те ночи, когда Исхак готовился бежать из дома на вызов к больному, не защитившись как следует одеждой от дождя и ветра, или бросив недоеденный ужин, или когда он слишком много работал, читая допоздна при свечах.

Она собиралась сделать нечто большее, чем поздно лечь спать, и испуганная озабоченность в голосе Веласа могла подорвать ее решимость, если бы она позволила ему продолжать. Кроме того, дома ее ждало еще более труднопреодолимое сопротивление.

– Это не имеет к нам никакого отношения, – настойчиво говорил Велас, шагая рядом с ней, а не сзади, что было совершенно нехарактерно для него и свидетельствовало о его крайнем возбуждении. – Кроме того, если они найдут способ свалить вину на киндатов, чему я несколько не удивлюсь...

– Хватит, Велас. Пожалуйста. Мы больше, чем просто киндаты. Мы люди, которые живут в Фезане и прожили здесь много лет. Это наш дом. Мы платим налоги, мы платим нашу долю грязной дани Вальеде, мы прячемся от опасности за этими стенами и мы страдаем вместе с другими, если рука Картады – или любая другая рука – слишком сильно бьет по этому городу. То, что произошло сегодня, имеет к нам отношение.

– Мы пострадем вне зависимости от того, что они делают друг с другом, Джеана. – Он был так же упрям, как и она, и после долгих лет жизни с Исхаком так же искусен в спорах. – Ашариты убили ашаритов. Почему мы должны из-за этого превращать свою жизнь в хаос? Подумай о тех, кто тебя любит. Подумай...

Снова ей пришлось прервать его. Теперь он говорил совсем как ее мать.

– Не преувеличивай, – сказала она, хотя он вовсе не преувеличивал. – Я лекарь. Я собираюсь поискать работу за пределами города. Обогащать свои знания. Сделать себе имя. Мой

отец поступал так многие годы, несколько раз участвовал в походах халифа, подписывал контракты с различными правителями после падения Силвенеса. Так он оказался в Картаде. Ты это знаешь. Ты был вместе с ним.

– И я знаю, что там произошло, – резко ответил Велас.

Джеана остановилась посреди улицы как вкопанная. Кто-то, кто бежал следом за ними, чуть не налетел на нее. Это была женщина, как увидела Джеана, лицо ее было белым, как маска во время весеннего карнавала. Но это было ее настоящее лицо, а маской его сделал ужас.

Велас тоже был вынужден остановиться. Он смотрел на нее сердито и испуганно. Маленький человечек, немолодой, ему было уже почти шестьдесят. Он долго служил ее родителям, до того как Джеана родилась. Раб из Валески, купленный молодым на базаре в Лонзе, через десять лет он получил свободу, как было принято у киндатов.

Тогда он мог уехать куда угодно. Он свободно говорил на пяти языках, прожив несколько лет вместе с Исхаком в Батиаре и Ферьересе и при дворах халифов в самом Силвенесе. Из него вышел идеальный помощник лекаря, он знал больше, чем многие доктора. Скромный, обладающий острым умом, Велас мог бы сделать карьеру где угодно на полуострове или за восточными горами. В те дни в Аль-Фонтине при халифах служили и управляли делами в основном бывшие рабы с севера, и немногие из них были так же умны и разбирались в нюансах дипломатии так же хорошо, как Велас после десяти лет, проведенных в обществе Исхака бен Йонаннона.

Подобный вариант, по-видимому, даже не рассматривался. Возможно, Веласу не доставало честолюбия, возможно, он просто был доволен своим положением. Он принял веру киндатов сразу же после освобождения. Добровольно взвалил на свои плечи тяжелый груз их истории. После этого он молился белой и голубой лунам – двум сестрам бога, – вместо того чтобы воскрешать в памяти образы Джада из своего детства в Валеске или звезд Ашара, нарисованных на куполах храмов в Аль-Рассане.

Он оставался с Исхаком, Элианой и их маленькой дочкой с того дня и до нынешнего, и если кто-то в мире, не считая родителей, любил ее по-настоящему, то это был Велас, и Джеана это знала.

От этого только тяжелее было смотреть в его встревоженные глаза и понимать, что она не может ясно объяснить, почему тропа ее жизни сделала такой резкий поворот после известия о резне. Почему ей стало так очевидно, что она теперь должна делать. Очевидно, но необъяснимо. Она могла представить себе, что сказал бы сэр Рецциони из Сореники в ответ на подобное заявление. Она также словно услышала слова своего отца: «Очевидная неспособность мыслить ясно, – пробормотал бы Исхак. – Начни с самого начала, Джеана. Потрать столько времени, сколько тебе нужно».

У нее не было такого количества времени. Ей нужно было сегодня ночью провести Хусари ибн Мусу в квартал киндатов, а до этого ей предстояла еще более трудная задача.

Она сказала:

– Велас, я знаю, что произошло с моим отцом в Картаде. Я не собираюсь это обсуждать. И не могу все объяснить. Если бы могла, объяснила бы. Ты это знаешь. Могу лишь сказать: мирясь с тем, что сделал Альмалик, в какой-то момент начинаешь чувствовать себя его соучастницей. Ответственной за его поступки. Если я останусь здесь и просто утром открою свою приемную, а потом на следующий день, и на следующий, словно ничего не произошло, то именно так я буду себя чувствовать.

Велас обладал определенным качеством, одним из тех, которыми измеряется человек: он понимал, когда сказано последнее слово.

Остаток пути они проделали молча.

У тяжелых, ничем не украшенных железных ворот, ведущих в отгороженный квартал Фезаны, где жили киндаты, Джеана с облегчением вздохнула. Она знала обоих сторожей, стоящих на посту. Один был ее другом детства, другой – бывшим любовником.

Она обратилась к ним со всей прямоотой, которую могла себе позволить. Времени оставалось слишком мало.

– Шимон, Бакир, мне нужна ваша помощь, – заявила она, прежде чем они успели отпереть ворота.

– Мы тебе поможем, – проворчал Шимон, – но входи быстрее. Ты знаешь, что там происходит?

– Я знаю, что уже произошло, вот почему вы мне нужны.

Бакир застонал, распахивая створку ворот.

– Джеана, что ты опять натворила?

Это был крупный, широкоплечий человек, несомненно красивый. Они наскучили друг другу через несколько недель после начала их связи. К счастью, они расстались достаточно быстро и сохранили взаимную приязнь. Теперь он уже обзавелся семьей, у него было двое детей. Джеана оба раза принимала роды.

– Ничего такого, чего могла бы избежать, не нарушив свою врачебную клятву Галинуса.

– Плевать на Галинуса! – резко сказал Шимон. – Там убивают людей.

– Поэтому вы должны мне помочь, – быстро сказала Джеана. – У меня в городе есть пациент, которым я должна заняться сегодня ночью. Думаю, мне небезопасно находиться за воротами нашего квартала...

– Это уж точно! – перебил Бакир.

– Прекрасно. Я хочу, чтобы вы позволили мне провести его сюда через некоторое время. Я уложу его в постель у себя дома и буду лечить.

Они переглянулись. Бакир пожал плечами.

– Это все?

Шимон все еще сомневался.

– Он ашарит?

– Нет, он конь. Конечно он ашарит, идиот. Иначе зачем бы я просила разрешения у самых тупых людей в нашем квартале? – Она надеялась, что это оскорбление отвлечет их и покончит с вопросами. Хорошо еще, что Велас у нее за спиной молчал.

– Когда ты его приведешь?

– Я сейчас же отправлюсь за ним. Мне сначала надо попросить разрешения у матери. Поэтому я пошла вперед.

Темные глаза Бакира еще больше прищурились.

– Ты действуешь по всем правилам, да? Это совсем на тебя не похоже, Джеана.

– Не будь бóльшим глупцом, чем необходимо, Бакир. Ты думаешь, что я собираюсь играть в игры после того, что произошло сегодня днем?

Они снова переглянулись.

– Думаю, что нет, – ворчливо произнес Шимон. – Хорошо, твой пациент может войти в квартал. Но ты больше из него не выйдешь. Его может привести Велас, хоть я и не стал бы приказывать ему это делать.

– Нет, все нормально, – быстро возразил Велас. – Я схожу.

Джеана это предвидела. Тут все было в порядке. Она повернулась к Веласу.

– Тогда иди сейчас же, – прошептала она. – Если моя мать станет возражать – а я уверена, что не станет, – мы разместим его в одном из постоянных дворов для приезжих. Иди быстрее.

Она снова повернулась к двум охранникам и улыбнулась им своей лучшей улыбкой.

– Спасибо вам обоим. Я этого не забуду.

– Лучше бы забыла, – ответил Шимон с добродетельным видом. – Ты же знаешь, что это нарушение правил.

Он слишком важничал. Конечно, это было нарушением, но не очень серьезным. Ашариты часто тайком приходили в их квартал, по делу или в поисках развлечений. Единственной уловкой – и не слишком трудной – было скрыть это от ваджи за стенами квартала и от старших священников внутри него. Но Джеана считала, что сейчас неподходящее время вступать в спор с Шимоном.

Кроме того, чем дольше они будут беседовать, тем больше вероятность, что он спросит, кто ее пациент. А если он спросит, ей придется сказать. Он может знать, что Хусари ибн Муса – один из тех, кто должен был явиться сегодня в замок. Если Шимон и Бакир поймут, что этого человека могут искать мувардийцы, то Хусари ни за что на свете не позволят войти в квартал киндатов.

Джеана знала, что подвергает опасности свой народ. Она была достаточно молодой, чтобы решить, что риск оправдан. Последнее массовое убийство киндатов в Аль-Рассане случилось далеко на юге, в Тудеске и Элвире, за много лет до ее рождения.

Ее мать, как Джеана и ожидала, не стала возражать. Жена и мать лекарей, Элиана бет Данил уже давно приспособила свой дом к нуждам пациентов. То, что подобное нарушение распорядка случилось в один из самых ужасных дней, какие Фезана знала за долгое время, не могло ее смутить. Тем более что Джеана сообщила матери, кто ее пациент. Элиана все равно узнала бы его, когда он пришел. Хусари несколько раз приглашал Исхака на обед, и не раз торговец шелком незаметно приходил в квартал, чтобы почтить своим присутствием их собственную трапезу, невзирая на всех ваджи и священников. Город Фезана не отличался особой набожностью.

«Вероятно, это только усиливало радость фанатиков-мувардийцев, когда они убивали невинных людей», – подумала Джеана. Она стояла на площадке лестницы, подняв одну руку, чтобы постучать в дверь, а в другой держа свечу.

Впервые за этот долгий день Джеана заколебалась при мысли о том, что собирается сделать. Она увидела, как задрожало пламя свечи. В дальнем конце коридора было высокое окно с видом на внутренний двор. Лучи заходящего солнца косо падали на пол, напоминая ей о том, какое большое значение имеет время. Она сказала матери, что поздней ночью уйдет, и приготовилась противостоять буре, которая так и не разразилась.

– Сейчас не так уж неразумно уехать из этого города, – спокойно ответила Элиана после секундного размышления. Она задумчиво посмотрела на свою единственную дочь. – Ты найдешь себе работу за его пределами. Твой отец всегда говорил, что лекарю полезно приобретать опыт в разных местах. – Мать помолчала, потом добавила без улыбки: – Может быть, ты вернешься с мужем.

Джеана поморщилась. Это был старый разговор. Ей уже почти исполнилось тридцать лет, и лучший возраст для замужества остался позади. Она уже почти смирилась с этим, а Элиана – нет.

– С вами все будет в порядке? – спросила Джеана, игнорируя ее последние слова.

– Не понимаю, почему бы нет, – резко ответила мать. Затем ее напряженное лицо несколько смягчила улыбка, которая сделала ее красивой. Сама она вышла замуж в двадцать лет за самого блестящего мужчину из блестящей общины киндатов в Силвенесе, в последние дни процветания Халифата. – Что мне, по-твоему, делать, Джеана? Упасть на колени и хватать тебя за руки, умоляя остаться и утешить мою старость?

– Ты не старая, – быстро возразила дочь.

– Конечно, старая. И конечно, я не стану тебя удерживать. Если ты к этому времени не завела детишек в доме по соседству, то я могу винить лишь нас с отцом за то, чему мы тебя не научили.

– Думать о себе?

– Среди прочих вещей. – Снова промелькнула неожиданная улыбка. – Боюсь, ты скорее умеешь думать обо всех других людях. Я соберу кое-какие вещи для тебя и прикажу приготовить место для Хусари за столом. Есть ли что-то, чего ему нельзя есть сегодня?

Джеана покачала головой. Иногда она ловила себя на желании, чтобы гроза все-таки разразилась. Но в большинстве случаев она была благодарна за железное самообладание, которое Элиана проявляла с того ужасного дня в Картаде, четыре года назад. Джеана могла догадаться о цене этой сдержанности. Могла измерить ее внутри себя. Они не так уж сильно отличались: мать и дочь. Джеана ненавидела плакать; она считала это признаком поражения.

– А теперь иди наверх, – сказала Элиана.

И она пошла наверх. Обычно так и бывало. Разговор с матерью редко проходил болезненно, но всегда казалось, что не все необходимое сказано. Однако сегодня не время было думать о подобных вещах. Ей предстояло нечто гораздо более тяжелое.

Она знала, что если будет колебаться слишком долго, то ее решимость уехать может растаять на этом самом трудном пороге дня, всех ее дней. Джеана постучала дважды, как обычно, и вошла в темный, с закрытыми ставнями, кабинет отца.

Пламя ее свечи заплясало на кожаных с золотом переплетах книг, свитках, инструментах и небесных картах, предметах искусства, подарках и сувенирах, собранных за целую жизнь исследований, путешествий и работы. Свеча в ее руке теперь не дрожала, и свет от нее упал на письменный стол, на простое деревянное кресло в северном стиле, на подушки на полу, на еще одно глубокое кресло и на седобородого человека в темно-синих одеждах, сидящего неподвижно спиной к двери, к своей дочери и к свету.

Джеана посмотрела на него, на его неподвижную, прямую, как копье, спину. Отметила, как отмечала каждый день, что он даже не повернул головы, чтобы показать, что заметил ее приход. С таким же успехом она могла вообще не входить в комнату со своей свечой и с тем, что собиралась ему сказать. Так происходило всегда, но этот день был особенным. Она пришла попрощаться, и при виде отца в мозгу Джеаны сверкнул длинный меч воспоминания, острый, яркий, ужасный, как те кинжалы, которыми, наверное, пользовались мувардийцы.

Четыре года назад четвертый сын правителя Картады Альмалика запутался в пуповине в материнской утробе. Такие младенцы почти всегда погибали и их матери тоже. Лекарям хорошо были известны симптомы, и они могли предупредить о грозящей опасности. Это случалось довольно часто; никого не обвинили бы. Роды – одно из самых опасных событий в мире. Лекари не умеют творить чудеса.

Но певица Забира из Картады была фавориткой самого могущественного из правителей Аль-Рассана, а Исхак из Фезаны был отважным и талантливым человеком. Сверившись с картой небес и послав сообщить Альмалику о том, что его попытка может дать лишь самую слабую надежду, Исхак сделал единственную вошедшую в анналы операцию и извлек ребенка через разрез в животе матери, сохранив одновременно и ее жизнь.

Ни сам Галинус, источник всех медицинских знаний, ни Узбет аль-Маурис, ни Авенал Сорийский, живущий в родных землях ашаритов на востоке, – ни один из них и ни один из пришедших позже не добились успеха в подобных операциях, хотя первые трое записали всю процедуру и каждый из них пытался ее воплотить.

Нет, именно Исхак бен Йонаннон из киндатов первым добился рождения живого ребенка таким способом, во дворце Картады в Аль-Рассане, во время второго десятилетия после падения Халифата. А потом он залечил рану матери и выхаживал Забиру, пока она однажды утром не поднялась с постели, очень бледная, но прекрасная, как всегда, не взяла свою четырехструнную лютню и не заняла свое привычное место в зале приемов Альмалика, в его садах и в его спальне.

В благодарность за этот мужественный поступок и за искусство, невиданное прежде, Альмалик Картадский одарил Исхака таким количеством золота и прочих благ, которое обеспечило его самого, его жену и дочь до конца их дней.

Потом он приказал выколоть лекарю глаза и отрезать его язык у самого корня во искупление греха – лицемерия обнаженной ашаритской женщины, и чтобы ни один мужчина не смог услышать описание молочно-белого великолепия Забиры из уст лекаря-киндата, который посмел коснуться ее холодным взглядом и скальпелем.

В своем роде это был милосердный поступок. Все знали, что обычно джадита или киндата, которые посмели коснуться похотливым взглядом обнаженной фигуры ашаритской женщины, что была невестой или наложницей другого мужчины, привязывали к двум лошадям и разрывали надвое. А эта женщина принадлежала властителю, преемнику халифов, Льву Аль-Рассана, перед которым в страхе бежали более слабые правители.

Ваджи, ухватившись за представившуюся возможность, в храме и на базарной площади начали требовать казни Исхака, как только история этих родов вышла за пределы дворца. Но Альмалик был искренне благодарен лекарю-киндату. Он всегда недолго любил ваджи и их требования, и он был – во всяком случае, по собственным меркам – человеком щедрым.

Исхак остался жить, слепой и немой, погруженный в себя так глубоко, что его жена и единственная дочь не могли до него дотянуться. Ни в те первые дни, ни после его невозможно было заставить ни на что реагировать.

Они привезли его из Картады домой в давно уже выбранный город Фезану. Им с лихвой хватало средств на жизнь; по любым меркам они были богаты. В Силвенесе, в Картаде, в своей частной практике здесь Исхак добился громадных успехов, и не меньших – в деловых предприятиях, посылая на Восток с торговцами-киндатами кожу и пряности. Последние дары Альмалика всего лишь закрепили его благосостояние. Можно было бы сказать, что луны благословили их огромным богатством.

Джеана бег Исхак, дитя этого богатства, вошла в комнату своего отца, поставила свечу на стол и открыла ставни восточного окна. Она распахнула и само окно, чтобы вместе с мягким светом впустить в комнату легкое дуновение вечернего ветра. Потом села в деревянное кресло у стола, как делала это обычно.

Книга, которую она читала Исхаку – трактат Меровиуса о катаракте, – лежала открытой у ее локтя. Каждый вечер, в конце дневных трудов, она приходила в эту комнату и рассказывала отцу о пациентах, которых принимала, а потом читала вслух из той книги, которую изучала сама. Иногда приходили письма от коллег и друзей из других городов, из других стран. Сэр Реццони писал несколько раз в год из Сореники в Батиаре или из других мест, где он преподавал или работал. Эти письма Джеана тоже читала отцу.

Он никогда не отвечал. Он даже никогда не поворачивал к ней головы. Так было с той самой ночи, когда его искалечили. Она рассказывала ему о своем рабочем дне, читала письма, читала вслух книги. Целовала его в лоб, потом спускалась вниз к ужину. На это он тоже никогда не реагировал.

Велас относил еду в комнату Исхака. Отец никогда не покидал этой комнаты. Джеана знала, что, если его не заставят силой, он ее никогда не покинет. Когда-то его голос был низким и красивым, глаза – ясными и голубыми, как река под солнцем, светлыми дверьми в величественные глубины разума. Изящество своего ума и мастерство рук он без малейших колебаний дарил всем, кто приходил с просьбой или нуждой. Он был гордым без тщеславия, мудрым без пошлого остроумия, мужественным без бравады. Он стал пустой оболочкой, шелухой, слепым и немой отсутствием среди всех этих предметов в комнате, лишенной света.

«В каком-то смысле, – думала Джеана, глядя на отца и готовясь попрощаться, – решение отомстить, пусть и с опозданием, Альмалику Картадскому – это самый логичный из моих поступков».

Она заговорила:

– Сегодня базарный день. Ничего особенно сложного. Я как раз собиралась осмотреть рабочего каменоломни, у которого, кажется, была подагра – если ты можешь в это поверить, – как меня вызвали к пациенту. Я бы не пошла, конечно, но это оказался Хусари ибн Муса – у него опять выходил камень, уже третий в этом году.

Фигура в глубоком кресле не шевелилась. Красивый седобородый профиль казался профилем скульптуры, а не человека.

– Пока я лечила его, – продолжала Джеана, – мы узнали нечто ужасное. Если ты прислушаешься, то сможешь услышать крики на улицах за стенами квартала. – Она часто прибегала к этому приему, пытаясь заставить его пользоваться слухом, пытаясь вытащить его из этой комнаты.

Никакого движения, никакого знака, что он знает о ее присутствии. Почти сердито Джеана сказала:

– По-видимому, Альмалик Картадский послал своего старшего сына и господина Аммара ибн Хайрана для того, чтобы сегодня освятить новое крыло замка. И они просто убили всех, кто был приглашен. Вот почему мы слышим шум на улицах. Сто сорок человек, отец. Альмалик отрубил им головы и выбросил тела в ров.

И тут, совершенно неожиданно, это произошло. Возможно, сыграл шутку свет, косыми лучами прорезавший тень, но ей показалось, что отец повернул голову в ее сторону, совсем чуть-чуть. «Кажется, я никогда раньше не произносила в его присутствии имя Альмалика», – внезапно подумала Джеана.

Она быстро продолжила:

– Хусари должен был оказаться в их числе, отец. Вот почему он сегодня утром хотел побыстрее вызвать меня. Он надеялся, что сможет явиться в замок. Теперь он – единственный, кто не был убит. И, возможно, мувардийцы придут за ним. В город сегодня прибыло пятьсот новых воинов. Поэтому я распорядилась привести его сюда. Велас сейчас его доставит, замаскированного. Я спросила у мамы разрешения, – прибавила Джеана.

На этот раз никакой ошибки. Исхак заметно повернул голову к ней, словно помимо воли притянутый услышанным. Джеана почувствовала, что готова расплакаться. Она сглотнула, борясь со слезами.

– Хусари выглядит... другим, отец. Я его едва узнаю. Он спокоен, почти холоден. Он в гневе, отец. Он собирается сегодня ночью покинуть город. Ты знаешь, зачем? – Она рискнула задать вопрос и ждала, пока не увидела слабое, вопросительное движение его головы, а потом ответила: – Он сказал, что собирается уничтожить Картаду. – Она вытерла предательскую слезу. Четыре года она произносила в этой комнате монологи, а теперь, когда она собирается покинуть дом, отец наконец-то показал, что заметил ее присутствие.

– Я решила уйти вместе с ним, отец, – сказала Джеана.

Она наблюдала. Никакого движения, никакого знака. Но потом медленно его голова снова отвернулась, явив профиль, который Джеана видела все эти годы. Она снова с трудом сглотнула. Это тоже был ответ, в своем роде.

– Я не думаю, что останусь с ним, я даже не знаю, куда он собрался и каковы его планы. Но почему-то после этого дня я просто не могу делать вид, будто ничего не произошло. Если Хусари мог решить бороться с Альмаликом, я тоже могу.

Вот. Она сказала это. Это произнесено. И, произнеся это, Джеана обнаружила, что больше ничего не может добавить к сказанному. Она все-таки заплакала и теперь вытирала слезы.

Джеана закрыла глаза, чувства захлестнули ее. До этого момента можно было делать вид, что она собирается предпринять не больше того, что много раз предпринимал ее отец: уехать из Фезаны, работать по контрактам и набираться опыта по всему миру. Если лекарь хотел

заработать себе репутацию, так и полагалось поступать. Заявить о мести правителю означало выбрать совершенно иной путь. И к тому же она женщина. Ее профессия могла обеспечить ей определенную степень безопасности и уважения, но Джеана раньше уже жила и училась за границей. Она знала разницу между путешествиями по миру Исхака и его дочери. Она четко сознавала, что может никогда не вернуться в эту комнату.

– *Во-и Ве-а-ха о-бой.*

Джеана широко распахнула глаза. То, что она увидела, ее ошеломило. Исхак повернулся в кресле и смотрел на нее. Его лицо исказилось от усилий, пустые глазницы уставились на то место, где, как он знал, она сидела. Джеана резко поднесла ладони ко рту.

– Что? Папа, я не...

– *Во-и Ве-ах-а!*

Непонятные звуки были полны боли и нетерпения.

Джеана вскочила со стула и упала на колени на ковер у ног отца. Схватила его руку и впервые за четыре года почувствовала сильное ответное пожатие. Он крепко стиснул ее пальцы.

– Прости меня, прости. Еще раз, я не понимаю! – Ее трясло, сердце ее разрывалось. Он пытался говорить членораздельно, все его тело корчило от усилий и досады.

– *Ве-ах! Ве-ах!* – Он отчаянно сжимал ее руки, ожидая понимания, словно само напряжение могло сделать трагически изуродованные слова ясными.

– Он говорит вам, чтобы вы взяли с собой слугу, Веласа, Джеана. При данных обстоятельствах это мудрый совет.

Джеана вскочила, словно ее ужалили, и обернулась к окну. Потом застыла на месте. Вся кровь отхлынула от ее лица.

На широком подоконнике, согнув колени и обхватив их руками, сидел боком и спокойно смотрел на них Аммар ибн Хайран. И конечно, если он здесь, они погибли, потому что он привел с собой...

– Я один, Джеана. Я не люблю мувардийцев.

Она старалась взять себя в руки.

– Не любите? Просто позволяете им совершать вместо вас убийства? Какое отношение имеет к этому любовь? Как вы сюда попали? Где... – Она осеклась, как раз вовремя.

Кажется, это не имело значения.

– В этот самый момент Хусари ибн Муса, должно быть, приближается к воротам квартала киндатов. Он переодет в костюм ваджи, если вы в состоянии это себе представить. Экцентричный маскарад, я бы сказал. Хорошо, что с ним Велас, не то его никогда бы не впустили сюда. – Аммар улыбнулся, но в его глазах было странное выражение. – У вас нет оснований мне верить, но я не имею никакого отношения к тому, что произошло сегодня днем. И принц тоже.

– Ха! – отозвалась Джеана. Это было самое остроумное, на что она была в тот момент способна.

Он снова улыбнулся. На этот раз она узнала выражение его лица: таким оно было утром.

– Полагаю, я получил подобающий отпор. Должен ли я теперь выпасть из окна?

И именно в этот момент произошло самое неожиданное для Джеаны событие этого ужасающего дня. Она услышала сдавленный, задыхающийся звук за своей спиной и в ужасе обернулась.

И через мгновение поняла, что слышит смех отца.

Аммар ибн Хайран аккуратно спрыгнул с подоконника и мягко приземлился на покрытый ковром пол. Прошел мимо Джеаны и остановился перед тяжелым креслом ее отца.

– Исхак, – мягко произнес он.

– *Аммар*, – ответил ее отец почти четко.

Убийца последнего халифа Аль-Рассана опустился перед ним на колени.

– Я надеялся, что вы вспомните мой голос, – сказал он. – Вы примете мои извинения, Исхак? Я должен был прийти сюда давным-давно и, уж конечно, не таким путем, испугав вашу дочь и без разрешения вашей жены.

Вместо ответа Исхак протянул руку, и ибн Хайран взял ее. Он был без перчаток и колец на пальцах. Джеана испытывала такое изумление, что не могла даже начать формулировать свои мысли.

– *Мува-аи? Ч-о-о слу-у?*

Голос ибн Хайрана звучал серьезно.

– Альмалик – коварный человек, я думаю, вам это известно. Очевидно, он хотел приструнить Фезану. А также внушить кое-что принцу. – Он помолчал. – И мне тоже.

Джеана обрела голос:

– И вы действительно не знали об этом?

– Какой мне смысл вас обманывать? – отчетливо проговорил ибн Хайран, не глядя на нее.

Джеана вспыхнула, поняв, что это правда. Какое ему дело до того, что она думает? Но в этом случае возникал еще один очевидный вопрос, а она была не слишком настроена выслушивать отповеди от человека, проникшего в их дом через окно.

– Зачем же тогда вы здесь?

На этот раз он оглянулся.

– По двум причинам. Вы можете угадать одну из них.

Краем глаза Джеана заметила, как ее отец медленно кивнул.

– Простите меня. Я сейчас не расположена играть в отгадки, – она постаралась произнести это язвительным тоном.

Лицо ибн Хайрана осталось невозмутимым.

– Это не игра, Джеана. Я здесь для того, чтобы Хусари ибн Мусу сегодня вечером не убили мувардийцы и чтобы женщина-лекарь, возможно, более отважная, чем умная, которая помогает ему сбежать, также пережила эту ночь.

Джеане внезапно стало холодно.

– Значит, они придут за ним?

– Разумеется, придут. Список приглашенных гостей известен, а некоторые мувардийцы умеют читать. Им приказали казнить всех людей из списка. Вы думаете, они откажутся от удовольствия убить даже одного, рискуя вызвать гнев Альмалика в случае неудачи?

– Они пойдут в дом ибн Мусы?

– Если уже не пришли туда. Вот почему я опередил их. Хусари уже ушел вместе с Веласом. Слуг и рабов отослали в их спальни, за исключением управляющего, которому, очевидно, доверяли. Ошибка. Я спросил у него, где его хозяин, и он сказал мне, что тот только что ушел, переодетый в платье ваджи, вместе со слугой лекаря.

Если раньше ей было холодно, то теперь она превратилась в лед.

– Значит, он скажет то же самое мувардийцам?

– Вряд ли, – ответил Аммар ибн Хайран. Последовало молчание. Это совсем не было похоже на игру.

– Вы его убили, – сказала Джеана.

– Неверный слуга, – произнес ибн Хайран, качая головой. – Грустная примета времени, в котором мы живем.

– *Почему, Аммар?* – Вопрос Исхака на этот раз прозвучал поразительно четко, но это могло означать многое.

На этот раз ибн Хайран заколебался, прежде чем ответить. Джеана, пристально наблюдавшая за ним, снова заметила на его лице странное выражение.

Он сказал, подбирая слова:

– Я уже получил в этом мире известность за то, что в юности совершил для Альмалика Картадского. Я могу с этим жить. Правильно или неправильно я поступил, но я это сделал. Мне... не хочется брать на себя ответственность за эту непристойную резню, а он явно намеревается свалить ее на меня. У Альмалика свои причины для этого. Я даже могу их понять. Но в данный момент моей жизни предпочитаю не идти ему навстречу. Я также обнаружил, что Хусари ибн Муса – умный и скромный человек, и я восхищен умениями и силой духа вашей дочери. Скажем так: мне приятно хоть раз оказаться на стороне добродетели.

Исхак качал головой.

– *Еще, Аммар*, – произнес он. Звуки давались ему с трудом, он слегка растягивал их.

Снова ибн Хайран заколебался.

– В том, что делает человек, всегда есть что-то еще, бен Йонаннон. Вы мне позволите не говорить все до конца? Я и сам собираюсь покинуть Фезану сегодня ночью, собственным способом и в другом направлении. Со временем мои мотивы могут стать более понятными.

Он повернулся к Джеане, и она увидела при свете свечи и при свете из окна, что его глаза все еще другие, холодные. Но он уже сказал достаточно; теперь ей казалось, что она знает, в чем дело.

– Поскольку управляющий... ничего не скажет, – продолжал он, – маловероятно, что мувардийцы придут сюда, но если придут, они никого не должны здесь найти. Я бы посоветовал вам пренебречь едой и уйти, как только стемнеет.

Джеана, мрачная и подавленная, сумела лишь кивнуть. С каждым промелькнувшим мгновением она все больше ощущала опасность и чуждость того мира, в который решила вступить. Утренний базар, приемная, весь привычный распорядок ее жизни уже казался далеким и быстро уходил в прошлое.

– У меня есть еще один совет, если позволите. Я не знаю, что намеревается теперь делать ибн Муса, но вам обоим лучше бы отправиться на время на север, в Вальедо.

– Вы хотите послать киндатуку к джадитам? – резко спросила Джеана.

Он пожал плечами.

– Вы жили среди них во время учебы за границей, как и ваш отец в свое время.

– То была Батиара. И Ферьерес.

Он нарочито скривился.

– Опять я получил сокрушительный отпор. Мне и правда придется выпрыгнуть в окно, если вы будете продолжать в том же духе. – Выражение его лица снова изменилось. – Положение на полуострове меняется, Джеана. Оно может начать меняться очень быстро. Стоит помнить, что, при условии уплаты париас, Вальедо гарантировал Фезане безопасность. Не знаю, применимо ли это к внутреннему... правлению Картады, но об этом можно поспорить, если ибн Муса захочет это сделать. Это может стать предлогом. Что касается вас, то я бы, несомненно, избегал Руэнды и Халоньи, если бы был киндатом, но король Рамиро Вальедский – человек умный.

– А его солдаты?

– Некоторые из них – да.

– Как это утешает!

Она услышала, что ее отец неодобрительно фыркнул у нее за спиной.

Глядя прямо ей в глаза, ибн Хайран сказал:

– Джеана, вы не можете искать утешения, если покинете эти стены. Вы должны понять это, прежде чем уйдете. Если у вас нет определенного плана и выбранного направления, тогда служба лекаря под защитой Вальедо – неплохой выход...

– Почему вы полагаете, что у меня нет плана? – Любопытно, как быстро ему удавалось ее разозлить.

– Простите. – Он замолчал.

– *Куда?*

Она не ответила бы Аммару ибн Хайрану по многим причинам, но вынуждена была ответить отцу. Он не сказал ей ни единого слова за четыре года до этого дня.

– В Рагозу, – тихо проговорила она.

Она и не думала об этом до того, как ибн Хайран начал свою речь, но, как только прозвучало название города, Джеане показалось, что она с самого начала собиралась именно туда, на восток, к берегам озера Серрана, к реке и горам.

– А, – задумчиво произнес ибн Хайран. И потер свой гладко выбритый подбородок. – Эмир Бадир – не такой уж плохой выбор.

– И Мазур бен Аврен.

Она произнесла это слишком решительно. Он усмехнулся.

– Князь киндатов. Разумеется. Здесь я бы проявил осторожность, Джеана.

– Почему? Вы его знаете?

– Мы уже много лет посылаем друг другу письма и стихи. Книги для библиотеки. Бен Аврен – очень хитрый человек.

– И что с того? Разве это так плохо для главного советника эмира Рагозы?

Он покачал головой.

– Сегодня вы задаете этот вопрос не тому человеку. Просто будьте осторожны, если доберетесь туда. Запомните, что я вам сказал. – Он на мгновение замолчал, обернулся к окну. – И если вы хотите попасть хоть куда-нибудь, не говоря уже обо мне, то мы должны закончить нашу встречу. Кажется, я слышу внизу голоса. Будем надеяться, что это Хусари и Велас.

Теперь она тоже услышала звуки за окном и узнала оба голоса.

– Я уйду той же дорогой, какой пришел, сэр Исхак, с вашего позволения. – Ибн Хайран прошел мимо Джеаны и снова взял за руку ее отца. – Но у меня есть к вам личный вопрос. Уже четыре года мне не дает покоя одна вещь.

Джеана замерла. Ее отец медленно поднял лицо к ибн Хайрану.

– Скажите, если захотите ответить: когда вы принимали последнего ребенка Альмалика таким способом, вы понимали, чем рискуете?

В наступившей тишине Джеана слышала внизу, во дворе, спокойный голос матери, которая приглашала ибн Мусу в дом, словно он был всего лишь обычным гостем, явившимся к ужину в этот вечер.

Она увидела, как ее отец кивнул, и из его изуродованного рта вырвался такой звук, словно он освободился от долгого бремени. Джеана внезапно снова почувствовала, что вот-вот заплачет.

– И вы бы сделали это снова? – спросил ибн Хайран очень тихо.

На этот раз никакой паузы. Еще один утвердительный кивок.

– Почему? – спросил Аммар ибн Хайран, и Джеана видела, что ему действительно хочется понять.

Рот Исхака открылся и закрылся, словно пробуя слово на вкус.

– *Га-и-ух*, – наконец выговорил он, потом в отчаянии покачал головой.

– Я не понимаю, – сказал ибн Хайран.

– *Гаа-и-ух*, – снова произнес Исхак, и, увидев, как он приложил руку к сердцу, Джеана поняла.

– Клятва Галинуса, – сказала она. Говорить было тяжело. – Клятва лекаря. Сохранить жизнь, если ее можно сохранить.

Исхак один раз кивнул, потом откинулся назад в кресле, словно обессиленный попыткой общения после столь долгого перерыва. Аммар ибн Хайран все еще держал его за руку. Теперь он отпустил ее.

– Мне необходимо время, чтобы подумать, – больше времени, чем у нас есть, – прежде чем я осмелюсь ответить на это, – мрачно произнес он. – Если мои звезды и ваши луны позовут, для меня будет честью снова встретиться с вами, сэр Исхак. Могу я вам написать?

Исхак кивнул. Через несколько мгновений Аммар снова повернулся к Джеане.

– Кажется, я уже говорил, что у меня было две причины прийти к вам, – прошептал он. – Или вы забыли? – В самом деле она забыла. Он это понял и снова улыбнулся. – Одна из них – предупредить об опасности, а другая – кое-что вам принести.

Он прошел мимо нее обратно к окну. Вскочил на подоконник, опустил руку под карниз. Не спрыгивая на пол, обернулся и протянул Джеане какой-то изящный предмет.

– Ох! – воскликнула она. – Не может быть!

Конечно, это был флакон для мочи. Флакон ее отца.

– Вы действительно покинули дом ибн Мусы в спешке, – мягко произнес ибн Хайран. – И Велас с Хусари тоже. Я подумал, что вам может пригодиться этот флакон и вы найдете ему лучшее применение, чем мувардийцы, когда явятся туда.

Джеана прикусила губу. Если бы они его нашли...

Она шагнула вперед и взяла из его руки флакон. Их пальцы соприкоснулись.

– Спасибо, – сказала она.

И замерла неподвижно, потрясенная, когда он нагнулся и поцеловал ее в губы. Аромат его духов на мгновение окутал ее. Рука Аммара чуть коснулась ее волос.

– Вознаграждение посыльному, – легкомысленно произнес он и снова отстранился. – Рагоза – это хорошая идея. Но все же назовите ибн Мусе Вальедо: возможно, ему будет лучше у короля Рамиро.

Джеана почувствовала, что краска, выступившая на ее щеках, начинает бледнеть. Затем, вполне предсказуемо, ее охватило чувство, напоминающее гнев. Отец и мать, Велас, сэр Реццони – все, кто хорошо ее знал, – всегда предостерегали ее от того, чтобы идти на поводу у своей гордости.

Она шагнула вперед и, привстав на цыпочки, в свою очередь поцеловала Аммара ибн Хайрана. И почувствовала его короткий удивленный вздох. Так-то лучше: прежде он вел себя слишком уж непринужденно.

– Вознаграждение лекаря, – мило произнесла она, отступая назад. – Мы обычно берем больше, чем посыльные.

– Я все же выпаду из окна, – произнес он, но лишь через несколько секунд.

– Не надо. До земли далеко. Вы этого не сказали, но совершенно очевидно, что в Картаде вы собираетесь осуществить собственный план мести. Выпасть из окна было бы неудачным началом. – Она с удовольствием увидела, что к этому он тоже не был готов.

После новой паузы он сказал:

– Смею надеяться, что мы встретимся снова.

– Это было бы интересно, – хладнокровно ответила Джеана, хотя ее сердце билось слишком быстро. Он улыбнулся. Через несколько секунд она уже смотрела, как он спустился по неровной стене во двор, миновал арку и вышел за ворота, не оглянувшись.

Джеана было решила, что выиграла этот последний раунд, но улыбка, которой он ее одарил перед тем, как спуститься со стены, поубавила ей уверенности.

– *Осо-ож-о, Джеа-а, осо-ож-о*, – произнес отец у нее за спиной, вторя ее собственным мыслям.

Снова испугавшись многих вещей, Джеана вернулась к его креслу и опустилась перед ним на ковер. Положила голову на колени отцу. И через мгновение почувствовала, как его руки начали гладить ее волосы. Этого так давно не случалось.

Так они сидели, когда Велас пришел за ней, уже собрав вещи в дорогу для них обоих. Разумеется, он самостоятельно принял решение по этому вопросу.

Некоторое время спустя после ухода Джеаны, Веласа и Хусари ибн Мусы, торговца шелком, который, как это ни поразительно, объявил себя борцом против Льва Картады, из кабинета лекаря Исхака бен Йонаннона можно было услышать странные звуки.

Его жена Элиана стояла в коридоре у закрытой двери и слушала, как ее муж, четыре долгих года хранивший гробовое молчание, тренируется, выговаривая буквы алфавита. Потом он начал сражаться с простыми словами, как ребенок, проверяя, что он может произнести, а что – нет. К этому времени на улице совсем стемнело. Их дочь, их единственный ребенок, находилась где-то вне надежных стен цивилизации, там, куда почти никогда не ходили женщины, на просторах опасного мира. Элиана держала в руке высокую горящую свечу, и при ее свете посторонний наблюдатель мог бы увидеть глубокое страдание на ее все еще прекрасном лице.

Она долго стояла так, потом постучалась и вошла в комнату. Ставни были по-прежнему открыты, а окно распахнуто, как их оставила Джеана. В конце дня смерти, когда горестные звуки еще раздавались за воротами квартала, звезды, как обычно, безмятежно сияли в темном небе. Скоро взойдут луны – сначала белая, потом голубая, и ночной ветерок, как всегда, принесет прохладу и облегчение опаленной летом земле, на которой люди дышат и ходят. И разговаривают.

– *Эиа-а?* – произнес ее муж, и Элиане бет Данил эта попытка произнести ее имя показалась музыкой.

– Ты разговариваешь, как болотная лягушка, – сказала она и подошла к его креслу.

В колеблющемся свете она увидела его улыбку.

– Где ты был? – спросила она. – Мой дорогой. Ты был так нужен мне.

– *Эиа-а*, – снова попытался он и встал. Его глаза были черными впадинами. Теперь они всегда будут такими.

Он развел руки в стороны, и она вошла в пространство, которое они создали для нее в этом мире, опустила голову ему на грудь и позволила себе почти непредставимую роскошь – отдаться горю.

Примерно в то же время их дочь находилась у самых стен города и вела переговоры со здешними проститутками о покупке трех мулов.

Джеана знала несколько тайных лазеек, позволяющих незаметно покинуть город. Некоторые из них были слишком узкими для человека комплекции Хусари, но было еще одно место в самом квартале, в его северо-западном конце, где дерево скрывало низкий проход сквозь камень городской стены. С превеликим трудом, но Хусари все же сумел протиснуться в него с помощью Веласа.

Когда они вышли наружу и остановились на поросшем травой берегу у реки, женский голос – причем очень знакомый – весело произнес в темноте:

– Добро пожаловать, странники. Позвольте мне проводить вас в сады Наслаждений, какие Ашар предлагает лишь мертвым.

– Киндатам он не предлагает ничего подобного, – ответила Джеана. – Сегодня ты почти могла бы соблазнить меня, Джасинто.

– Джеана? Лекарь? – Женщина, надушенная и увешанная безвкусными украшениями, подошла поближе. – Прости меня! Я тебя не узнала. Кто вызвал тебя сегодня?

– На самом деле никто. Сегодня мне нужна ваша помощь. Возможно, за мной охотятся ваджи и еще мувардийцы.

– Чума их всех побери! – воскликнула женщина по имени Джасинто. – Разве им мало сегодня крови? – Глаза Джеаны уже привыкли к темноте, и она могла различить перед собой стройную фигурку, одетую в тончайшие, ничего не скрывающие одежды. – Что вам нужно? – спросила Джасинто. Джеана знала, что ей четырнадцать лет.

- Три мула и твое молчание.
- Вы их получите. Пойдем, я отведу вас к Нунайе.

Этого она ожидала. Если кто-то и управлял этим сообществом женщин и мальчиков у стен города, то это была Нунайа.

Нунайа не любила терять зря ни времени, ни слов. Спешащие мужчины это знали или быстро узнавали. Клиент, пришедший к ней с визитом, через очень короткое время оказывался снова в стенах Фезаны, удовлетворив некоторые потребности и облегчив кошелек.

Покупка мулов оказалась несложным предприятием. Уже несколько лет Джеана – единственная женщина-лекарь в Фезане – была доверенным врачом городских блудниц. Сначала в их квартале у восточной стены, а потом здесь, на севере, после того как ваджи выселили их за городские ворота в один из пригородов у реки.

Это событие стало результатом одной из тех спорадических вспышек праведного гнева, которые возникали в отношениях между городом и теми, кто торгует плотской любовью. Женщины были уверены, что вернутся обратно в город в течение года и, возможно, снова окажутся за его стенами через год-другой.

Однако, учитывая то, что женщины и мальчики, которых можно было купить, теперь находились в основном за пределами Фезаны, неудивительно, что появились тайные выходы из нее. Ни один город, вне стен которого живет часть его обитателей – законных или незаконных, – невозможно запереть полностью.

Джеана к этому времени знала довольно много блудниц и не один раз выскальзывала из города, чтобы провести с ними веселый вечер за едой и выпивкой. Из почтения к Джеане, которая принимала у них роды и лечила их от болезней или ран, в такие часы они не привечали клиентов. Джеане общество этих женщин и умудренных жизнью саркастичных мальчиков нравилось больше, чем общество почти всех ее знакомых из города, как в самом квартале киндатов, так и за его пределами. Иногда она задавала себе вопрос, как это характеризует ее саму.

Жизнь в этом мире убогих хижин возле рва и реки протекала далеко не безмятежно, и часто Джеану срочно вызывали для лечения ножевой раны, которую одна из женщин нанесла другой. Но хотя здесь были представлены все три религии, ей было ясно, что, когда возникали ссоры, они не имели никакого отношения к почитанию солнца, лун или звезд. И ваджи, которые выдворили изгнанниц сюда, были их общими врагами. Джеана знала, что эти люди ее не предадут.

Нунайа продала им трех мулов без единого вопросительного взгляда сильно подведенных глаз с тяжелыми веками. В этом месте не задавали нескромных вопросов. У каждого были свои тайны и своя боль.

Джеана села на одного из мулов, Велас и Хусари взяли остальных. Женщине полагалось сидеть в седле боком, но Джеана всегда считала это глупым и неудобным. Врачам позволялось быть эксцентричными. Она ехала верхом по-мужски.

Стояло лето, река текла медленно и лениво. Переправляясь через нее и крепко натянув поводья, Джеана вдруг почувствовала удар тяжелого предмета, плавающего в воде. Она содрогнулась, понимая, что это такое. Мул резко отпрянул, и она чуть не упала, пытаясь с ним справиться.

Беглецы выбрались из воды и двинулись на север, к деревьям. Джеана оглянулась лишь один раз. Позади горели фонари в сторожевых башнях вдоль стен, в замке и в высоких домах Фезаны. Свечи, зажженные мужчинами и женщинами, укрывшимися за этими стенами от опасностей темноты.

В крепостном рву и в реке плавали обезглавленные тела. Сто тридцать девять тел.

Сто сороковой человек сейчас ехал рядом с ней, испытывая сильные мучения, но не издавая ни единого жалобного звука.

– Посмотрите вперед, – тихо сказал Велас. Вокруг них царил темнота под звездами.

Джеана посмотрела туда, куда он указывал, и увидела красный ответ огня вдалеке. У нее екнуло сердце. Наверное, не таящийся костер на лугах мог означать множество разных вещей, но Джеана не способна была определить, каких именно. Сейчас она находилась в чуждом мире, на этой открытой взорам равнине, ночью, вместе с пожилым слугой и толстым купцом. Все, что она знала и в чем разбиралась, осталось позади. Даже убогое предместье у стен города вдруг показалось безопасным, надежным местом.

– Мне кажется, я знаю, что это за свет, – через мгновение сказал Хусари. Голос его звучал спокойно, его твердая, уверенная манера все еще удивляла. – Собственно говоря, я в этом убежден, – продолжил он. – Поехали туда.

В тот момент Джеана слишком устала, чтобы думать о чем-то или возражать. Она благополучно вывела их из города и достала мулов, и теперь была рада подчиниться мнению спутника. У нее промелькнула мысль, что это приключение, это совместное осуществление мести может закончиться гораздо быстрее, чем они полагали. Она пустила своего мула следом за мулом Хусари в сторону костра, горящего на равнине.

Вот так и случилось, что они втроем, вскоре после того как взошла белая луна, подъехали прямо к лагерю Родриго Бельмонте и пятидесяти солдат, которых он привел с собой для сбора летнего париас. И Джеана поняла, что эти очень долгие день и ночь еще не закончились.

Глава IV

Мелкие фермеры из Орвилли, двенадцать человек, приехали в город все вместе, со своими нагруженными мулами, и покинули Фезану все вместе, когда в полдень базар закрылся. Один-два из них хотели остаться и поглазеть на солдат, с вызывающим видом бродящих по городу, но это означало бы необходимость потом возвращаться обратно в деревню одним, без защиты. В беспокойной местности, неподалеку от ничейной земли, в такое тревожное время удовольствие пошататься по городу – или, для некоторых, посетить одно интересное предместье за его северными стенами – не могло перевесить насущную необходимость обеспечить себе безопасность, путешествуя группой.

Задолго до вечерней молитвы они все благополучно вернулись в Орвиллю с товарами, которые приобрели на базаре в обмен на продукты, произведенные за неделю. И поэтому никто из них не знал о том, что произошло в тот день в Фезане. Они узнают обо всем позже, но к тому времени это потеряет для них значение. Им придется разбираться со своей собственной бедой.

Разбойники с севера – даже невежественные крестьяне узнали всадников-джадитов – налетели на Орвиллю как раз в тот момент, когда голубая луна присоединилась к белой на летнем небе. Расчет был слишком точным, чтобы списать его на совпадение, хотя с какой целью выбрали именно этот момент, никто после не мог предположить. Возможно, то была пустая фантазия нападавших. Но в том, что произошло, когда всадники – по крайней мере пятьдесят человек – прорвались сквозь деревянный забор, окружавший деревенские дома и сараи, или перемахнули через него, не было ничего фантастического. В Орвилле жило около двадцати семей. У них имелось несколько старых мечей и несколько ржавеющих копий. Довольно много мулов. Один бык. Три лошади. Арам ибн Дунаш, дом которого стоял у водяной мельницы на ручье, владел луком, принадлежавшим когда-то его отцу.

Он погиб первым, пытаясь трясущимися руками выпустить стрелу в летящего на него с воплями всадника. Пика джадита пронзила грудь Арама и пригвоздила его к стене собственного жилища. Его жена неосторожно закричала внутри. Услышав ее крик, всадник соскочил с коня и вошел в крохотный домик. Пригибаясь в низком дверном проеме, он уже расстегивал ремень.

Быстро загорелись дома и общинный сарай. В нем хранилась солома, и к середине лета она хорошо высохла. Языки пламени с ревом взметнулись над постройкой. Наверное, огонь было видно в самой Фезане.

Зири ибн Арам, который любил летом спать на крыше сарая, спрыгнул вниз как раз вовремя. Сарай находился на противоположном от мельницы и ручья конце деревни. Ему повезло: он не видел, как погиб отец. Как не видел и того всадника, который вошел в его дом, где находились его беременная мать и сестры. Зири было четырнадцать лет. Он попытался бы убить этого человека голыми руками. И конечно, погиб бы. Сейчас же он неуклюже приземлился у ног смеющегося джадита, который, держа меч плашмя, стогнял в кучу всех тех, кто не погиб в первые мгновения нападения. Их было не очень много, как понял Зири, в отчаянии вертя головой и пытаясь разглядеть своих родных среди дыма. Человек двадцать осталось в живых из всей деревни, где обитало вдвое больше людей. Трудно было определить точно среди языков пламени. Орвиллю пожирал огненный ад.

Налетчикам этот рейд не принес никакой выгоды. Как и следовало ожидать, ни за одного местного жителя нельзя было взять выкуп, даже за деревенского ваджи. Короткое сражение оказалось смехотворным. Фермеры с их жалким оружием почти не оказали сопротивления, и на них не вышло потренироваться в ведении боя. Конечно, там были женщины, но не имело смысла скакать так далеко по летней жаре, чтобы найти крестьянку для развлечения. Только когда один из всадников предложил распять уцелевших мужчин – женщин, разумеется, пред-

стояло увести с собой на север, – появилась запоздавшая перспектива поразвлечься. Все же это был Аль-Рассан. Полуголые оборванцы, сбившиеся в кучу, словно коровы или овцы, были неверными. Этот налет можно было даже считать деянием, угодным богу.

– Он прав! – воскликнул другой всадник. – Распнем ублюдков на их собственных столбах, а потом распнем их женщин иным способом! – Раздался смех.

Довольно быстро и даже организованно среди этого огненного хаоса налетчики начали устанавливать деревянные столбы с перекладинами. Теперь ночь обещала некоторое развлечение. Гвоздей оказалось предостаточно. Они предназначались для того, чтобы подковывать лошадей, захваченных во время налета, но могли также согдаться и для прибивания людей к дереву.

Разбойники только успели выбрать первого из крестьян для распятия – мальчика с застывшим лицом, который, несомненно, вырос бы, чтобы убивать невинных мужчин и женщин к северу от земель тагры, – когда раздался чей-то запоздалый предостерегающий вопль.

Мужчины верхом на конях вихрем неслись к месту казни, оглябая пожары. У них были мечи, и они пустили их в ход. К этому моменту большинство налетчиков спешилось, многие отложили свое оружие, чтобы приготовить столбы для распятия ашаритов. Они стали легкой добычей. Такой же легкой, какой только что были для них жители деревни.

Однако налетчики оказались хорошо воспитанными людьми, а не вшивыми бродягами-разбойниками. Они знали, как делаются подобные вещи даже в Аль-Рассане. Одно дело – крестьяне по обеим сторонам от ничейной земли, а другое – люди со средствами и положением в обществе. По всему холму Орвилли джадиты начали поднимать руки, сдаваясь, и послышались хорошо известные возгласы:

– Выкуп! Выкуп!

Те, кто был убит первой волной новых всадников, наверное, умерли в изумлении, не веря собственным глазам. Этого никак не должно было случиться. Если перед тем как расстаться с жизнью, они поняли, кто напал на них, это изумление, вероятно, удвоилось, но никто не может знать этого наверняка о мертвых.

Альвар по-настоящему не задумывался над этим, но он, безусловно, и представить себе не мог, что первый человек, убитый им в Аль-Рассане, будет жителем Вальедео. В тот момент его противник даже не сидел верхом на коне. Это показалось Альвару в какой-то мере неправильным, но Лайн Нунес дал им точные указания: убивайте их, пока не услышите приказ остановиться. Каждый был законной добычей, кроме коренастого черноволосого мужчины, который ими командовал. Его следовало оставить Капитану.

Капитан пребывал в отвратительном настроении. Он пребывал в нем с того момента, когда три всадника из Фезаны явились в их лагерь и рассказали свою историю. Толстый купец – он назвал себя Абенмуза – рассказал им, что велел сделать в тот день в Фезане правитель Картады. Не зная, как реагировать на услышанное, Альвар бросил взгляд на своих командиров. Если Лайн Нунес остался внешне равнодушным к этой кровавой истории, словно он ожидал подобных деяний здесь, в Аль-Рассане, то выражение лица сэра Родриго свидетельствовало совсем о другом. Но он ничего не сказал, когда купец закончил, только спросил у женщины-лекаря – ее звали Джеаной, – случилось ли ей когда-либо работать в военном отряде.

– Не случилось, – спокойно ответила она, – но я бы подумала о такой возможности в другое время. Сейчас же мне надо идти своей дорогой. Я рада оставить Хусари ибн Мусу – очевидно, так правильно произносилось его имя – в вашем отряде, чтобы он мог заняться своими делами, а может быть, и вашими. А я, с вашего позволения, утром уеду.

Этот неспешный, элегантно сформулированный ответ едва не разбил сердце Альвара. Он и так был наполовину влюблен еще прежде, чем она заговорила. Женщина-лекарь показалась ему очень красивой. Ее волосы – та их часть, которую он мог видеть под синей накидкой,

окутывавшей ее голову и плечи, – имели темно-каштановый оттенок. Глаза были огромными, неожиданно синими при свете костра. Такой голос, как у нее, Альвар хотел бы слышать на смертном одре или всю оставшуюся жизнь. Она была поразительно спокойной и держалась с достоинством даже здесь, в темноте, в обществе пятидесяти всадников с севера. Альвар знал, что в ее глазах он выглядит ребенком; восхищенно уставившись на нее, он действительно чувствовал себя зеленым юнцом.

Они так и не узнали, что ответил бы ей Капитан или даже намеревался ли он всерьез предложить ей присоединиться к ним, потому что в этот момент Мартин внезапно крикнул:

– Огонь! На западе!

– Что там находится? – спросил Капитан у троих жителей Фезаны, и все посмотрели в том направлении. Пламя уже распространилось и было не слишком далеко от них.

Ответила женщина-лекарь, а не купец:

– Деревня. Орвилья. У меня там есть пациенты.

– Тогда вперед, – сказал Капитан, и выражение его лица стало еще более мрачным. – Теперь у вас там будет еще больше пациентов. Оставьте мула. Поедете вместе с Лайном – тем, что постарше. Альвар, возьми к себе ее слугу. Лудус, Мауро, охраняйте лагерь и купца. Вперед! Этот трусливый слизняк Гарсия де Рада все-таки явился.

По крайней мере половина налетчиков-дждитов погибла в считанные секунды, прежде чем Джеана, укрывшаяся вместе с Веласом у стены одного из горящих домов, услышала, как человек, которого другие называли Капитаном, внятно произнес:

– Хватит. Соберите остальных.

Капитан. Джеана, конечно, знала, кто он. Все на полуострове знали, кого называют одним этим словом, как титулом.

Его приказ быстро повторили двое других всадников, в том числе и тот пожилой, который привез ее сюда. Резня прекратилась.

Прошло какое-то время, пока бандитов сгоняли к центру деревни – открытой площадке, поросшей травой. Некоторые из людей Родриго Бельмонте наполняли ведра в ручье, пытались потушить пожары вместе с горсткой деревенских жителей. Но они старались зря; даже неопытной Джеане было ясно, что все их усилия тщетны.

– Доктор! О, хвала божественным звездам! Пойдемте быстрее, пожалуйста!

Джеана обернулась и узнала свою пациентку – ту женщину, которая каждую неделю приносила ей на базар яйца.

– Абираб! Что случилось?

– Моя сестра! Ее ужасно искалечили. Один из этих людей. Она истекает кровью, и она беременна. А ее муж погиб.

О, что нам делать, доктор?

Лицо женщины почернело от сажи и дыма и было искажено горем. Глаза покраснели от слез. Джеана, на мгновение оцепеневшая от этой жестокой, кошмарной реальности, быстро помолилась про себя Галинусу – единственному, кому она действительно поклонялась, – и сказала:

– Отведи меня к ней. Сделаем, что сможем.

Зири ибн Арам, стоявший в дальнем конце круга, все еще не знал, что случилось с его отцом и матерью. Он видел, как его тетка подошла к женщине, которая приехала вместе с новыми воинами. Он уже собирался пойти за ними, но что-то удержало его на месте. Несколько минутами раньше он готовился к тому, что умрет, прибитый гвоздями к балке, взятой из сарая. Он произнес слова, которые отдавали его душу звездам Ашара. Но, кажется, звезды еще не были готовы принять этот дар.

Он смотрел, как темноволосый командир вновь прибывших снимает перчатку и приглаживает усы, глядя вниз со своего черного коня на жоака тех, кто уничтожил деревню Зири. Стоящий на земле человек был коренастым и смуглым. На взгляд Зири, было совсем не похоже, что он боится приближающейся смерти.

– Ты сам вырыл себе могилу, – произнес он с потрясающей наглостью, обращаясь к человеку на коне. – Знаешь, кого убили твои головорезы? – Голос его был слишком высоким для мужчины, почти пронзительным. – Знаешь, что произойдет, когда я доложу об этом в Эстерене?

Широкоплечий темноволосый человек на черном коне ничего не ответил. Стоявший рядом с ним мужчина постарше, очень высокий и худой, с седеющими волосами, резко произнес:

– Ты так уверен, что вернешься обратно, де Рада?

Коренастый даже не взглянул на него. Однако через секунду первый всадник, командир, очень тихо сказал:

– Отвечай ему, Гарсия. Он задал тебе вопрос. – Имя он произнес так, словно отчитывал ребенка, но голос его был холодным.

Зири впервые заметил, как на лице человека по имени Гарсия промелькнуло сомнение. Но всего лишь на долю секунды.

– Ты же не круглый дурак, Бельмонте. Не надо играть со мной в эти игры.

– Игры? – В голосе всадника зазвучал тяжелый гнев. Он резко взмахнул рукой, обводя всю горящую Орвилюю. – Ничего нельзя спасти. Совсем ничего. – Зири начал оглядываться в поисках отца. Его охватил смертельный ужас.

– Разве я стал бы играть в игры посреди всего этого? – резко спросил человек на коне. – Осторожно, Гарсия. Не оскорбляй меня. Сегодня не надо. Я сказал твоему брату, что произойдет, если ты приблизишься к Фезане. Полагаю, он предупредил тебя. Я должен предполагать, что он тебя предупредил.

Стоящий перед ним человек молчал.

– Какое это имеет значение? – спросил седой. И сплюнул на землю. – Это же падаль. И даже еще хуже.

– Я тебя запомню! – рявкнул черноволосый, теперь поворачиваясь к говорившему. И сжал кулаки. – У меня хорошая память.

– Однако ты позабыл предостережение твоего брата? – Это снова заговорил командир, тот, кого называли Бельмонте. Его голос опять звучал спокойно, угрожающе спокойно. – Или ты, скажем так, предпочел забыть о нем? Гарсия де Рада, то, что ты делал мальчиком в своих семейных владениях, – не моя забота. К сожалению, то, что ты сотворил здесь в качестве человека, считающегося взрослым, – забота моя. Эта деревня находится под защитой короля Вальедо, на службе у которого я состою. Дань, за которой я сюда приехал, отчасти платили и те люди, которых ты сегодня убил. Ты нарушил обещания короля Рамиро и выставил его лжецом в глазах всего света. – Он выдержал паузу, чтобы его слова дошли до слушателей. – Учитывая этот факт, что я должен с тобой сделать?

Человек, которому задали этот вопрос, явно не ожидал его. Но за словом в карман не полез.

– «Учитывая этот факт», – насмешливо повторил он тем же тоном. – Тебе следовало стать судьей, а не солдатом, Бельмонте. Судьей на твоих восточных пастбищах, чтобы выносить приговоры за кражу овец. Здесь что, твой зал суда?

– Да, – ответил Бельмонте. – Теперь ты начинаешь понимать. Именно так и обстоит дело. Мы ждем твоего ответа. Что я должен с тобой сделать? Отдать этим людям, чтобы они тебя распяли? Ашариты тоже прибывают людей гвоздями к крестам. Мы научились этому у них. Ты это знаешь? Сомневаюсь, что нам будет сложно найти плотников.

– Пустые угрозы, – ответил Гарсия де Рада.

Джеана, которая с черной яростью в сердце возвращалась к кучке людей посреди горячей деревни, держа за руки двух маленьких девочек, увидела лишь стремительное движение правой руки Родриго Бельмонте. Услышала хлопок, словно от удара хлыста, потом крик человека.

Тут она поняла, что это и был удар хлыста, и увидела черную полоску крови на щеке Гарсии де Рады. «Теперь у него на всю жизнь останется шрам», – подумала Джеана. Ей захотелось, чтобы сегодняшняя ночь стала концом его жизни. Никогда прежде она не ощущала такой ярости: всепоглощающей, внушающей ужас. Джеана чувствовала, что могла бы сама убить его. Ей приходилось глубоко дышать, стараясь сохранить остатки самообладания.

Когда ее отца изувечили в Картаде, сначала до Джеаны и ее матери дошел слух об этом, потом пришло сообщение, а потом они жили с этим знанием два дня, прежде чем им разрешили увидеть содеянное и забрать отца домой. То, что она увидела в лачуге у реки, причиняло такие же страдания, как соль на свежей ране. Джеане хотелось кричать. Чего стоит медицина, все ее образование, ее клятва перед лицом подобного зверства?

Гнев сделал ее безрассудной. Ведя двух девочек, она подошла прямо к стоящим друг против друга Родриго Бельмонте и жожаку налетчиков-дждитов, человеку, которого он назвал Гарсией и только что ударил хлыстом.

– Кто из них это сделал? – спросила она у детей нарочито звучным голосом, чтобы все слышали.

Вокруг них внезапно воцарилось молчание. Юноша лет четырнадцати-пятнадцати стал поспешно пробираться к ним. Девочки говорили ей, что их старший брат, возможно, жив. Сестра их матери, Абираб, которая вечно просила у Джеаны на базаре всякие мази и настойки от боли в ногах, судорог или бессонницы, осталась в хижине, пытаясь совершить невозможное: сделать не таким ужасным вид изувеченной мертвой женщины и мертвого младенца, выпавшего из ее чрева.

Юноша подбежал к ним и опустился на колени возле сестер. Одна из них сломалась и зарыдала у него на плече. Вторая, постарше, стояла очень прямо, с серьезным и напряженным лицом, оглядывая бандитов.

– На нем была красная рубашка, – явственно произнесла она, – и красные сапоги.

– Вон тот, – сказал человек по имени Лайн Нунес через несколько мгновений и указал рукой. – Приведи его сюда, Альвар.

Младший воин отряда, тот, у которого были удивительно высокие стремяна, прыгнул с коня. Он вытолкнул из рядов уцелевших налетчиков одного из них. Джеана все еще была поглощена своей яростью и не слишком удивилась тому, что все ради нее прервали то, чем занимались.

Не ради нее. Она посмотрела на мальчика, стоящего на коленях и обнимающего рыдающую сестру.

– Тебя зовут Зири?

Он кивнул, глядя на нее снизу вверх. Его темные глаза казались огромными на белом лице.

– Мне жаль, но я вынуждена сообщить тебе, что твои отец и мать погибли. Сегодня ночью нет легкого способа это сказать.

– Здесь убито очень много людей, доктор. Почему вы нас прерываете? – Это произнес у нее за спиной Бельмонте, и по-своему этот вопрос был справедливым.

Но гнев Джеаны не отпускал ее. Этот человек – дждит, и тот ужасный поступок тоже совершил дждит.

– Вы хотите, чтобы я рассказала об этом в присутствии детей? – Она даже не посмотрела в его сторону.

– После сегодняшней ночи здесь не осталось детей.

Она поняла, что это правда. И поэтому Джеана указала на человека в красной рубашке и сказала, хотя потом пожалела об этом:

– Этот человек изнасиловал их мать, которая вот-вот должна была родить еще одного ребенка. Потом он вонзил в нее свой меч, вспорол живот и оставил ее истекать кровью. Когда я пришла, ребенок уже выпал из раны. У него почти отсечена голова. Мечом. Еще до рождения. – Когда она произносила эти слова, ее затошнило.

– Понятно. – В голосе Родриго Бельмонте прозвучала усталость, которая заставила ее обернуться и взглянуть на него. Но она ничего не смогла прочесть на его лице.

Он еще секунду молча сидел на коне, потом сказал:

– Дай мальчику твой меч, Альвар. С этим мы мириться не можем. Только не в деревне, которую вальдецы обязаны защищать.

«А где бы вы могли с этим смириться?» – хотелось спросить Джеане, но она промолчала. Ей вдруг стало страшно.

– Этот человек – мой родственник, – резко произнес Гарсия де Рада, прижимая клочок грязной ткани к кровоточащей щеке. – Его зовут Паразор де Рада. Родственник министра, Бельмонте. Ты помнишь, кто...

– Замолчи или я убью тебя!

Родриго Бельмонте в первый раз повысил голос, и не только Гарсия де Рада содрогнулся, услышав его. Джеана снова взглянула в лицо человеку, которого называли Капитаном, а потом отвела глаза. Ее ярость утихла, остались лишь горе и приступы тошноты.

Молодой солдат, Альвар, послушно подошел к мальчику, который все еще стоял на коленях рядом с ней, обнимая уже обеих сестер. Альвар протянул ему меч рукоятью вперед. Мальчик Зири посмотрел мимо Джеаны на Родриго Бельмонте, возвышающегося над ним на черном коне.

– Ты имеешь на это право. Я даю его тебе при свидетелях.

Мальчик медленно встал и медленно взял меч. Юноша по имени Альвар был так же бледен, как Зири. И Джеана поняла, что сегодня ночью он впервые ощутил вкус битвы. На лезвии меча осталась кровь.

– Подумай, что ты делаешь, Бельмонте! – внезапно хрипло крикнул человек в красной рубашке и сапогах. – Такие вещи случаются во время войны, во время набега. Не делай вид, будто твои собственные люди...

– Войны? – В голосе Родриго звучала ярость. – Какой войны? Кто с кем воюет? Кто приказал совершить этот набег? Скажи мне!

Несколько долгих мгновений человек молчал.

– Мой родственник, Гарсия, – в конце концов ответил он.

– Его должность при дворе? Его полномочия? Причины?

Ответа не последовало. Вокруг раздавались треск и шипение пожаров, и от пылающих домов исходил мрачный, жуткий свет, затмевающий звезды и даже луны. Теперь Джеана слышала рыдания, пронзительные звуки горя, доносящиеся из теней по краям пламени.

– Да простит тебя Джад и найдет для твоей души место в Его свете, – произнес Родриго Бельмонте, глядя на человека в красной рубашке. Его голос теперь звучал совсем по-другому.

Зири в последний раз поднял на него глаза, услышав это, и, очевидно, увидел то, что ему было необходимо. Он повернулся, шагнул вперед, сжимая в руках непривычный меч.

«Он никогда в жизни не держал оружия», – подумала Джеана. Ей хотелось закрыть глаза, но что-то не позволяло ей это сделать. Человек в красной рубашке не пытался убежать. В тот момент она приняла это за мужество, но позже решила, что он, наверное, был слишком изумлен происходящим, чтобы реагировать. Такого просто не могло произойти с благородными господами, играющими в свои игры в сельской местности.

Зири ибн Арам сделал два твердых шага вперед и вонзил одолженный ему клинок – неловко, но решительно – прямо в сердце человека, убившего его отца и мать. Тот страшно вскрикнул, когда лезвие вошло в него.

Джеана слишком поздно вспомнила о девочках. Ей следовало заставить их отвернуться, зажать им уши. Они обе смотрели. Они больше не плакали. Она опустила на колени и прижала их к себе.

«Это я виновата в его смерти», – подумала Джеана. Теперь, когда ярость перестала двигаться ею, это была ужасающая мысль. Внезапно она осознала, что находится здесь, за стенами Фезаны, чтобы стать причиной еще одной смерти.

– Теперь я их уведу, доктор.

Она подняла взгляд и увидела рядом с собой этого мальчика, Зири. Он уже вернул меч Альвару. Его глаза ничего не выражали. Поможет ли ему то, что он отомстил, потом, позднее? Она не могла не задуматься об этом.

Она отпустила девочек и смотрела, как брат уводит их прочь. Она не знала, куда они направляются среди всех пожарищ. И сомневалась, что он сам это знает. Она осталась стоять на коленях, глядя на Гарсию де Раду.

– Мой родственник был свиньей, – хладнокровно произнес тот, отворачиваясь от убитого и глядя снизу вверх на Родриго Бельмонте. – То, что он сделал, – отвратительно. Хорошо, что мы от него избавились, и то же самое я скажу, когда мы вернемся домой.

Лайн Нунес рассмеялся изумленным, отрывистым смехом. Джеана сама с трудом верила собственным ушам. В глубине души она вынуждена была признать, что у этого человека есть определенное мужество. И все равно он был чудовищем. Чудовищем из сказок, которым матери пугают детей, чтобы те слушались. Но сюда, в Орвилью, это чудовище все же явилось, и дети погибли. Одного из них зарубили мечом еще до того, как он пришел в этот мир.

Она снова оглянулась через плечо и увидела, что Родриго Бельмонте улыбается странной улыбкой, глядя на де Раду. Никого на свете не обнадежило бы выражение его лица.

– Ты знаешь, – сказал он, и его голос снова звучал спокойно, почти непринужденно, – я всегда думал, что это ты отравил короля Раймундо.

Джеана увидела изумление и тревогу на изборожденном морщинами лице Лайна Нунеса. Он резко повернулся к Родриго. Этого он явно не ожидал. Он подъехал ближе к Капитану. Посмотрев на Гарсию де Раду, Джеана увидела, как тот открыл рот и снова закрыл его. Он явно усиленно размышлял, но она не заметила в нем никакого страха даже сейчас. Кровь сочилась из раны на его лице.

– Ты бы не посмел произнести подобное в Эстерене, – наконец сказал он.

Его голос теперь звучал мягче. В рядах джадитов снова возникло напряжение. Последнего короля Вальеда звали Раймундо – это Джеане было известно. Он был самым старшим из трех братьев, сыновей Санчо Толстого. Вокруг смерти Раймундо ходили разные слухи, и в них упоминалось имя Родриго Бельмонте, что-то насчет коронации нынешнего короля Вальеда. «Аммар ибн Хайран мог бы рассказать мне об этом, – внезапно подумала Джеана и покачала головой. – Нелепая мысль».

– Может быть, и нет, – ответил Родриго по-прежнему мягко. – Но мы не в Эстерене.

– И ты считаешь себя вправе бросать ложные обвинения кому угодно?

– Не кому угодно. Только тебе. Вызови меня на дуэль. – На лице Капитана все еще держалась эта странная улыбка.

– Вызову, когда вернемся домой. Поверь.

– Не верю. Сразись со мной сейчас или признайся, что убил своего короля.

Краем глаза Джеана видела, как стоящий рядом с Капитаном Лайн Нунес сделал рукой странный, беспомощный жест. Капитан не обратил на него внимания. Его настроение как-то изменилось, и Джеана впервые почувствовала, что боится его. Этот вопрос – смерть короля

Раймундо – был, по-видимому, его больным местом. Она заметила, что Велас тихо подошел и встал рядом с ней, словно хотел защитить.

– И не подумай. Только не здесь. Но повтори это при дворе – и посмотришь, что я сделаю, Бельмонте.

– Родриго! – услышала Джеана хриплый голос Лайна Нунеса. – Прекрати, во имя Джада! Убей его, если хочешь, но прекрати сейчас же.

– Но именно в этом и заключается проблема, – ответил Капитан из Вальеде тем же напряженным голосом. – Мне кажется, я не могу.

Джеана, стараясь разобраться в происходящем вопреки буре собственных эмоций, не до конца понимала, что он имеет в виду: не может убить или не может прекратить этот разговор. У нее мелькнуло ощущение, что, возможно, он имеет в виду и то, и другое.

С грохотом обрушился еще один дом. Огонь уже охватил все, до чего смог дотянуться. Больше не осталось дерева, которое могло загореться. Орвилья к утру превратится в пепел и угли, а уцелевшим придется позаботиться о мертвых и жить дальше.

– Забирай своих людей и уходи, – сказал Родриго Бельмонте человеку, который все это сделал.

– Верни наших коней и оружие, и мы тотчас же отправимся на север, – быстро ответил Гарсия де Рада.

Джеана оглянулась и увидела, что холодная улыбка Родриго исчезла. Теперь он выглядел усталым, словно недавняя перепалка лишила его сил.

– Вы пообещали за себя выкуп, помнишь? – спросил он. – При свидетелях. Полный размер выкупа будет установлен герольдами двора. Ваши кони и оружие пойдут в счет первой выплаты. Вас отпускают под обещание заплатить остальное.

– Ты хочешь, чтобы мы шли в Вальеде пешком?

– Я хочу, чтобы ты умер, – сухо ответил Родриго. – Но не стану убивать соотечественника. Скажи спасибо и отправляйся в путь. К слову, сегодня в Фезане ночует пятьсот наемников-мувардийцев. Они уже заметили огонь пожаров. Промедление может оказаться опасным.

«Он собирается их отпустить. Привилегия ранга и власти. Так устроен мир. Смерть и увечья крестьян можно возместить лошадьми и золотом для спасителей...» Внезапно перед мысленным взором Джеаны ясно возникла картина: она плавно поднимается с бурой, опаленной травы, подходит к юному солдату Альвару и хватает его меч. Она почти ощутила тяжесть оружия в своих руках. С потусторонней ясностью она видела, как подходит к Гарсии де Раде, – он уже стоял вполборота к ней. В своем видении она услышала крик Веласа «Джеана!» в тот момент, когда убила де Раду мечом джадитов, держа оружие обеими руками. Солдатский клинок вошел между ребрами; она услышала крик черноволосого человека и увидела хлынувшую кровь, и эта кровь лилась, пока он падал на землю.

Она никогда не думала, что ее могут посещать подобные видения и тем более что она может ощущать такую настоятельную необходимость сделать это. Она – лекарь, она дала клятву Галинуса сохранять жизнь. Ту же клятву давал ее отец, и эта клятва заставила его спасти новорожденного, хотя он понимал, что это может стоить ему собственной жизни. Так он сказал сегодня ибн Хайрану. Трудно поверить, что это было сегодня.

Прежде всего она – лекарь, это ее священный остров, ее святилище. Она уже стала причиной гибели одного человека сегодня ночью. Достаточно. Более чем достаточно. Она встала и шагнула к Гарсии де Раде. Она видела, как он смотрит на нее, отмечая накидку, покрывающую ее голову и плечи, как носят киндаты. Она читала в его глазах презрение и насмешку. Это не имело значения. Она дала клятву, много лет назад.

Джеана сказала:

– Промойте рану в реке. Потом прикройте ее чистой тканью. Делайте это каждый день. Шрам останется, но заражения можно избежать. Если сможете, поскорее найдите лекаря, который смажет рану мазью, – так будет лучше для вас.

Она даже представить себе не могла, что ей будет так трудно выговорить эти слова. На краю открытого пространства, в тени развалин, она увидела свою пациентку, Абираб, с двумя девочками, которые жались к ней. Их брат, Зири, вышел немного вперед и смотрел на нее. Под его пристальным взглядом собственные слова показались Джеане самым подлым предательством.

Она повернулась и, не оглядываясь, никого не ожидая, зашагала прочь из деревни, между горящими домами, через пролом в ограде. Ее лицо и сердце опалил огонь пожаров, и не было никакой надежды остудить жар ее боли.

Она знала, что Велас следует за ней. Но не ожидала так быстро услышать стук копыт догоняющего ее коня.

– До лагеря идти слишком далеко, – произнес чей-то голос. На этот раз это был не голос Лайна Нунеса. Она подняла глаза на Родриго Бельмонте, придержавшего коня рядом с ней. – Мне кажется, каждый из нас только что совершил поступок, идущий вразрез с нашими желаниями, – продолжал он. – Поедем вместе?

Сначала он подавлял ее своей известностью, потом внушал страх, но недолго, потом вызвал гнев, вероятно, несправедливый. Теперь она просто устала и была рада возможности поехать верхом. Он нагнулся и поднял ее в седло без малейших усилий, хотя ее нельзя было назвать миниатюрной женщиной. Она расправила юбки и нижнюю тунику и перекинула ногу через круп коня позади него. Обняла его руками за талию. Он не носил доспехов. Ночь была тихой, пожары остались позади, и Джеана могла чувствовать биение его сердца.

Они какое-то время ехали в молчании, и Джеана позволила тишине и темноте слиться с ритмичным топотом конских копыт и вновь обрела подобие душевного равновесия.

«Для меня это день встреч со знаменитыми мужчинами», – внезапно подумала она.

Это было бы забавным, если бы в этот день не произошло столько трагедий. Но осознание подобного факта было неизбежным. Человек, за спиной которого она сидела, был известен уже двадцать лет – со времени последних дней Халифата – как Бич Аль-Рассана. Ваджи до сих пор предавали его имя проклятию в храмах во время вечерней молитвы. Интересно, знает ли он об этом, гордится ли этим?

– Вспыльчивость – моя беда, – тихо сказал он, нарушив молчание. Он говорил по-ашаритски почти без акцента. – Мне не следовало бить его хлыстом.

– Не понимаю, почему нет, – ответила Джеана.

Он покачал головой.

– Таких людей либо убивают, либо оставляют в покое.

– Тогда вам следовало убить его.

– Вероятно. Я мог бы, во время первого столкновения, когда мы появились, но не после того как он и его люди сдались и пообещали выкуп.

– Ах да! – сказала Джеана, сознавая, что в ее голосе звучит горечь. – Кодекс воинов. Не хотите вернуться и взглянуть на ту мать с младенцем?

– Я видел подобные вещи, доктор. Поверьте мне. – Она ему верила. Должно быть, он и сам проделывал нечто подобное.

– Я случайно знаком с вашим отцом, – сказал Родриго Бельмонте после еще одной паузы. Джеана оцепенела. – Исхак из киндатов. Я очень сожалел, узнав о его судьбе.

– Откуда... откуда вы знаете, кто мой отец? Откуда вы знаете, кто я такая? – заикаясь, спросила она.

Он рассмеялся. И ответил, к ее изумлению, теперь уже на языке киндатов, довольно бегло:

– Догадаться было не так уж сложно. Сколько в Фезане синеглазых женщин-лекарей из киндатов? К тому же у вас отцовские глаза.

– У моего отца нет глаз, – с горечью возразила Джеана. – Вам это известно, если вы слышали о его беде. Откуда вы знаете наш язык?

– Солдаты обычно понемногу говорят на разных языках.

– Не так хорошо, и не на языке киндатов. Откуда вы его знаете?

– Когда-то я влюбился, очень давно. Собственно говоря, это лучший способ выучить язык.

Джеану снова охватил гнев.

– А когда вы выучили ашаритский? – спросила она. Он снова легко перешел на этот язык.

– Я некоторое время жил в Аль-Рассане. Когда отец отправил принца Раймундо в ссылку за множество прегрешений, в основном воображаемых, он провел год в Силвенесе и Фезане, а я поехал на юг вместе с ним.

– Вы жили в Фезане?

– Какое-то время. Почему вас это так удивляет?

Она промолчала. В самом деле, это не было так уж необычно. Многие десятилетия, если не столетия, семейная вражда правителей-джадитов Эспераньи часто вынуждала знатных людей и их свиты искать убежища и наслаждений в Аль-Рассане. А во времена Халифата немало знатных ашаритов также считали разумным уехать подальше от длинной руки Силвенеса и пожить среди всадников севера.

– Не знаю, – наконец-то ответила она на его вопрос. – Наверное, потому, что я должна была вас запомнить.

– Семнадцать лет назад? Вы тогда были совсем ребенком. Мне кажется, я вас один раз видел, если только у вас нет сестры, на базаре, в палатке вашего отца. У вас нет причин меня помнить. Мне было примерно столько же лет, сколько теперь юному Альвару. И опыта у меня было примерно столько же.

Упоминание о юном воине кое о чем ей напомнило.

– Альвар? Тот, кто взял к себе в седло Веласа? Когда вы собираетесь объяснить ему шутку со стремями, которую вы с ним сыграли?

Последовало короткое молчание, прежде чем до него дошло. Потом Родриго громко расмеялся.

– Вы заметили? Какая умная! Но откуда вам известно, что это шутка?

– Догадаться было не так уж сложно, – ответила она, намеренно повторяя его фразу. – Он скачет, задрав колени почти до талии. Так же разыгрывают рекрутов-новичков в Батиаре. Хотите искалечить парня?

– Конечно, нет. Но он немного более самоуверен, чем вы думаете. Не мешает его чуточку приструнить. Я намеревался позволить ему опустить ноги перед тем, как мы завтра войдем в город. Если хотите, можете сегодня стать его спасительницей. Он и так уже очарован вами, вы заметили?

Она не заметила. Джеана никогда не придавала слишком большого значения подобным вещам.

Родриго Бельмонте резко сменил тему:

– Вы упомянули о Батиаре? Вы там учились? У сэра Реццони в Соренике?

Она снова была сбита с толку.

– А потом полгода в университете в Падрино. Вы что, знаете всех врачей на свете?

– Большинство хороших врачей, – сухо ответил он. – Это часть моей профессии. Подумайте, доктор. У нас на севере очень не хватает обученных лекарей. Мы умеем убивать, но мало знаем о лечении. В начале вечера я задал вам серьезный вопрос, а вовсе не праздный.

– Как только я приехала? Вы не могли знать, хороший я лекарь или нет.

– Дочь Исаака из Фезаны? Я могу позволить себе обоснованное предположение, не так ли?

– Уверена, что прославленный Капитан Вальедо может позволить себе все, что угодно, – колко ответила Джеана. Она чувствовала себя в невыгодном положении: этот человек слишком много знал. Он был чересчур умен; воины-джадиты должны быть совсем не такими.

– Не все, что угодно, – ответил он преувеличенно грустным тоном. – Моя дорогая жена – вы не знакомы с моей дорогой женой?

– Конечно, нет, – огрызнулась Джеана. «Он играет со мной».

– Моя дорогая жена наложила строгие ограничения на мое поведение вдали от дома. – Его тон делал значение этих слов слишком ясным, хотя подобное предположение – насколько она знала северян – было весьма маловероятным.

– Как это тяжело для солдата. Наверное, она очень грозная женщина.

– Так и есть, – с чувством подтвердил Родриго Бельмонте.

Но что-то – какой-то нюанс, новый оттенок значения – возник в ночи, пусть даже окрашенный шуткой. Джеана внезапно осознала, что они сейчас одни в темноте, его люди и Велас остались далеко позади, а до лагеря еще неблизко. Она сидит вплотную к нему, ее бедра прижаты к его бедрам, а ее руки крепко обнимают его за талию. Она с трудом подавила желание отпустить его и сменить позу.

– Извините, – после короткого молчания сказал он. – Сегодня ночью шутить не стоило, и теперь я вас смутил.

Джеана ничего не ответила. Кажется, независимо от того, говорит она или молчит, этот человек читает ее мысли, будто ярко освещенный свиток.

Ей пришло в голову еще кое-что.

– Скажите, – твердо произнесла она, игнорируя его замечание, – если вы некоторое время жили здесь, почему вам тогда, в лагере, понадобилось спрашивать, что горит? Орвилья находится на одном и том же месте уже пятьдесят лет, если не больше.

Она, конечно, не могла видеть его лица, но почему-то знала, что он улыбается.

– Хорошо, – в конце концов ответил он. – Очень хорошо, доктор. Теперь я буду еще больше огорчен, если вы откажетесь от моего предложения.

– Я уже отказалась, помните? – Она не позволит увести себя в сторону. – Почему вам понадобилось спрашивать, что горит?

– Мне не нужно было спрашивать. Но я захотел спросить. Чтобы посмотреть, кто ответит. Задав вопрос, можно узнать не только ответ, но и многое другое.

Она задумалась над его словами.

– И что же вы узнали?

– Что вы соображаете быстрее, чем ваш друг-купец.

– Не надо недооценивать ибн Мусу, – быстро возразила Джеана. – Он меня сегодня несколько раз удивил, а я знаю его уже очень давно.

– Что же мне с ним делать? – спросил Родриго Бельмонте.

«Вопрос задан всерьез», – поняла Джеана. Она некоторое время ехала молча, размышляя. Теперь обе луны поднялись высоко и отстояли друг от друга примерно на тридцать градусов. Угол путешествия, по карте ее рождения. Впереди она уже видела огонь костра в лагере, где ждал Хусари вместе с двумя солдатами, оставленными в дозоре.

– Вы поняли, что его должны были убить сегодня днем вместе с остальными в замке?

– Об этом я догадался. Почему он уцелел?

– Я его не пустила. У него выходил камень из почки.

Родриго рассмеялся.

– Готов побиться об заклад, что ваш подопечный впервые благодарен за этот камень. – И уже другим тоном прибавил: – Прекрасно. Значит, он приговорен Альмаликом к смерти. Что же я должен делать?

– Возьмите его с собой на север, – произнесла она наконец, пытаясь обдумать этот вариант. – Мне кажется, он этого хочет. Если король Рамиро когда-нибудь соберется захватить Фезану...

– Погодите! Остановитесь, женщина! Что вы такое говорите?

– Очевидные вещи, по-моему, – нетерпеливо ответила она. – В один прекрасный день ваш король задумается, почему он всего лишь собирает дань, а не правит этим городом.

Родриго Бельмонте снова смеялся и тряс головой.

– Знаете, не все очевидные мысли нужно произносить вслух.

– Вы задали мне вопрос, – любезно возразила она. – Я приняла его всерьез. Если у Рамиро появятся подобные мысли – какими бы смутными и мимолетными они ни были, – то ему будет полезно иметь рядом с собой единственного человека, уцелевшего после сегодняшней резни.

– Особенно если король позаботится о том, чтобы все знали, что этот человек приехал к нему сразу же после этой резни и попросил его вмешаться. – Голос Родриго звучал задумчиво, он не стал отвечать на ее сарказм.

Внезапно Джеана почувствовала, что устала от разговора. Этот день начался на рассвете, на базаре, самым обычным образом. А теперь она здесь, в темноте, после резни в городе и нападения на Орвилью, обсуждает политику полуострова с Родриго Бельмонте, Бичом Аль-Рассана. Это было немного слишком. Утром она собиралась отправиться своей дорогой, а утро уже приближалось.

– Полагаю, вы правы. Я лекарь, а не дипломат, знаете ли, – уклончиво пробормотала она. Как хорошо сейчас было бы уснуть.

– Иногда между ними очень мало разницы, – ответил он. Его слова вызвали у нее раздражение, достаточно сильное, чтобы она снова забыла о сне, в основном потому, что сэр Реццони не раз говорил ей в точности то же самое.

– Куда вы поедете? – небрежно спросил Бельмонте.

– В Рагозу, – ответила она, не успев вспомнить, что планировала никому об этом не говорить.

– Почему? – настаивал он.

Кажется, он считал, будто имеет право получить ответ. «Наверное, это из-за укоренившейся привычки командовать людьми», – решила Джеана.

– Потому что мне говорили, что тамошние придворные и воины удивительно искусны в любовных делах, – тихо ответила она, подпустив хрипотцы в голос. Для верности она разжала руки, спустила их с его талии на бедра и на мгновение оставила там, прежде чем снова обхватить его за талию.

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Но она сидела очень близко и, как он ни старался скрыть свою реакцию, почувствовала, что у него быстрее забилось сердце. И в то же мгновение подумала о том, что она играет в самую безрассудную игру и дразнит очень опасного мужчину.

– Удручающе знакомый прием, – жалобно произнес Родриго Бельмонте. – Женщина ставит меня на место. Вы уверены, что никогда не встречались с моей женой?

Через несколько секунд, против своей воли и вопреки всем разумным ожиданиям, Джеана расхохоталась. А потом, возможно, именно потому, что она смеялась искренне, она снова вспомнила то, что видела в той маленькой лачуге в Орвиле, а после что ее отец сегодня произнес первые слова за четыре года, а она покинула его и мать, может быть, навсегда.

Джеана терпеть не могла плакать. «Смех и слезы, – говаривал Исхак, – ближайšie родственники». Это не было наблюдением лекаря. Об этом ему сказала его мать, а той сказала ее

мать. Народ киндатов выживал на протяжении тысячи лет; они накопили эту народную мудрость и носили ее с собой, подобно дорожному багажу, который, пусть и сильно потрепанный, всегда был под рукой.

Поэтому Джеана боролась со слезами, сидя верхом на черном коне Родриго Бельмонте, пока они ехали на восток под лунами, предсказывающими ей путешествие, на фоне летних звезд. Человек, с которым она ехала, хранил благословенное молчание, пока они не достигли лагеря и не увидели, что там уже побывали мувардийцы.

Для Альвара большая часть огромного напряжения этой ночи проистекала из ощущения, что он безнадежно отстает от событий. Он всегда считал себя умным. Собственно говоря, он знал, что умен. Проблема заключалась в том, что события, происходящие сегодня ночью в Аль-Рассане, так далеко выходили за рамки его опыта, что его ума оказалось недостаточно для понимания того, как с ними справляться.

Он достаточно знал и понял, что, получив свою долю выкупа, обещанного за Гарсию де Раду и его уцелевших людей, он станет богаче, чем мог вообразить на первом году службы у короля Эстерена. Уже сейчас, до начала дальнейших переговоров о выкупе, Лайн Нунес выделил ему нового коня и доспехи. И то, и другое были лучше его собственных.

Вот так солдаты продвигаются – если продвигаются – наверх в этом мире, при помощи разбоя и военных выкупов. Только он никак не ожидал обогатиться за счет земляков-вальдецев.

– Это случается сплошь и рядом, – ворчливо сказал Лайн Нунес, когда они делили добычу в деревне. – Напомни мне рассказать тебе о том времени, когда мы с Родриго служили наемниками у ашаритов из Салоса, в низовьях реки. Мы не раз совершали для них набеги на Руэнду.

– Но не на Вальеде, – возразил Альвар, все еще обеспокоенный.

– Тогда это было одно целое, помнишь? Король Санчо еще сидел на троне объединенной Эспераньи. Три провинции одной страны, парень. Не разделенные, как сейчас.

Альвар думал об этом на обратном пути в лагерь. Он вел внутреннюю борьбу со столькими трудностями, в том числе со своим первым убийством, что у него даже не было возможности порадоваться военной добыче. Но все же он заметил, что Лайн Нунес выделил существенную долю отобранного оружия и коней уцелевшим крестьянам. Этого он не ожидал.

Вернувшись в лагерь, где их уже поджидали Капитан и женщина-лекарь, Альвар увидел сундуки, мешки и бочки и понял, что это дань из Фезаны, доставленная ночью сюда, на равнину, мувардийцами – воинами с закрытыми тканью лицами.

– Где купец? – резко спросил Лайн Нунес, спрыгнув в коня. – Они приходили за ним? – И Альвар внезапно вспомнил, что пухлый ашарит в этот день должен был умереть в фезанском замке.

Капитан медленно покачал головой.

– Купца больше нет, – сказал он.

– Да сгниют их души! – яростно выругался Лайн Нунес. – Клянусь пальцами Джада, я ненавижу мувардийцев!

– Вместо купца, – безмятежно продолжал Капитан, – мы, кажется, получили нового бойца, товарища Мартина и Лудуса. Только имей в виду, нам придется заставить его немного сбросить вес, прежде чем от него будет какая-то польза.

Лайн Нунес коротко хохотнул, когда с противоположной стороны от костра поднялась внушительная фигура, втиснутая – не без труда – в одежду всадника-джадита. Невероятно, но Хусари ибн Муса выглядел совершенно спокойным.

– Я сегодня уже побывал ваджи, – хладнокровно произнес он на сносном эсперанском. – Это всего лишь небольшая натяжка, я полагаю.

– Не согласен, – пробормотал Капитан. – Глядя на одежду Рамона на вас, я бы назвал это большой натяжкой. – Послышался смех. Купец улыбнулся и весело похлопал себя по животу.

Альвар неуверенно присоединился к веселью и тут увидел лекаря, Джеану, которая сидела на попоне у костра, обхватив руками согнутые колени. Она смотрела на огонь.

– Сколько собак пустыни побывало здесь? – спросил Лайн Нунес.

– Мартин говорит, всего десять. Вот почему они не отправились в Орвилю.

– Он им сказал, что мы взяли это на себя?

– Да. Им явно приказали отдать нам золото, в надежде, что мы быстро уедем.

Лайн Нунес снял шляпу и провел ладонью по редющим седым волосам.

– И что, мы так и сделаем?

– Я думаю, да, – ответил Капитан. – Не могу себе представить, что нам здесь делать. Сейчас в Фезане нечего искать, кроме неприятностей.

– И неприятности же направляются домой.

– Они идут пешком.

– Но в конце концов они туда попадут.

Родриго поморщился.

– Что, по-твоему, я должен был сделать?

Его заместитель пожал плечами, потом осторожно сплюнул в траву.

– Значит, мы отправимся в путь на рассвете? – спросил он, не отвечая на вопрос.

Капитан пристально смотрел на него еще несколько секунд, открыл рот, словно хотел что-то сказать, но лишь покачал головой.

– Мувардийцы будут следить за нами. Мы уедем, но без особой спешки. Можем потратить какое-то время на свертывание лагеря. Ты можешь взять дюжину людей и утром съездить в Орвилю. Проведете там день за работой и догоните нас позднее. Среди прочих дел там ждут погребения мужчины и женщины.

Альвар спешился и подошел к костру, около которого сидела лекарь.

– Я... я могу вам чем-то помочь?

Она казалась очень усталой, но одарила его быстрой улыбкой.

– Нет, спасибо. – Она заколебалась. – Ты впервые в Аль-Рассане?

Альвар кивнул. И присел рядом с ней на корточки.

– Я надеялся завтра увидеть Фезану, – сказал он. Он жалел, что плохо владеет языком ашаритов, но старался. – Мне говорили, что этот город полон чудес.

– Не совсем так, – небрежно проговорила она. – Рагоза, Картада... Силвенес, конечно. То, что от него осталось. Это крупные города. Серия очень красива. А в Фезане нет ничего чудесного. Она всегда была слишком близко к землям тагры и не могла позволить себе показной роскоши. Ты не увидишь ее завтра?

– Мы уезжаем утром. – Альвара снова охватило неприятное ощущение, будто он изо всех сил пытается удержаться на плаву, а вода смыкается над его головой. – Капитан только что сообщил нам об этом. Не знаю, почему. Думаю, это из-за того, что приходили мувардийцы.

– Конечно. Оглянись вокруг. Здесь золото дани. Они не хотят открывать завтра ворота и очень не хотят присутствия солдат-джадитов в городе. После того, что произошло сегодня.

– Значит, мы просто развернемся и...

– Боюсь, именно так, парень. – Это произнес Капитан. – На этот раз тебе не удастся вкусить удовольствий развратного Аль-Рассана. – Альвар почувствовал, что краснеет.

– Ну, в этом году большинство женщин находится вне стен города, – серьезным тоном заметила Джеана. Она смотрела на сэра Родриго, а не на Альвара.

Капитан выругался.

– Не говорите об этом моим парням! Альвар, ты обязан хранить тайну. Я не хочу, чтобы кто-нибудь переправился через реку. Любой солдат, который уйдет из лагеря, отправится домой пешком.

– Слушаюсь, – поспешно ответил Альвар.

– Кстати, я вспомнил, – обратился к нему Капитан, искоса взглянув на доктора, – можешь теперь опустить стремена. На обратном пути.

При этих словах Альвар, впервые за долгое время, почувствовал себя почти прежним. Он ждал этого момента с тех пор, как отряд выехал из Вальеде.

– Это обязательно, Капитан? – спросил он с невинным выражением лица. – Я только начал к ним привыкать. И думал даже попробовать подтянуть их еще выше, если вы позволите.

Капитан снова посмотрел на доктора. И прочистил горло.

– Ну нет, Альвар. Это не... я не думаю...

– Я подумал, что если подниму колени достаточно высоко, действительно высоко, то смогу класть на них подбородок во время езды, и это поможет мне сохранить силы в долгом походе. Это кажется вам разумным, Капитан?

Альвар де Пеллино был вознагражден за не свойственное ему молчание и выжидательную политику. Он увидел, как лекарь медленно улыбнулась ему, потом вопросительно подняла брови и посмотрела на Капитана.

Однако Родриго Бельмонте был не из тех, кого можно надолго смутить подобными вещами. Он несколько секунд смотрел на Альвара, потом тоже расплылся в улыбке.

– Твой отец? – спросил он.

Альвар кивнул.

– Он действительно предупредил меня о кое-каких вещах, с которыми я могу столкнуться в солдатской жизни.

– И ты предпочел все равно выполнить это указание насчет стремян? И ничего не сказать?

– Ведь это был ваш совет, Капитан. А я хотел остаться в вашем отряде.

Доктор явно забавлялась. Сэр Родриго нахмурил брови.

– Ради Джада, парень, ты что же – хотел мне угодить?

– Да, командир, – радостно ответил Альвар.

Женщина, которую, как Альвар уже решил, он будет любить вечно, запрокинула голову и громко расхохоталась. Через мгновение Капитан, которому он хотел бы служить всю жизнь, присоединился к ней.

Альвар решил, что эта ночь была не такой уж кошмарной.

– Видите, какие у меня умные солдаты? – сказал Родриго доктору, когда они перестали смеяться. – Вы совершенно уверены, что не передумаете и не присоединитесь к нам?

– Вы меня искушаете, – ответила та, по-прежнему с улыбкой. – Мне и в самом деле нравятся умные люди. – Выражение ее лица изменилось. – Но Эсперанья – не место для киндатов, сэр Родриго. Вы знаете это не хуже меня.

– Для нас нет никакой разницы, – сказал Капитан. – Если вы умеете зашить рубленую рану и вылечить рези в животе, вас с радостью примут в моем отряде.

– Я умею и то, и другое, но ваш отряд, какие бы умные солдаты в нем ни служили, еще не весь мир. – В ее глазах больше не было веселья. – Помните, что сказала о нас ваша королева Васка, когда Эсперанья занимала весь полуостров, до того как пришли ашариты и оттеснили вас на север?

– Это было больше трехсот лет назад, доктор.

– Я знаю. Помните?

– Помню, конечно, но...

– А ты помнишь? – она повернулась к Альвару. Теперь она сердилась. Он молча покачал головой.

– Она сказала, что киндаты – это животные, которых следует отлавливать и сжигать, чтобы стереть с лица земли.

Альвар не мог придумать, что ответить.

– Джеана, – сказал Капитан, – я могу лишь повторить: это было триста лет назад. Она уже давно умерла, исчезла.

– Не исчезла! И вы смеете это утверждать? Где она? – Джеана сердито посмотрела на Альвара, будто это он был каким-то образом во всем виноват. – Где находится место упокоения королевы Васки?

Альвар с трудом сглотнул.

– На острове, – прошептал он. – На острове Васки.

– Который стал усыпальницей! Местом паломничества, куда приезжают джадиты из всех трех ваших королевств и из стран по ту сторону гор, ползут на коленях, чтобы вымолить чудо у духа той женщины, которая произнесла эти слова. Готова биться об заклад, что у половины вашего столь умного отряда найдутся родственники, которые совершили такое путешествие, чтобы умолять благословенную Васку о заступничестве.

Альвар не ответил ни слова. И Капитан на этот раз тоже.

– И вы меня убеждаете, – с горечью продолжала Джеана из народа киндатов, – что, пока я хорошо справляюсь со своими обязанностями, не имеет значения, какую веру я исповедую на земле Эспераньи?

Сэр Родриго долго не отвечал. Альвар увидел, что купец, ибн Муса, подошел к ним. Он стоял по другую сторону от костра и слушал. Альвар слышал шум лагеря и видел людей, готовящихся ко сну. Было уже очень поздно.

В конце концов Капитан пробормотал:

– Мы живем в падшем и несовершенном мире, Джеана бет Исхак. Я – человек, который часто убивает, зарабатывая себе на жизнь. Не возьму на себя смелость дать вам ответ. Но у меня есть вопрос. Как вы думаете, что произойдет с киндатами в Аль-Рассане, если придут мувардийцы?

– Мувардийцы уже здесь. Они были сегодня в Фезане.

И в этом лагере ночью.

– Наемники, Джеана. Возможно, их тысяч пять на весь полуостров.

Настала ее очередь промолчать. Торговец шелком подошел ближе. Альвар видел, как Джеана взглянула на него, потом снова на Капитана.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила она.

Теперь Родриго присел на корточки рядом с Альваром и сорвал несколько стебельков травы, прежде чем ответить.

– Некоторое время назад вы очень откровенно говорили о том, что когда-нибудь мы придем на юг, чтобы захватить Фезану. Как вы думаете, что сделают Альмалик Картадский и другие правители, если увидят, что мы наступаем через земли тагры и осаждаем города ашаритов?

И опять доктор ничего не ответила. Она задумчиво хмурила брови.

– Первыми будут ваджи, – тихо произнес Хусари ибн Муса. – Начнут они, не правители. Родриго кивнул в знак согласия.

– Полагаю, так и будет.

– Что они начнут? – спросил Альвар.

– Призывать племена из Маджрита, – ответил Капитан. Он мрачно смотрел на Джеану. – Что произойдет с киндатами, если правители городов Аль-Рассана будут побеждены? Если Язир и Галиб переправятся через пролив на север с двадцатью тысячами солдат? Захотят ли воины пустыни мирно вернуться домой после того, как сразятся с нами?

Она долго не отвечала, неподвижно сидела в задумчивости, и мужчины вокруг нее тоже молчали, ожидая ответа. За ее спиной, на западе, Альвар видел низко в небе белую луну, словно

отдыхающую над бесконечной равниной. Для него это было странное мгновение; потом, оглядываясь назад, он мог бы сказать, что повзрослел той долгой ночью у Фезаны, что тогда распахнулись двери и окна простой жизни и скрытая сложность вещей впервые открылась ему. Не ответы, разумеется, – всего лишь представление о трудности вопросов.

– Значит, таков выбор? – спросила лекарь Джеана, нарушив молчание. – Всадники с закрытыми лицами или всадники Джада? Это уготовано нам судьбой?

– Нам не суждено снова увидеть расцвет Халифата, – тихо проговорил Хусари ибн Муса, тень на фоне неба. – Дни Рахмана Золотого и его сыновей или даже ибн Заира среди фонтанов Аль-Фонтины миновали.

Альвар де Пеллино не мог бы объяснить, почему его это так сильно опечалило. Он провел свое детство, играя в победителя злых ашаритов, мечтая о разграблении Силвенеса, страшая сабель и коротких луков Аль-Рассана. Рашид ибн Заир, последний из великих халифов, прошелся по провинциям Эспераньи огнем и мечом, совершая набег за набегом, когда отец Альвара был ребенком, а потом солдатом. Но здесь, под лунами и поздними звездами, печальный, тихий голос торговца шелком вызвал ощущение невообразимой потери.

– Сможет ли Альмалик в Картаде стать достаточно сильным? – Доктор смотрела на купца, и даже Альвар, который ничего не знал о подоплеке этого вопроса, видел, как трудно ей было задать его.

Ибн Муса покачал головой.

– Ему не позволят. – Он указал на сундуки с золотом и мулов, которые привезли дань в лагерь. – Даже со своими наемниками, которым он едва в состоянии платить, он не может избежать уплаты париас. По правде говоря, он не лев. Всего лишь самый сильный из мелких правителей. И он уже нуждается в поддержке мувардийцев, чтобы оставаться таким.

– Значит, то, что вы намереваетесь сделать, что я надеюсь сделать... просто ускорит конец Аль-Рассана?

Хусари ибн Муса присел рядом с ними. И мягко улыбнулся.

– Ашар учил, что деяния людей подобны следам в пустыне. Ты это знаешь.

Она попыталась ответить на его улыбку, но ей это не удалось.

– А киндаты говорят, что ничему под лунами не суждено уцелеть. Что мы, называющие себя странниками, являемся символом жизни всего человечества. – Джеана секунду помедлила и повернулась к Капитану. – А вы? – спросила она.

И Родриго Бельмонте мягко ответил:

– Даже солнце заходит, моя госпожа. – А потом прибавил: – Вы поедете с нами?

Со странной, неожиданной грустью Альвар смотрел, как Джеана медленно качает головой. Он видел, что несколько прядей ее каштановых волос выбилось из-под накидки. Ему хотелось поправить их как можно нежнее.

– Я даже не могу объяснить вам почему, – сказала она, – но мне кажется важным поехать на восток. Я бы хотела посетить двор эмира Бадира и поговорить с Мазуром бен Авреном, и прогуляться под арками дворца Рагозы. Прежде чем эти арки обрушатся, как арки Силвенеса.

– И поэтому вы покинули Фезану? – спросил сэр Родриго.

Она снова покачала головой.

– Если и так, то я ничего об этом не знаю. Я здесь потому, что дала клятву, себе и никому другому, когда узнала, что сотворил сегодня Альмалик. – Выражение ее лица изменилось. – И я побьюсь об заклад со своим старым другом Хусари, что расправлюсь с Альмаликом Картадским раньше, чем он.

– Если только кто-нибудь не сделает это раньше нас обоих, – рассудительно проронил ибн Муса.

– Кто? – спросил сэр Родриго. Вопрос военного вывел их из настроения, навеянного печалью и светом звезд. Но купец только покачал головой и ничего не ответил.

– Я должна поспать, – сказала Джеана. – Хотя бы для того, чтобы дать передохнуть Веласу. – Она махнула рукой, и Альвар увидел старого слугу, который устало стоял на почтительном расстоянии, там, где свет костра сливался с темнотой.

Вокруг них лагерь затих, так как солдаты уже улеглись. Джеана посмотрела на Родриго.

– Вы говорили, что утром пошлете людей хоронить погибших в Орвилье. Я поеду с ними и сделаю что смогу для живых, а потом мы с Веласом отправимся своим путем.

Альвар увидел, как Велас сделал знак Джеане, а потом заметил, где слуга устроил для нее ложе. Она направилась к нему. Альвар, несколько секунд спустя, неловко поклонился ей вслед и пошел в другую сторону, туда, где обычно спал рядом с Мартином и Лудусом, разведчиками. Они уже уснули, завернувшись в свои одеяла.

Он развернул попону и лег. Сон не шел к нему. Слишком много мыслей толпилось в голове. Он вспомнил гордость в голосе матери в тот день, когда она рассказывала подробности о своем первом паломничестве к Святой Васке, чтобы попросить заступничества для своего сына, который покидал дом и вступал на стезю воина. Он вспомнил ее рассказ о том, как мать одолела последнюю часть пути на четвереньках по камням, чтобы поцеловать ноги статуи королевы на ее могиле.

«Животные, которых следует отлавливать и сжигать, чтобы стереть с лица земли».

Сегодня ночью он впервые убил человека. Хороший удар мечом с коня, разрубивший ключицу бегущего. Это движение он отработывал так много раз, с друзьями или в одиночку, еще ребенком, под присмотром отца, потом под грязную ругань муштровавших его королевских сержантов на арене для турниров в Эстерене. Точно такое движение, никакой разницы. И тот человек упал на летнюю землю, и жизнь вытекла из него вместе с кровью.

«Деяния людей подобны следам в пустыне».

Сегодня ночью он добыл себе великолепного скакуна и доспехи, намного лучшие, чем его собственные, и получит еще больше. Начало благосостояния, честь солдата, возможно, постоянное место в отряде Родриго Бельмонте. Он заслужил смех и одобрение человека, который теперь мог действительно стать его Капитаном.

«Ничему под лунами не суждено уцелеть».

Он сидел у костра на темной равнине и слушал речи ашарита и киндатки, чьи красота и ум выходили за пределы его опыта, и самого сэра Родриго. Они говорили в присутствии Альвара о прошлом и о будущем полуострова.

Тогда Альвар де Пеллино принял решение, которое далось ему легче, чем он мог себе представить. Он лежал под звездами и, став теперь более проникательным человеком, чем был еще этим утром, знал, что ему позволят это сделать. Только теперь, словно решение было ключом к двери сна, мысли Альвара замедлили свое вращение и позволили ему отдохнуть. Он видел сны: ему снились Силвенес, где он никогда не бывал, и Аль-Фонтина в славные дни Халифата, которые закончились еще до его рождения.

Альвар видел себя бродящим по величественному дворцу; видел башни и купола из полированного золота, мраморные колонны и арки, сверкающие на солнце. Он видел сады с цветочными клумбами и плещущими фонтанами, со статуями в тени, слышал далекую, потустороннюю музыку, слышал шелест на ветру высоких зеленых деревьев, дающих укрытие от солнца. Пахло лимонами и миндалем и еще ускользящими восточными духами, названия которых он не знал.

Однако он был там один. Какими бы тропами он ни шел, мимо воды, деревьев и прохладных каменных аркад, они оказывались совершенно пустынными. Проходя по комнатам с высокими потолками, с разноцветными подушками на выложенных мозаикой полах, он видел шелковые панно на стенах и резьбу по алебастру и оливковому дереву. Видел золотые и серебряные шкатулки, украшенные драгоценными камнями, и хрустальные бокалы темно-красного вина – некоторые полные, некоторые почти пустые, словно их только что поставили на стол.

Но ни одной живой души, никаких голосов. Только этот намек на аромат духов в воздухе, когда он переходил из комнаты в комнату, и музыка – впереди него и позади, дразнящая своей чистотой, – говорили о присутствии других мужчин и женщин в Аль-Фонтине Силвенеса. Но Альвар их так и не увидел. Ни во сне, ни в жизни.

«Даже солнце заходит».

Часть вторая

Глава V

– Начались неприятности, – сообщил Диего. Он пробежал мимо конюшни и заглянул в открытый загон. Шел тихий дождь.

– В чем дело? – спросила его мать, быстро обернулась через плечо и встала.

– Не знаю. Много людей.

– Где Фернан?

– Отправился им навстречу, взял с собой еще несколько человек. Я ему уже сказал. – Сообщив то, что считал необходимым, Диего повернулся, чтобы уйти.

– Постой! – крикнула ему вслед мать. – Где твой отец?

Лицо Диего помрачнело.

– Откуда мне знать? Наверное, направляется в Эстерен, если еще не там. Должно быть, они уже получили дань.

Его мать почувствовала себя глупо и поэтому впала в раздражение.

– Не надо говорить со мной таким тоном, Диего. Ты ведь иногда действительно знаешь.

– Когда знаю, я тебе говорю, – ответил он. – Мне надо бежать, мама. Я нужен Фернану.

Он велел запереть ворота и вывести всех на стены.

Улыбнувшись быстрой, убийственной улыбкой, от которой мать стала почти беспомощной – улыбкой отца, – Диего убежал.

«Теперь мне отдают приказы собственные сыновья», – подумала Миранда Бельмонте д'Альведа. Еще одна перемена в жизни, еще одна примета течения времени. Это было странно; она не чувствовала себя такой уж старой. Миранда оглянулась на испуганного конюха, который помогал ей управляться с кобылой.

– Я закончу здесь. Ты слышал, что он сказал. Передай Дарио, чтобы вывел всех на стену. И женщин тоже. Возьмите все оружие, какое сможете найти. Разожгите огонь на кухне: если нас будут атаковать, нам понадобится кипящая вода. – Старый конюх тревожно закивал и ушел, двигаясь настолько быстро, насколько позволяла больная нога.

Миранда провела тыльной стороной испачканной ладони по лбу, оставив на нем полоску грязи. Она снова повернулась к рожающей кобыле в стойле и что-то ей зашептала. Рождение жеребенка на ранчо Вальеде было событием, которым нельзя пренебречь. Это было краеугольным камнем их состояния и их жизни, и даже всего их общества. Их недаром называли всадниками Джада. Через мгновение женщина, которая слыла первой красавицей Вальеде, снова стояла на коленях на соломе, положив ладони на живот кобылы, и помогала появиться на свет очередному жеребцу породы Бельмонте.

Однако она была рассеянна и встревожена. И неудивительно. Диего редко ошибался в своих прогнозах и почти никогда не ошибался, если его предсказания касались грозящей дому беды. С течением лет они в этом убедились.

Когда он был еще маленьким ребенком и начались эти предвидения, даже ему самому было сложно отличить их от ночных кошмаров или детских страхов.

Однажды он проснулся с криком среди ночи: он кричал, что его отцу грозит ужасная опасность, что его подстерегает засада. Родриго в тот год сражался в Руэнде, на этой злосчастной войне между братьями, и никто на ранчо той долгой ночью так и не уснул. Они смотрели на дрожащего мальчика с пустыми глазами и ждали, какие еще видения его посетят. Перед самым рассветом лицо Диего прояснилось.

– Я ошибся, – сказал он, глядя на мать. – Они еще не дерутся. С ним все в порядке. Наверное, это был сон. Извини. – И тут же крепко уснул.

Такие случаи больше не повторялись. Когда Диего сообщал об увиденном, они принимали его слова за абсолютную истину. Годы жизни вместе с мальчиком, к которому прикоснулся бог, прогонят любой скептицизм. Они не имели понятия, как появлялись его видения, и никогда не говорили о них вне семьи или за пределами ранчо. Ни родители, ни брат не испытывали ничего похожего. Что это было? Дар или бремя? Миранда по сей день так и не решила.

О таких людях ходили легенды. Иберо, семейный священник, отправлявший службы в новой часовне, которую Родриго построил еще до того, как обновил и расширил дом на ранчо, слышал о них. «Идущие сквозь время» – так он называл обладающих подобным даром. Он говорил, что Диего благословлен Джадом, но родители мальчика знали, что в другое время и в других местах таких ясновидцев сжигали или распинали живыми на крестах, как колдунов.

Миранда пыталась сосредоточиться на кобыле, но некоторое время ее слова утешения состояли из красочных, многократно повторяемых проклятий в адрес отсутствующего мужа. Она понятия не имела, что он натворил на этот раз, чем навлек беду на ранчо, да еще в то время, когда его отряд стоит в Эстерене, а лучшие солдаты отправились с ним на юг, в Аль-Рассан.

«Мальчики способны справиться с неприятностями», – весело писал он в последнем письме, после пересказа своего прощального разговора с графом де Радой. Ни слова о том, чтобы послать ей солдат в качестве подкрепления. Конечно, нет. Миранда, которую в первые годы после свадьбы учил Иберо, гордилась тем, что умеет читать без посторонней помощи. Еще она умела ругаться, как солдат. И ругалась, читая письмо, к смущению гонца. Она ругалась и сейчас, но более сдержанно, чтобы не потревожить кобылу.

Ее мальчики все еще были мальчиками, а их жизнерадостный, беззаботный отец и его люди находились далеко.

По милости Джада вскоре родился здоровый жеребенок. Миранда подождала, чтобы посмотреть, примет ли его кобыла, а затем вышла из стойла, схватила старое копье, прислоненное в углу конюшни, и поспешно шагнула под дождь, чтобы присоединиться к женщинам и полудюжине работников ранчо на стенах, за деревянной баррикадой.

Как выяснилось, там были только женщины, священник Иберо и старый хромой конюх Ребеньо. Фернан уже увел работников ранчо с собой за ограду. Чтобы устроить засаду, как неуверенно объяснила одна из служанок. Миранда, поскольку поблизости не было драгоценных лошадей, позволила себе разразиться потоком совершенно разнузданной ругани. Потом снова вытерла лоб и поднялась по мокрым ступенькам к верхней дорожке вдоль западной стены, чтобы наблюдать и ждать. Кто-то дал ей шляпу, чтобы дождь не заливал глаза.

Через некоторое время она решила, что копье сейчас не самое подходящее оружие, и сменила его на лук и полный колчан стрел, которые нашлись в одном из шести укрытий для сторожей, расположенных вдоль стены. В этих укрытиях никого не было. Все солдаты находились в Эстерене или с Родриго.

«Мальчики справятся с неприятностями», – написал он. Весело.

Она представила себе, как именно в этот момент ее муж возвращается домой, выезжает из-за деревьев на широкое, покрытое травой пространство перед стенами. Представила себе, как стреляет в него, когда он подъезжает ближе.

Местность вокруг ранчо Бельмонте была ровной и открытой во всех направлениях, кроме западного и юго-западного, где отец Родриго, а до него дед оставили нетронутыми дубы и кедры. Родриго тоже не тронул деревья, правда, по другой причине.

Этот лес и озеро посреди него считались священными, но юный Фернан Бельмонте узнал от отца много лет назад, когда впервые научился скакать на настоящем коне, что этот лес полезен и для обороны.

– Подумай, – вспомнил он отцовские слова. – Если бы ты захотел напасть на наше ранчо незамеченным, с какой стороны ты бы к нему приближался?

Фернан оглядел простирающиеся во все стороны открытые луга.

– Чтобы подобраться близко, надо пройти через лес, – сказал он. Это был очевидный ответ.

– Значит, мы можем быть почти уверены, что любое нападение произойдет отсюда, потому что в противном случае, если наши дозорные не спят, мы сможем вовремя заметить приближение любого человека, не так ли?

– Или если Диего что-нибудь увидит, – прибавил Фернан. – Даже если они придут через лес.

– Это правда, – коротко подтвердил отец, хотя и без особой радости.

В те давние дни его отец и мать все еще старались примириться с тем, что умеет видеть и делать Диего. У Фернана таких проблем не было, но он, конечно, знал Диего лучше всех.

Прошло несколько лет, и вот они лежат под теплым утренним дождем – он, двое друзей и шесть работников ранчо – в канавах по обеим сторонам от естественного выхода из леса. Сами канавы, конечно, естественными не были. Солдаты Родриго выкопали их на поросшей травой равнине, чтобы создать место, где можно лежать и незаметно наблюдать за всеми, кто появится из рощи.

Фернан разместил еще четверых парней с луками на полпути между строениями ранчо и южными пастбищами, где этим утром находились кобылы с жеребятами. С ними было двое гонцов, чтобы прислать сообщение, если кто-то появится с юга. Последний всадник в одиночестве расположился к востоку от ранчо, на всякий случай.

Диего, только что прискакавший во весь опор, задышавшись, сообщил, что передал распоряжения матери, которая будет находиться на стене вместе с другими женщинами. Она знает, что делать. Они готовы, насколько это в их силах. Фернан поднял воротник и спрятал лицо от дождя под широкими полями шляпы. И стал ждать.

Существовало две возможности. Если кто-то приближается к ранчо Бельмонте с дурными намерениями, их целью может быть само ранчо и люди за стенами, или, что более вероятно, они явились сюда за лошадьми. «Или за тем и за другим», – поправил себя Фернан. Но это означало бы наличие большого числа людей, и в этом случае им действительно могли грозить неприятности. Но он так не думал. И не слишком волновался. Ему было тринадцать лет.

– Я их поймал, – тихо произнес его брат. – Они только что въехали под деревья. Я знаю, кто это.

– Де Рада? – хладнокровно спросил Фернан. – Младший?

Диего кивнул. Они оба прочли последнее письмо отца. Фернан выругался.

– Это значит, мы не можем его убить.

– Не понимаю, почему, – безразличным голосом заметил Диего.

– Кровожадный ребенок, – ухмыльнулся Фернан. Совершенно такая же ухмылка на таком же лице появилась в ответ сквозь тихо падающий дождь. Фернан был на пятнадцать минут старше. Он любил напоминать Диего об этом. Только Диего было трудно дразнить. Его почти ничем нельзя было пронять.

– Человек двадцать, – сказал он. – Они сейчас на лесной тропе.

– Конечно, – ответил Фернан. – Для этого тропа и существует.

Гарсия де Рада где-то потерял шляпу, а во время перехода на север один его сапог лопнул у каблука. Из-за этого он промок с головы до ног, пока ехал сквозь рощу к западу от

ранчо Бельмонте. Заросшая тропа вилась между деревьями; достаточно широкая, чтобы прошли кони.

Несмотря на неудобства, он был в восторге, его охватила пронзительная, неудержимая радость, которая затмила тяготы долгого пути. Его покойный, не оплаканный никем родственник Паразор был свиньей и шутком и слишком часто торопился высказать свое мнение по разным вопросам. Это мнение сплошь и рядом не совпадало с мнением Гарсии. Тем не менее, возвращаясь на север из Аль-Рассана, Гарсия испытывал благодарность к своему погибшему родичу. Смерть Паразора от руки вшивого крестьянского мальчишки-ашарита в деревне возле Фезаны стала тем событием, которое отдаст Миранду Бельмонте д'Альведа в руки Гарсии. И не только в его руки.

Безрассудно приказав крестьянскому мальчишке казнить одного из членов знатной семьи де Рада, вопреки всем кодексам поведения благородных людей в трех джадитских королевствах Эспераньи, Родриго Бельмонте подставил себя и свою семью. Такое оскорбление можно было смыть только кровью.

Король не сможет и не захочет ничего сделать – Гарсия был в этом уверен, – если представители семьи де Рада осуществят справедливую месть за содеянное Родриго. Меру этого справедливого мщения было легко подсчитать: лошади взамен их собственных отобранных лошадей и одна женщина, взятая другим способом, в отместку за казнь одного из де Рада после того, как тот пообещал выкуп. Это было совершенно справедливо. Собственно говоря, в истории Эспераньи случались расплаты и пострашнее.

Гарсия обдумал свои действия еще когда шел, спотыкаясь в темноте, на север после набега на Орвилью. Кровь сочилась из его рассеченной щеки, и он заставлял себя шагать, рисуя в воображении обнаженное тело Миранды Бельмонте, извивающееся под ним, пока ее детей принуждают смотреть на поругание матери. Гарсия живо представлял себе подобные сцены.

Двадцать четыре его солдата уцелели после Орвилли, они были вооружены дюжиной ножей и другим мелким оружием. В конце следующего дня они захватили в другой деревне шесть мулов и еще клячу с кривой спиной у крестьянина, который имел неосторожность поселиться в отдалении от остальных. Гарсия взял себе лошадь, какой бы жалкой она ни была. Он оставил крестьянина-ашарита, его жену и дочь спутникам. Его мысли были уже далеко на севере и на востоке, за границей Вальеда, на землях между истоком реки Дюрик и подножием гор Халоньи.

Там простирались богатые, обширные луга, по которым столетиями носились стада диких коней Эспераньи, пока не пришли первые владельцы ранчо и не начали их укрощать, разводить и приучать к седлу. Среди таких владельцев ранчо самыми горделивыми, хотя и далеко не самыми богатыми, были Бельмонте. Гарсия точно знал, куда он направляется. Он также узнал от своего брата, что войска Капитана этим летом расквартированы в Эсперанье, далеко от ранчо.

Бельмонте мог не слишком опасаться, оставляя свой дом без охраны. Ашариты не совершали набегов на север вот уже двадцать пять лет, со времен последнего недолгого расцвета Халифата. Армия короля Бермудо из Халоньи была отброшена за горы вальедцами три года назад и до сих пор зализывала раны. И никаким разбойникам, сколь бы отчаянными и безрассудными они ни были, не могло прийти в голову вызвать гнев прославленного Капитана Вальеда.

Ранчо абсолютно ничего не угрожало за его деревянным частоколом, пусть даже его охраняли мальчишки, у которых еще не сломался голос, и горстка рабочих, которых сочли слишком старыми или немощными для службы в боевом отряде. С другой стороны, Родриго Бельмонте не следовало приказывать убить родственника де Рады. Ему не следовало бить хлыстом брата министра. Такие вещи меняют положение дел.

Когда Гарсия и его люди наконец добрались до Лобара, первой из крепостей на землях тагры, он потребовал и получил коней и оружие, хотя их дали оскорбительно неохотно. Потевший командир гарнизона нашел какой-то нелепый предлог: дескать, он сам остается без достаточного количества оружия и лошадей для выполнения своих обязанностей и для собственной безопасности, но Гарсия не стал его слушать. Министр Вальедо, беззаботно пообещал он, пришлет мечи и лучших коней, чем те жалкие животные, которых им дали. У него не было настроения спорить с солдатом из пограничной крепости.

– На это может уйти много времени, – упрямо пробормотал командир. – До Эстерена так далеко.

– Действительно может, – холодно ответил Гарсия. – И что с того?

Командир прикусил губу и больше не возражал. Что он мог сказать? Он имел дело с де Радой, братом министра королевства.

Гарнизонный лекарь, уродливый мужлан с хриплым голосом и отвратительным нарывом на шее, осмотрел рану де Рады и тихо присвистнул.

– Хлыст? – спросил он. – Вам повезло, господин мой, или кто-то очень искусный хотел лишь оставить вам отметину. Рана чистая и далеко от глаза. Кто это сделал? – Гарсия лишь злобно посмотрел на него и ничего не ответил. Нет смысла разговаривать с некоторыми людьми.

Этот человек дал ему мазь с гадким запахом, которая жалила, будто оса, но через несколько дней опухоль на лице Гарсии действительно спала. Именно тогда, когда Гарсия в первый раз посмотрел на себя в зеркало, он решил, что достойная месть требует смерти детей Бельмонте. После того как их заставят полюбоваться на его забавы с их матерью.

Сладкое предвкушение возмездия погнало его из крепости в тагру дальше, после одного лишь дня отдыха. Он послал четырех человек на север, в Эстерен, чтобы доложить обо всем брату и подать официальную жалобу королю. Это было важно. Если он хотел получить официальную санкцию на то, что задумал сделать, ему следовало подать жалобу на Родриго. Гарсия собирался обставить все как надо.

Через два дня после того как четыре гонца отделились от основной группы, он вспомнил, что забыл распорядиться, чтобы они послали оружие и коней гарнизону в Лобаре. Он даже подумал, не отправить ли еще двоих людей на север, но вспомнил дерзость командира крепости и решил не суетиться. Он успеет отдать такое распоряжение, когда сам вернется в Эстерен. Этим избалованным солдатам будет полезно на время столкнуться с нехваткой оружия и коней. Возможно, у кого-нибудь из них тоже порвется сапог.

Прошло десять дней. В лесу на землях ранчо Бельмонте шел дождь. Чулок Гарсии промок насквозь из-за трещины в сапоге, так же как его волосы и колючая щетина на подбородке. Он начал отращивать бороду после Орвильи. Он уже успел понять, что вынужден будет носить ее всю оставшуюся жизнь, если не хочет выглядеть заклеянным вором. Бельмонте намеренно сделал это, Гарсия был в этом уверен.

Насколько он помнил, Миранда Бельмонте была очень красива; все женщины д'Альведа красивы. Родриго, этот пошлый наемник, женился гораздо удачнее, чем заслуживал. Гарсия собирался поступить с ним именно так, как он заслужил.

Предвкушение заставило сердце Гарсии забиться быстрее. Теперь уже скоро. Это ранчо охраняют мальчишки и конюхи. Родриго Бельмонте – всего лишь выскочка-солдат, которого поставили на должное место после восшествия на престол короля Рамиро. Он уже потерял пост министра, уступив его брату Гарсии. Это только начало. Теперь он узнает цену вражды с де Рада. Он узнает, что бывает, когда оставляешь клеймо на лице Гарсии де Рады, словно это обычный разбойник. Гарсия потрогал щеку. Он продолжал наносить мазь, как ему было велено. Пахла она ужасно, но опухоль спала, и рана была чистой.

Во всем лесу деревья росли очень близко друг к другу, но до странности ровная тропа легко петляла между ними и местами была настолько широкой, что три всадника могли ехать в ряд. Они миновали озерцо справа. День был серым, дождь мягко сыпал сквозь листья, капли создавали рябь на спокойной поверхности воды. Неизвестно почему говорили, что это священное место. Некоторые из его людей, проезжая мимо, сделали священный знак солнечного диска.

Когда первый конь упал и остался лежать на земле со сломанной ногой, страшно крича, это выглядело несчастным случаем. После еще двух подобных инцидентов, во время одного из которых всадник вывихнул плечо, они уже не были так в этом уверены.

Тропа поворачивала к северу, сквозь промокшие, капающие деревья, а потом, еще дальше, снова сворачивала на восток. Гарсия показалось, что в бледно-серой дали виднеется опушка леса.

Он почувствовал, что падает, не покидая седла.

Он успел метнуть изумленный взгляд вверх и увидеть животы двух лошадей, секунду назад шагавших по обе стороны от него. Потом его конь рухнул на дно ямы, скрытой в центре тропы, и Гарсия де Рада заметался, пытаясь увернуться от бьющих копыт изувеченного, перепуганного животного. Один из солдат, быстрее других соображавший, упал на землю, перегнулся через край ямы и протянул руку. Гарсия схватился за нее и вылез на тропу.

Они несколько мгновений смотрели вниз на бьющего копытами коня, потом лучник выпустил две стрелы, и копыта замерли.

– Это не естественная тропа, – сказал лучник через секунду.

– Какой ты умный, – ответил Гарсия. Он прошел мимо солдата, увязая сапогами в грязи.

Еще две лошади стали жертвами проволоки-ловушки, а один сброшенный ими всадник раскроил себе череп. Третий жеребец провалился в яму, прежде чем солдаты достигли восточного конца леса. Тем не менее они его достигли, а во время рейдов такого сорта следует ожидать некоторого количества жертв.

Перед ними лежал открытый луг. Посередине они видели деревянную стену, которая окружала постройки ранчо. Она была высокой, но недостаточно высокой, как заметил Гарсия. Хороший наездник, стоя на спине коня, мог перепрыгнуть через нее. То же мог сделать и пеший солдат, если его подсадит второй. Только подходящий гарнизон мог бы оборонять ранчо от атаки умелых людей. Когда они остановились на опушке, дождь прекратился. Гарсия улыбнулся, наслаждаясь этим мгновением.

– Как насчет того, чтобы принять это за знамение божье? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

Он в упор посмотрел на всадника, стоявшего рядом с ним. Через несколько секунд тот понял его взгляд и спешил. Гарсия вскочил на коня.

– Скачем прямо к ранчо, – приказал он. – Кто первым преодолет стену, получит право выбирать женщин, а уж потом заберем их лошадей. Они должны нам нечто большее, чем конина.

А затем, подобно своим грозным героическим предкам, Гарсия де Рада выхватил взятый займы меч, высоко поднял его над головой, пришпорил коня из Лобара и пустил его в галоп. За его спиной раздался боевой клич, и его люди вырвались из леса в серый послеполуденный сумрак.

Шестеро умерли от первого залпа стрел, а четверо от второго. До самого Гарсии стрелы не долетели, но к тому времени, когда он проскакал полпути до стены ранчо, с ним осталось лишь пять всадников, и пятеро пеших отчаянно бежали по мокрому открытому лугу.

Такое отрезвляющее развитие событий заставило его задуматься, стоит ли так безрассудно мчаться галопом по направлению к стенам ранчо, далеко обогнав остальных. Гарсия придержал коня, а затем, увидев, как в грудь одного из бегущих людей вонзилась стрела, натя-

нул поводья и остановился, слишком ошеломленный, чтобы вслух выразить ярость, бушующую в его душе.

Теперь справа от него появились шесть всадников. Они скакали быстро. Он снова оглянулся и увидел, как еще несколько человек поднялись, словно призраки, из двух углублений, которых он не заметил на плоской равнине. Эти люди, вооруженные луками и мечами, не спеша зашагали к нему. На стене ранчо он увидел еще около дюжины людей, также вооруженных.

Самое время было вложить меч в ножны. Четверо оставшихся в живых всадников поспешно проделали то же самое. Уцелевшие пешие подбежали, спотыкаясь; один держался за раненое плечо.

Лучники из окопов окружили их, и тут подъехали шестеро всадников. Гарсия с отвращением понял, что почти все они просто мальчишки. Это вызвало у него проблеск надежды.

– Слезай с коня, – приказал хорошо сложенный темноволосый мальчик.

– Только после того как ты мне ответишь, почему вы только что убили гостей без всякого повода, – постарался выиграть время Гарсия. В его голосе звучал суровый укор. – Что это за манеры?

Мальчик, к которому он обращался, замигал, словно от удивления. Потом коротко кивнул. Три лучника убили коня под Гарсией. Выдернув ноги из стремян, де Рада спрыгнул как раз вовремя, чтобы не быть придавленным падающим животным. Он упал на одно колено в мокрую траву.

– Мне не нравится, когда приходится убивать лошадей, – хладнокровно произнес мальчик. – Но я не припомню, когда в последний раз гости приезжали к нам без предупреждения, скача во весь опор с обнаженными мечами. – Он помолчал, потом скупно улыбнулся. Улыбка была странно знакомой. – Что это за манеры?

Гарсия де Рада ничего не мог придумать в ответ. Он оглянулся. Над ними одержали верх дети и конюхи, причем без всякого боя.

Мальчик, который явно был вожак, взглянул на всадников Гарсии. С неподобающей поспешностью они побросали свое оружие и спрыгнули с коней.

– Пошли, – сказал второй мальчик.

Гарсия взглянул на него, потом быстро перевел взгляд на первого. Такое же лицо, в точности. И теперь он понял, где видел эту улыбку раньше.

– Вы сыновья Бельмонте? – спросил он, пытаясь справиться с голосом.

– Я бы на твоём месте не задавал вопросов, – сказал второй мальчик. – Я бы потратил время на подготовку ответов. Моя мать захочет поговорить с тобой.

Конечно, это и был ответ на его вопрос, но Гарсия решил, что неразумно указывать им на это. Кто-то мечом показал путь вперед, и Гарсия зашагал к ранчо. Подойдя ближе, он понял, что люди на стене, держащие луки и копыя, были женщинами. Одна из них, одетая в мужской камзол и штаны, с грязными пятнами на щеках и на лбу, прошла по стене и остановилась над ними, глядя вниз. Под ее кожаной шляпой скрывались длинные каштановые волосы. Она держала натянутый лук со стрелой.

– Фернан, скажи мне, пожалуйста, кто этот жалкий тип. – Ее голос резко прозвучал в серой тишине.

– Да, мама. Я полагаю, что это сэр Гарсия де Рада. Брат министра. – Это произнес первый мальчик, вожак.

– Неужели? – холодно переспросила женщина. – Если он действительно человек знатный, я соглашусь с ним поговорить. – И она посмотрела прямо на Гарсию.

Это была та женщина, которую он представлял себе обнаженной, расprostертой на земле под ним, с тех самых пор как его отряд покинул Орвилью. Он стоял в мокрой траве, смотрел на нее снизу вверх, и вода просачивалась в его порванный сапог. Он сглотнул. Женщина дей-

ствительно была очень красива, даже в мужской одежде, испачканной грязью. Но сейчас это волновало его меньше всего.

– Сэр Гарсия, объясните свое поведение, – приказала она ему. – В нескольких словах и как можно точнее.

Ее самомнение раздражало, язвило, как свежая рана. Гарсия де Рада, однако, всегда быстро соображал, и еще он не был трусом. Ситуация сложилась плохая, но не хуже, чем в Орвилье, и теперь он находится в Вальеде, среди цивилизованных людей.

– Я обижен на вашего мужа, – ровным голосом ответил он. – В Аль-Рассане он отнял коней, принадлежащих моим людям и мне. Мы приехали, чтобы поквитаться.

– Что вы делали в Аль-Рассане? – спросила она. Этого он не ожидал.

Он прочистил горло.

– Совершал набег. На неверных.

– Если вы встретили Родриго, значит, вы были возле Фезаны.

Откуда женщине знать подобные вещи?

– Где-то неподалеку, – согласился Гарсия. Он несколько забеспокоился.

– В таком случае Родриго действовал в качестве королевского офицера, отвечающего за безопасность этой территории в обмен на уплату дани. На каком основании вы собирались украсть наших лошадей?

На мгновение Гарсия потерял дар речи.

– Далее, если вас взяли в плен и отпустили пешими, значит, вы пообещали ему выкуп, который будет определен герольдами при дворе. Не так ли?

Он бы с удовольствием отрицал это, но смог лишь кивнуть.

– Значит, вы нарушили данную вами клятву, явившись сюда? – Голос женщины звучал ровно, взгляд был безжалостен.

Это становилось смешным. Гарсия потерял терпение.

– Твой муж приказал убить моего родственника уже после того, как мы сдались и пообещали выкуп!

– Вот как. Значит, дело не только в конях и оружии. – Женщина на стене мрачно усмехнулась. – Разве это не право короля – решать, превысил ли его офицер свои полномочия, сэр Гарсия? – Ее официальный тон в этих обстоятельствах звучал как насмешка. С ним никогда в жизни так не разговаривала ни одна женщина.

– Человек, который убил одного из де Рада, должен за это ответить, – проговорил он самым ледяным тоном, злобно глядя на нее снизу вверх.

– Понимаю, – невозмутимо произнесла женщина. – Значит, вы явились сюда, чтобы заставить его за это ответить. Каким образом?

Он заколебался.

– Лошади, – наконец ответил он.

– Только лошади? – И внезапно он понял, куда ведет этот допрос. – Тогда почему вы ехали к этим стенам, сэр Гарсия? Лошади пасутся к югу от нас, их легко увидеть.

– Мне надоело отвечать на вопросы, – сказал Гарсия де Рада со всем достоинством, на которое был способен. – Я уже сдался и мои люди тоже. Я согласен, чтобы королевские герольды в Эстерене определили справедливую сумму выкупа.

– Вы уже договорились об этом в Аль-Рассане с Родриго, и все же вы здесь, с обнаженными мечами и дурными намерениями. К сожалению, я не могу поверить вашему слову. И, надоело вам или нет, вы ответите на мой вопрос. Зачем вы направлялись к этим стенам, молодой человек?

Это было намеренное оскорбление. Униженный, кипящий от ярости, Гарсия де Рада посмотрел снизу вверх на женщину на стене и ответил:

– Твой муж должен узнать, что за некоторые поступки надо платить определенную цену.

Среди мальчиков и работников ранчо раздался ропот. Потом воцарилось молчание. Женщина лишь кивнула, словно именно это она и ожидала услышать.

– И получить эту плату должны были вы? – спокойно спросила она.

Гарсия ничего не ответил.

– Могу ли я высказать дальнейшее предположение? Эту цену должны были заплатить я и мои сыновья?

У стены воцарилась тишина. Над их головами облака начали рассеиваться, поднялся ветер.

– Его необходимо было проучить, – мрачно сказал Гарсия де Рада.

И тогда она пустила в него стрелу. Плавно подняла мужской лук, одним движением, очень грациозно натянула и отпустила тетиву. Стрела вонзилась ему в горло.

– Его необходимо было проучить, – задумчиво произнесла Миранда Бельмонте д'Альведа, глядя вниз со стены на убитого ею человека.

– Остальные могут уйти, – прибавила она через несколько мгновений. – Шагайте. Вам не причинят вреда. Можете доложить в Эстерене, что я казнила клятвopреступника и обыкновенного разбойника, который угрожал женщине Вальеде и ее детям. Я отвечу непосредственно перед королем, если он пожелает. Скажите это в Эстерене. Диего, Фернан, соберите их коней и оружие. Некоторые кони на вид вполне сносны.

– Я не думаю, что отец пожелал бы, чтобы ты убила этого человека, – неуверенно рискнул высказаться Фернан.

– Молчи. Когда мне понадобится мнение моих детей, я его спрошу, – ледяным тоном ответила мать. – А твой отец пусть считает, что ему повезло, если я не выпущу такую же стрелу в него, когда он рискнет вернуться. Теперь делайте то, что я вам сказала.

– Да, мама, – в один голос ответили двое ее сыновей. Когда мальчики и работники ранчо поспешили выполнить ее указания, а уцелевшие спутники Гарсии де Рады, спотыкаясь, зашагали на запад, послеполуденное солнце прорвалось сквозь облака, и зеленая трава, мокрая от дождя, засверкала под его лучами.

Глава VI

Эстерен попал в катастрофическое положение из-за каменотесов, плотников, каменщиков и чернорабочих. Улицы стали почти непроходимыми, а для лошадей особенно. По дворцу и площади перед ним разносилось эхо стука молотков, визга пил и резцов, громких проклятий и раздраженных окриков. Сложные, опасные на вид приспособления раскачивались над головами или перемещались взад и вперед. Говорили, что уже пять рабочих погибли этим летом. И даже не слишком наблюдательные люди заметили, что по крайней мере половина распорядителей работ – это ашариты, за большие деньги выписанные на север из Аль-Рассана для этого предприятия.

Король Рамиро расширял свою столицу и свой дворец.

Было время, и, по правде сказать, не очень давно, когда недолговечные короли Эспераньи – единой страны или раздробленной, как сейчас, – правили, что называется, из седла. Города были всего лишь поселками; дворцы можно было назвать дворцами только в насмешку. Кони, мулы и тяжелые телеги на лучше всего сохранившихся древних дорогах служили неотъемлемыми атрибутами монархии, так как королевский двор перемещался из города в город, из замка в замок круглый год. Во-первых, королям постоянно приходилось гасить вспышки мятежей или поспешно отражать хищнические набеги Аль-Рассана. Во-вторых, скудные ресурсы нищих королевств джадитов в славные годы Халифата Силвенеса не позволяли монархам прокормить себя и свою свиту в столицах, и им приходилось возлагать бремя своего присутствия на разные города.

За двадцать лет многое изменилось. Было очевидно, что многое продолжает меняться здесь, в Вальедо, самом богатом и плодородном из трех королевств, выкроенных из Эспераньи Санчо Толстым для своих сыновей. Нынешняя строительная лихорадка в королевском городе была лишь частью перемен, питаемых получаемой данью и, что не менее важно, отсутствием набегов с юга. Казалось, король Рамиро пытается внедрить совершенно новый взгляд на монархию. Прежде всего в этот последний год он дал понять, что ожидает от всех крупных вельмож и священнослужителей появления в Эстерене дважды в год на ассизах – судебных разбирательствах, где должны определяться политика и приниматься законы. По мере роста городских стен стало ясно, что Эстерен будет не просто наиболее часто используемой резиденцией королевского двора.

И эти ассизы – иностранное слово, очевидно, валесское – всех страшно раздражали. Без постоянной армии Рамиро вряд ли смог бы заставить вельмож из поместий являться на них. Но армия существовала, хорошо оплаченная и хорошо обученная, и в это лето почти все важные фигуры Вальедо предпочли проявить благоразумие и прибыть в Эстерен.

Помимо всего прочего, людей могло подвигнуть на путешествие любопытство. В той же мере, как обещание вина и еды при дворе и продажных женщин в становящемся все более цивилизованным Эстерене. Приходилось платить за это свою цену – терпеть шум, пыль и символическую публичную покорность воле Рамиро. Учитывая бурное и, как правило, краткое правление королей Эспераньи, имелись основания полагать, что амбиции самого непростого из сыновей Санчо не будут слишком долго тревожить этот мир.

В то же время все соглашались, что он устраивает очень неплохие развлечения. В этот день Рамиро и его двор, а также приехавшие из сельской местности вельможи охотились в королевском лесу к юго-западу от Эстерена, неподалеку от Варгасских гор. Завтра они все должны были присутствовать на ассизах в суде Рамиро. А сегодня скакали по летним полям и лесам, убивая ради развлечения оленей и кабанов.

Можно утверждать, что знать Эспераньи ни от чего, за исключением настоящей войны, не получала такого удовольствия, как от доброй охоты в погожий денек. Нельзя также не заметить,

что король, несмотря на все его новомодные, вызывающие беспокойство идеи, был одним из лучших наездников в этой блестящей компании.

«В конце концов, он сын Санчо, – шептали друг другу люди, стоя под утренним солнцем. – Это очевидно, не так ли?»

Когда король Рамиро спрыгнул с коня и первым вонзил копьё в самого крупного за сегодня кабана, едва тот выскочил из кустов, куда его загнали, даже самые независимо настроенные и недовольные сельские вельможи одобрительно застучали мечами и копьями.

Покончив с вепрем, король Вальедо поднял взгляд и оглядел всех собравшихся. И улыбнулся, забрызганный кровью.

– Раз уж мы все здесь собрались, – сказал он, – есть одно небольшое дело, которое мы можем рассмотреть сейчас, а не завтра в суде.

Его придворные и сельские лорды замолчали, искоса поглядывая друг на друга. Как это похоже на Рамиро – идти вот таким окольным путем. Он даже не может оставить охоту просто охотой. Оглядываясь вокруг, некоторые с опозданием поняли, что эта поляна тщательно выбрана, что это не первое попавшееся место, где настигли дикого зверя. Здесь могли разместиться все, и даже имелось упавшее дерево, к которому теперь шагал король, снимая испачканные кровью кожаные перчатки. Он небрежно присел на него, будто это был трон. Загонщики начали оттаскивать кабана в сторону, оставляя размазанный кровавый след на примятой траве.

– Прошу подойти ко мне графа Гонзалеса де Раду и сэра Родриго Бельмонте. – Произнося эти слова, король Рамиро прибег к официальному языку верховного суда, а не к языку охоты в поле, и этим изменил настроение и атмосферу утра.

Оба названных спешили. Никто из них ни малейшей перемены в лице не выдал, предвидел ли он подобное развитие событий или для него оно стало такой же неожиданностью, как для остальных.

– У нас есть все необходимые свидетели, – тихим голосом продолжал король, – и мне очень неприятно подвергать таких людей, как вы, судебному разбирательству во дворце. Мне показалось удобным разобраться с этим делом здесь. Есть возражения? Если да, я готов их выслушать.

Пока он говорил, два судебных чиновника подошли к стволу дерева, на котором сидел король. Они принесли сумки, достали из них пергаменты и свитки и разложили их возле Рамиро.

– Никаких возражений, мой повелитель, – сказал граф Гонзалес де Рада. Его плавный, красивый голос заполнил поляну. По ней двигались слуги, разливая вино из фляг в кубки, сделанные, по-видимому, из настоящего серебра. Охотники снова переглянулись. Что бы там о нем ни говорили, Рамиро проявлял щедрость, подобающую венценосному хозяину. Некоторые спешили и отдали поводья грумам. Другие предпочли остаться в седле и пить свое вино прямо на конях.

– Я не могу не согласиться с предложением короля, после того как столько королевских слуг провели такую огромную подготовку, – сказал Родриго Бельмонте. В его голосе звучала насмешка, но это случалось часто, поэтому ничего не значило.

– Обвинения весьма тяжкие, – сказал король Вальедо, не обращая внимания на тон Родриго.

Теперь на лице Рамиро, высокого, широкоплечего, преждевременно поседевшего, появилось выражение, подобающее монарху перед лицом смертельной вражды между двумя самыми значительными людьми его королевства. Веселое, бесшабашное настроение утра исчезло. Собравшаяся аристократия, постепенно примирившаяся с происходящим, была заинтригована. Такой, возможно грозящий кому-то гибелью конфликт был лучшим в мире развлечением.

На открытом пространстве перед поваленным деревом, где сидел король, стояли рядом Бельмонте и де Рада. Бывший министр королевства и его преемник после воцарения Рамиро. Оба они держались на почтительном расстоянии друг от друга. Никто из них не снизошел до того, чтобы взглянуть на противника. Учитывая то, что было известно о событиях в начале этого лета, вероятность кровопролития была велика, какие бы усилия ни приложил король, чтобы его избежать.

Большинство присутствующих, особенно те, кто явился из сельской местности, надеялись, что королю Рамиро не удастся его попытка уладить все мирным путем. Вот если решить спор поединком, тогда это собрание запомнится надолго. «Возможно, – с надеждой думали некоторые, – именно поэтому разбирательство и устроено вне городских стен».

– Едва ли нужно говорить, что сэр Родриго отвечает по закону за действия своих жены и детей, поскольку они не имеют правового статуса и правоспособности, – торжественно произнес король. – В то же время из клятвенного заявления сэра Родриго ясно, что министр был официально предупрежден здесь, в Эстерене, о том, что его брату не будет позволено наносить ущерб тем землям, которые платят нам дань. Делая это предупреждение, – прибавил король, – сэр Родриго поступил правильно, как подобает нашему офицеру.

Большинство владельцев ранчо и баронов, собравшихся на лесной поляне, сочли эту речь чересчур законнической на свой вкус. «Почему бы, – думали они, – Рамиро просто не дать им сразиться здесь, под солнцем Джада, на открытом месте, как подобает мужчинам, вместо того чтобы произносить эти пыльные, сухие словеса?»

Но такая приятная возможность становилась с каждой минутой все менее вероятной. На это указывали самодовольные лица троих облаченных в желтые одежды священнослужителей, которые подошли и встали за спиной короля. Говорили, что Рамиро не поддерживает тесных отношений со служителями Джада, однако эти трое выглядели вполне удовлетворенными.

«Вот что бывает, – подумали многие вельможи Вальедо, – когда король становится слишком самоуверенным, когда он начинает что-то менять. Даже этот новый тронный зал во дворце, где колонны из мрамора с прожилками: разве он не похож больше на зал развратного двора в Аль-Рассане, чем на зал воина-джадита? Что происходит в Вальедо? Вопрос становится все более острым...»

– Рассмотрев показания обеих сторон и представленные письменные свидетельства, в том числе показания ашаритского торговца шелком Хусари ибн Мусы из Фезаны, мы вынесли следующее решение.

Выражение лица короля соответствовало его суровым словам. Ясно было, что, если Бельмонте и де Рада продолжат свою кровную вражду, Вальедо, скорее всего, будет расколот на сторонников одного и другого, и перемены, задуманные Рамиро, провалятся с треском.

– Мы решили, что Гарсия де Рада – да упокоится его душа в свете Джада – нарушил и наши законы, и свои обязательства, предприняв нападение на деревню Орвилья неподалеку от Фезаны. Сэр Родриго поступил совершенно правильно, помешав этому нападению. Это был его долг, учитывая то, что нам платят дань за охрану этих земель. Мы также считаем, что приказ казнить Паразора де Раду был разумной, хоть и печальной необходимостью, поскольку возникла потребность продемонстрировать нашу власть и справедливость в Фезане. Все это не вменяется в вину сэру Родриго и не заслуживает порицания.

Граф Гонзалес беспокойно шевельнулся, но снова замер под пристальным взглядом короля. Солнечные лучи лились на поляну сквозь деревья, покрывая ее полосами света и тени.

– В то же время, – продолжал король Рамиро, – сэр Родриго не имел права наносить рану Гарсии де Раде после того, как принял его капитуляцию. Такой поступок не подобает облеченному властью человеку. – Король заколебался и слегка поерзал на стволе дерева. Родриго Бельмонте смотрел прямо на него, в ожидании. Рамиро встретился с ним взглядом. – Далее, – произнес он голосом тихим, но очень четким, – то публичное обвинение, которое он, как мне

доложили, выдвинул относительно смерти моего незабвенного брата, короля Раймундо, является наветом, недостойным дворянина и офицера короля.

При этих словах многие на лесной поляне затаили дыхание. Этот опасный вопрос касался самого факта пребывания Рамиро на троне. Слишком внезапная смерть его брата так и не получила удовлетворительного объяснения.

Сэр Родриго после этого высказывания не шевельнулся и не произнес ни слова. В косых солнечных лучах выражение его лица оставалось непроницаемым, только сосредоточенная морщинка прорезала лоб. Рамиро взял со ствола рядом с собой лист пергамента.

– Теперь остается рассмотреть нападение на женщин и детей на ранчо Бельмонте, а потом убийство человека, который уже вложил меч в ножны. – Король Рамиро несколько мгновений смотрел на пергамент, потом снова поднял взгляд. – Гарсия де Рада официально сдался в Орвилье и согласился с условиями выкупа, который предстояло назначить. После этой клятвы он обязан был вернуться прямо в Эстерен и ждать решения королевских герольдов. Вместо этого он безрассудно обобрал наших защитников на землях тагры, чтобы лично атаковать ранчо Бельмонте. За это, – произнес король Вальедо, теперь медленно и тщательно выговаривая слова, – я бы приказал публично казнить его.

Между деревьев пронесся быстро нарастающий ропот протеста. Это было нечто новое, поразительная демонстрация королевской власти.

Рамиро невозмутимо продолжал:

– Донна Миранда Бельмонте д'Альведа – хрупкая женщина, оставшаяся без мужской охраны, во время нападения вооруженных солдат опасалась за жизнь своих малолетних детей. – Король поднял со ствола дерева еще один документ и взглянул на него. – Мы принимаем на веру показания священника Иберо, который свидетельствует, что сэр Гарсия особо подчеркнул в разговоре с донной Мирандой свое намерение обрушить месть на нее саму и на ее сыновей, а не только увести лошадей с ранчо Бельмонте.

– Этот человек – слуга Бельмонте! – резко произнес министр. Его красивый голос повиновался ему чуть хуже, чем прежде.

Король посмотрел на него, и присутствующие, заметившие этот взгляд, внезапно вспомнили, что Рамиро действительно воин, когда он того пожелает. Мужчины задумчиво поднесли к губам бокалы и выпили.

– Вам не давали слова, граф Гонзалес. Мы хотим подчеркнуть, что ни один из уцелевших людей вашего брата не опроверг этих показаний. Собственно говоря, они их подтвердили. Мы также отмечаем, что, по всем показаниям, нападение было совершено на само ранчо, а не на пастбище, где находились лошади. Мы в состоянии сделать выводы, особенно если они подкреплены клятвой слуги господина. Учитывая то, что ваш брат уже нарушил свое слово, напад на ранчо, мы считаем, что донна Миранда, испуганная, беззащитная женщина, не заслуживает порицания за то, что убила его и защитила детей и собственность своего супруга.

– Этим вы опозорите нас, – горько ответил министр.

Когда Рамиро Вальедский гневался, его лицо бледнело. И сейчас это произошло. Он встал. Он был выше почти всех мужчин на поляне. Лежавшие рядом с ним бумаги разлетелись, и один из священников поспешно стал их собирать.

– Это твой брат опозорил тебя, – ледяным голосом произнес король, – отказавшись повиноваться твоим собственным приказам, как и нашим. Мы всего лишь исходим из его поступков. Послушай, Гонзалес. – Никакого титула, осознали слушатели, и бокалы с вином снова опустились по всей поляне. – Кровной мести не будет. Мы запрещаем. В присутствии знатных граждан Вальедо мы выносим следующий вердикт: граф Гонзалес де Рада, наш министр, собственной жизнью отвечает за жизнь и безопасность семьи сэра Родриго Бельмонте в течение ближайших двух лет. Если за это время любого из них постигнет смерть или им будет причинен серьезный ущерб, все равно кем, ты будешь казнен.

Снова поднялся ропот и на этот раз не стих. Ничего подобного здесь раньше не слышали.
– Почему в течение двух лет?

Это заговорил Родриго. Капитан подал голос впервые с начала разбирательства. Лучи солнца падали уже под другим углом, и его лицо находилось в тени. После этого вопроса воцарилось молчание, а взгляд короля обратился к Бельмонте.

– Потому что ты не сможешь их защищать, – ровным голосом ответил Рамиро, все еще стоя. – Офицеры короля несут ответственность как за свое оружие, так и за свои слова. Ты дважды подвел нас. То, что ты сделал с сэром Гарсией, и то, что ты ему сказал, стало непосредственной причиной его гибели и привело к тяжелым последствиям для королевства. Родриго Бельмонте, ты приговариваешься к высылке из Вальеда сроком на два года. В конце этого срока ты можешь предстать перед нами, и мы примем дальнейшее решение.

– Я полагаю, он уедет один? – Это быстро среагировал граф Гонзалес. – Без своего отряда?

Все слушатели понимали, как это важно. Отряд Родриго Бельмонте насчитывал сто пятьдесят лучших бойцов на полуострове.

Родриго громко рассмеялся, и звук его смеха шокировал всех. На поляне повисло напряженное молчание.

– Попробуйте не позволить им следовать за мной, – сказал он.

Король Рамиро качал головой.

– Я этого не сделаю. Твои люди принадлежат тебе, и они ни в чем не виноваты. Они могут уехать или остаться, как пожелают. Я только попрошу тебя об одном одолжении, Родриго.

– Отправляя меня в ссылку? – Вопрос прозвучал резко. Лицо Родриго по-прежнему оставалось в тени.

– Даже так. – Интересно, как спокоен был король. Несколько человек одновременно пришли к одному и тому же выводу: Рамиро предвидел почти каждый поворот этого разговора. – Не думаю, что ты сможешь всерьез оспорить наше решение, сэр Родриго. Забирай свой отряд, если хочешь. Мы только просим, чтобы твои воины не участвовали в военных действиях против нас.

Снова повисло молчание, каждый старался взвесить последствия. Все видели, что Родриго Бельмонте уставился вниз, на лесную подстилку, задумчиво нахмутив лоб. Король смотрел на него и ждал.

Когда Родриго поднял глаза, его лицо прояснилось. Он поднял правую руку над головой и сложил пальцы в солнечный круг – знак бога.

– Клянусь святым Джадом, – официально произнес он, – что никогда не поведу свой отряд воевать на земле Вальеда.

Это было почти то, о чем просил король. Почти, но не совсем, и Рамиро это знал.

– А если ты встретишь армию Вальеда за пределами наших границ? – спросил он.

– Я не могу дать такую клятву, – тихо ответил Родриго. – Это было бы нечестно. Ведь я буду вынужден поступить на службу к кому-то другому, чтобы прокормить себя и своих людей. Мой государь, – прибавил он, глядя королю прямо в глаза, – я уезжаю не по собственному выбору.

Последовало долгое молчание.

– Не поступай на службу к Картаде, – наконец произнес король очень тихо.

Родриго стоял неподвижно, явно размышляя.

– В самом деле, мой повелитель? Вы начнете так скоро? В течение двух лет? – загадочно спросил он.

– Может быть, – не менее туманно ответил Рамиро.

Окружающие старались осмыслить происходящее, но эти двое, казалось, вели свою беседу. Родриго медленно кивнул.

– Наверное, мне будет жаль оказаться в другом месте, если это случится. – Он помолчал. – Я не стану служить Альмалику Картадскому. Мне не нравится то, что он устроил в Фезане. Я не буду служить ему ни там, ни в другом месте.

Фезана.

При упоминании этого города несколько человек закивали головами, глядя на своего высокого, гордого короля. Они начали улавливать смысл того, о чем шла речь, словно лучи солнечного света упали на поляну. В конце концов Рамиро не был священником или законником, и в будущем их могло ждать кое-что поинтересней охоты.

– Я принимаю твою клятву, – спокойно произнес король Вальедо. – Мы никогда не подозревали тебя в недостатке чести, сэр Родриго. И не видим оснований сомневаться сейчас.

– Что ж, за это я вам благодарен, – ответил Капитан. Невозможно было определить, звучала ли в его голосе издевка. Он шагнул вперед и теперь стоял на свету. – У меня тоже есть просьба.

– Какая?

– Я хочу, чтобы граф Гонзалес поклялся перед богом охранять мою семью и владения, как свои собственные, пока я буду в отъезде. Этого мне достаточно. Я не требую, чтобы он отвечал своей жизнью. Мир – опасное место, а грядущие времена могут сделать его еще более опасным. Если с одним из Бельмонте случится беда, Вальедо не может позволить себе потерять еще и министра. Я удовлетворюсь данной им клятвой, если король не возражает.

Он смотрел на министра, произнося эти слова. Видно было, что де Раду они застали врасплох.

– Почему? – тихо спросил он; очень личный вопрос при большом скоплении людей. В первый раз они стояли лицом к лицу.

– Кажется, я только что объяснил, – ответил Родриго. – Это не так сложно. У Вальедо враги со всех сторон. Если на кон будет поставлена твоя жизнь, кто-нибудь может нанести удар по королевству через мою семью. Я бы не хотел, чтобы король приговорил тебя к смерти в этом случае. Думаю, это сделало бы их положение более, а не менее рискованным. Чтобы доверять твоему слову, де Рада, мне необязательно тебя любить.

– Несмотря на моего брата?

Капитан пожал плечами.

– Его теперь судит Джад.

Это не было ответом, но это был ответ. После непродолжительного молчания, во время которого хорошо было слышно пение птиц на деревьях, министр поднял правую руку, повторяя жест Родриго.

– Перед Джадом и перед моим повелителем, королем Вальедо, и перед всеми собравшимися здесь даю клятву, что буду относиться к семье Родриго Бельмонте, как к своей собственной, отныне и до его возвращения из ссылки. Клянусь своей честью и честью моих предков. – Его звучный голос заполнил лесную поляну.

Оба снова повернулись к королю. Он стоял, выпрямившись во весь рост, и без улыбки смотрел на них.

– Я не привык, чтобы мои указы отменялись спорящими сторонами, – пробормотал он.

– Только вы можете это сделать, – ответил Родриго. – Мы просто предлагаем вариант, и во власти короля принять или отвергнуть его.

И теперь все увидели, как Рамиро улыбнулся человеку, которого только что отправил в ссылку.

– Да будет так, – сказал он. – Мы принимаем ваши клятвы.

Оба поклонились. Родриго выпрямился и произнес:

– Тогда, с вашего позволения, мой государь, я начну немедленно готовиться к отъезду, как бы мне ни хотелось продолжить с вами охоту.

– Одну минуту, – возразил король. – Куда ты все же отправишься? – В его голосе впервые промелькнула тень сомнения.

Улыбка Родриго Бельмонте, озаренная солнечным светом, была широкой и без сомнения искренней.

– Не имею ни малейшего представления, – ответил он. – Хотя по пути туда, куда я поеду, мне сперва придется захватить домой и поговорить с хрупкой и испуганной женщиной. – Его улыбка померкла. – Вы все можете молиться за меня, – сказал Капитан из Вальедео.

С этими словами он повернулся, взял у конюха поводья своего коня, вскочил в седло и уехал в одиночестве с поляны по той же лесной дороге, по которой они недавно прискакали.

Инес, королева Вальедео, сжимала в руке изрядно потертый солнечный диск и, благочестиво закрыв глаза, слушала, как ее любимый священник читает вслух из Книги сыновей Джада – то был отрывок о конце света, – когда явился посыльный от ее мужа и доложил, что король сейчас ее навестит.

Извиняющимся тоном она велела своему религиозному наставнику прервать чтение. Тот уже привык к подобным вещам. Он сделал отметку и отложил книгу в сторону. Вздохнул, бросил укоризненный взгляд на королеву и с поклоном удалился из комнаты через внутреннюю дверь. Все знали, что король Рамиро не слишком одобряет религиозное рвение, и все усилия королевы в течение многих лет не смогли изменить этого неприятного обстоятельства.

Все дело в том, давно уже решила Инес, что он слишком долго прожил среди неверных. Каждый из троих строптивых, честолюбивых сыновей короля Санчо провел некоторое время в ссылке среди ашаритов, но только Рамиро вернулся обратно, приобщившись к обычаям Аль-Рассана и проявляя подозрительную мягкость в вопросах веры. По иронии судьбы – а может быть, и нет, – отец устроил ему брак с благочестивой юной дочерью короля Ферьереса, чьи владения находились за горами, на востоке.

Инес, которая с детства мечтала попасть в число дочерей Джада в одном из крупных монастырей, согласилась на этот брак лишь по совету своих духовных наставников, в том числе верховных священников Ферьереса. Они сказали ей, что это замечательная возможность послужить одновременно богу и своей стране. Молодой человек, за которого она выйдет замуж, весьма вероятно, когда-нибудь станет правителем по крайней мере части Эспераньи, и Инес может использовать свое положение для укрепления веры в этой беспокойной стране.

Священники оказались пророками, и Рамиро был назначен правителем высокогорной Халоньи по завещанию отца о разделе страны на три части. А потом приобрел еще большую власть: после загадочной смерти брата Раймундо ее муж быстро двинулся на запад и предъявил права на престол Вальедео. Он не смог удержать оба королевства – во всяком случае пока, – так как его дядя Бермудо быстро поднял мятеж в Халонье и захватил трон, но Вальедео, как всем известно, был гораздо более крупным призом.

Только священники не сказали ей, поскольку и сами не знали, что молодой человек, за которого она выходит замуж, отличается острым умом, честолюбием, большой изобретательностью в плотских утехах и таким прагматизмом в подходе к непреложным доктринам святой веры, словно он сам неверный.

Будто в ответ на эти тревожные мысли, король появился у нее на пороге. Его волосы и одежда были влажными – еще одно свидетельство в пользу ее последней мысли: какой уважающий себя мужчина купается так часто, как король Рамиро? Даже ашариты в своих далеких восточных землях этого не делают. Роскошные ритуалы купания были характерны только для сибаритских дворов Аль-Рассана, обитатели которых не соблюдали аскетических ограничений собственной веры. «Слишком долго он пробыл при дворах правителей юга, – снова подумала королева Инес, – и к тому же в таком возрасте, когда был еще молод и внушаем». Она искоса взглянула на супруга, не желая поощрять его более откровенным восхищением. Невозможно было отрицать: на пороге ее комнаты стоял очень красивый мужчина. Высокий, хорошо сло-

женный, с квадратным подбородком. Пусть его волосы рано поседели, но усы оставались черными как смоль, и ничто не говорило об утрате им способностей или остроты ума в военных и политических делах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.